

Протоиерей Александр Шабанов

КОРАБЛИКИ
СВЯТОМУ
БРЕНДАНУ
МОРЕПЛАВАТЕЛЮ

2-е издание, исправленное и переработанное

ТВЕРЬ

2016

УДК 271-9
ББК 86.37
Ш 12

Шабанов А. Ю.
Ш 12 Кораблики святому Брендану Мореплавателю / [ред. О. А. Платонова; худож. О. Д. Шабанова]. — 2-е изд., испр и перераб. — Тверь, 2016.

ISBN

УДК 271-9
ББК 86.37

Научно-популярное издание

Шабанов Александр Юрьевич, протоиерей
КОРАБЛИКИ СВЯТОМУ БРЕНДАНУ МОРЕПЛАВАТЕЛЮ

Редактор Платонова О. А.
Художник Шабанова О. Д.
Технический редактор Рыжова Д. П.

Подписано в печать . Формат 100*70 1/16. Усл. печ. л. .
Тираж экз. Заказ .

ISBN

© Шабанов А. Ю., 2001
© Шабанов А. Ю., 2016, с изменениями
© Шабанова О. Д., иллюстрации, 2016

Святой Брендан, икона.
Работа тверского иконописца
Игоря Маркова

Предисловие

*Берег хорош собой,
И многообразней стократ.
Но бьёт о песок прибой,
И люди в море глядят.
Не видят они далеко,
Не видят они глубоко,
Но, хоть и бессилен взгляд,
Они всё равно глядят...*

Роберт Фрост
«Ни далеко, ни глубоко»
(Перевод Андрея Сергеева)

Путешествуя по русским равнинам или вглядываясь в густое море израильской пустыни, укрываясь от ливня где-то между Костромой и Ярославлем, однажды утром просыпаясь на сельской «заправке» по дороге в Осло, о море и не вспоминаешь. Это на Кипре – Крите оно то преследует, то, нечаянно обгоняя, встречает тебя, сверкая солнцем или поблёскивая отражающейся луной, – море, вздыхающее приливами и шелестящее в отливах. Жить около моря всё равно что пить ежедневный эликсир от одиночества. Когда вспоминаешь библейское «и Дух Божий носился над водою», то чувствуешь близость этих влажных крыльев, их движение вокруг тебя и вообще повсюду. На земле такое случается редко, верно, оттого, что линия горизонта в море не имеет изломов, и, обращаясь к ней, мы словно пытаемся разглядеть источник этого таинственного присутствия. Кельты древнего Уэльса знали особое слово, что означало и ощущение близости чудесного и благоговения перед ним: по-валлийски они говорили «хад» – и становилось ясно, что речь идёт не о простом любовании морским пейзажем или вершинами гор, а о духовном переживании того, что пусть и много раз было видно, но словно только что открылось.

Море имеет свой «хад». Оно – дорога к другому берегу и в вечность одновременно. Величественнее моря может быть только океан. За океаном – мирные воды Творения, в которых повсюду поднимаются острова. На их берегах усталые путники находят прибежище и отшельники обретают покой.

*... Смирились волны мощные,
Покрылись льдом, но – диво!
Бурлят в часы урочные
Приливы и отливы.
В разгар зимы приятен мне
Шум вод – души веселье,
Под пенье моря внятное,
Я дремлю в мёрзлой келье...*

«Крик Гарба»

Из «Стихов о Суибне Безумном», XII в.
(Перевод Владимира Тихомирова)

Потом появляется корабль. Поэты средневековой Скандинавии, скальды, чьи саги не возникли бы без кельтской лирической традиции и живого влияния, называли корабль «морским конём». Море было «землёй кораблей», «дорогой китов», а небо – «домом ветров». Путешествие превращалось в «плавание на морском коне по земле кораблей под кровом дома ветров». Часто оно становилось нелёгким выживанием, не имея воли к которому дорога странников могла стать последней.

Море – самый великий музей Истории. Без привратников и экскурсий, без залов и портьер, оно хранит прошлое надёжней и молчаливей, чем все другие тайники. Историк, стоящий на палубе корабля, ищет в море то важное звено, что, может быть, свяжет его с прошлыми временами. Он надеется разглядеть древние бури и штили. Ему, похоже, нужно заговорить с теми людьми, кто был среди этих волн, чьи мысли и чувства заставили его подняться на эту палубу и отправиться в плавание.

Писать о море – занятие хотя и приятное, но рискованное. Книги такого содержания советуют в библиотеках подросткам наряду с детективами и фантастикой. Впрочем, эти страницы не столько о море, сколько о преданиях, с ним связанных. На кораблях ходили миллионы людей, но читающих про те плавания куда больше.

Путешествовал и святой Брендан. Очень давно, в VI веке. Конечно, были и другие, его современники, что, удивлённые, возвращаясь, спешили поделиться новым опытом и мудростью с теми, кто хранил верность дому на берегу. Но святой Брендан Мореплавателю из Клонферта всё же самый известный из средневековых странников. Его легендарное Плавание поражало воображение всего Западного мира не одно столетие.

Как писал Антон Джерард ван Хамель, «деяния других нужно рассматривать как повод для размышлений». Эрнест Ренан называл «Плавание святого Брендана» «уникальным продуктом комбинации

кельтского натурализма с христианской духовностью. И здесь есть над чем подумать.

Существует определенная польза от перечитывания собственных старых книг: вдруг удаётся разглядеть что-то совсем новое, прежде упущенное, оживить детали, прежде воспринимавшиеся как антураж. В 2001-м году я издал книгу «Святой Брендан Мореплаватель. Поиски Земли Обетованной». Тираж был небольшой, и книга быстро разошлась. В ней, опираясь на три текста: «Navigatio Sancti Brendani» («Плавание святого Брендана») VII – VIII веков, «Voyage of Saint Brendan» («Путешествие святого Брендана») XII века и «Vita» (Житие), – пересказал историю поисков Блаженной Земли среди океанского безбрежия, столь любимую западными христианами времен неразделённой Вселенской Церкви.

Повествование было снабжено историографическими комментариями, а в одной из глав – «Остановка на Северо-Западе» – излагалась гипотеза о роли иро-кельтских миссионеров в формировании культурно-религиозного единства северо-запада Европы и будущей России.

Казалось, что после публикации вопрос исчерпан. Но образ святого Брендана Мореплавателя вновь, и опять, и снова приходил на ум. Так появились дополнения, замечания, – казалось бы, мелочи, – которые неожиданно зажили собственной жизнью.

Я назвал эти тексты – «Кораблики святому Брендану», что спустя столетия плывут вослед за кораклом великого монаха-мореплавателя VI века, которому были открыты глубины Творения и тайны будущих времён.

«Кораблики...» размещались в 2013-м году на церковных «интернет-ресурсах» Твери и Санкт-Петербурга.

Текст «Плавания святого Брендана» («Navigatio Sancti Brendani», далее: «Плавание...») в нашей книге – не прямой перевод латинского оригинала на русский язык. Читателю предлагается реконструкция нескольких

Кельтские кресты на старом кладбище Monasterboise, Ирландия. (Фото автора)

вариантов. В составлении рассказа использованы: английский перевод «Navigatio...», помещённый в книге «The Age of Bede» («Время святого Беды»), «The Voyage of Saint Brendan» (1965), с дополнением из более поздних англо-саксонских источников, собранных в исследовании Джесси Кросланда (Jessie Crosland) «Святой Брендан и его Плавание. Приключенческая повесть средних веков» (St. Brendan and his Voyage. An Adventure Story of the Middle Ages) by J. Crosland, 1972), а также классическая публикация Карла Селмера «Navigatio sancti Brendani Abbatis» (Notre Dame, Indiana, 1959).

Вслед за ирландскими паломниками¹ каждый из нас может познать присутствие Господа в Его Творении, но действительно ценным остается не количество чудес, а вера в Его Промысел и Любовь.

И в конце путешествия внимание святого Брендана не приковано исключительно к чудесам мира. За годы странствия преподобный убедился: быть очевидцем чудес не требуется тому, кто верит, – и тогда он возвращается на родину. Об этом спустя столетия скажет Райнер Мария Рильке: «Есть мистическое восприятие Родины – как страны, граничащей с Богом».

А страна вовсе не Империя, а Остров спасения в немирном океане.

Надеюсь, что молитвы святого Брендана Мореплавателя помогут всем нам обойти рифы и претерпеть муки «моря житейского», сохранят от глубинных его чудовищ, скал и штормов.

---

¹ Паломники (от лат. peregrinus – иностранец, чужеземец) – путешественник к Святой земле и другим географическим местностям, имеющим сакральное значение для христианской веры с целью поклонения и молитвы; вообще духовное путешествие к святым местам на поклонение.

Глава I

После Святого Патрика Церковь поэтов и странников

Глядя на гребни волн стальные
И слыша птички весенние песни, ранние,
Я взял себе монастырское имя:
«Склонившийся ныне главой к Ирландии».

Неизвестный кельтский поэт IX в.
(Перевод Стефана Красовицкого)

Уильям Батлер Йейтс справедливо заметил: «За всей Ирландской историей – словно гигантский гобелен; христианству пришлось его принять и самому стать одним из вытканых там изображений»². Следует добавить: «изображение» это до наших дней остаётся центральным. Первые узоры положил святой Патрик, Просветитель Ирландии. С его приходом в конце IV века Ирландия преобразилась. Даже природа не осталась безучастной к переменам: предание говорит, что после миссии Просветителя в стране, с древности называемой «ольховым болотом», вдруг исчезли змеи.

Красивый этот рассказ подтвердили палеоботаники, исследовавшие пыльцу растений с ирландских болот. На Зелёном Острове, похоже, действительно нет змей, хотя совсем недалеко, в Британии и Шотландии, их предостаточно. Символично, что кельтские языческие жрецы – друиды, главные соперники святого Патрика, – почитали этих пресмыкающихся и даже называли себя «змеями»³.

Наши сведения об Эйре⁴ дней распространения христианства скупы и противоречивы. Археология небогата свидетельствами.

2 Йейтс У.Б. Видение. – М., 2000. – С. 534.

3 Голан А. Миф и символ. – М., 1993. – С. 78.

4 Эйре, Эрин – древнее название Зелёного Острова, от «земля Эриу», по имени одной из местных богинь. Иберния – античное обозначение Ирландии, которая, собственно, последнее имя получила после нашествия викингов.

*Святой Патрик, Просветитель Ирландии.
Икона из Храма Трёх Исповедников, Тверь.
Работа тверского иконописца
Вячеслава Михайлова.*

Её откровения ценны тем, что представляют добротный критический комментарий по многим частным вопросам, но только литература остаётся единственным очевидцем, с лёгкой руки которого (всё-таки у литературы «лёгкая рука») мы способны представить, какими были кельты до вторжения викингов, а впоследствии – норманнов, как они верили, любили и о чём думали. Впрочем, не так всё просто.

Немногочисленные хронологические записи V и VI веков рассказывают в основном о делах королей и вождей, их беспрестанных развлечениях: воровстве скота и стычках на границах. Раннехристианскую Ирландию «цивилизованной» можно считать лишь условно. Но это не даёт нам права говорить о ней в том тоне и с той снисходительностью, как выходило у римлян и – позднее – у англо-саксов. Ни историографические исследования, ни искусствоведческие наблюдения основания для такой поверхностности не дают. После святого Патрика Ирландия представляется далёкой от дикости и варварства⁵. Социальное устройство Эйре составляло полную противоположность, почти в каждом явлении, имперскому римскому обществу. Соответственно, Христианская Церковь строилась собственными путями и практически без оглядок на континент.

Известно, что ирландцы строго делились на классы или социальные группы, каждая из которых имела свои привилегии и обязанности. Существовало приблизительно три общественных слоя: аристократы-землевладельцы, простолюдины и так называемые *aes dana* (ирл. «люди знания», или друиды). Друиды были особым сословием с необычными возможностями и правами. В него входили поэты, историки, судьи, ремесленники. Они имели общественное положение, которое не определялось рождением или имуществом. Их уважали соотечественники и защищали законы даже за пределами родного туата (кланового объединения). Причиной тому была учёность «людей знания», творчество и мастерство. Обычный селянин редко покидал границы своей малой родины. Он рождался, трудился, находя всё необходимое в одном небольшом районе, и там же умирал. Друиды, напротив, имели полную свободу и жажду к перемещениям. По этой причине именно они играли важную роль в поддержании и развитии культуры на Зелёном Острове.

После прихода христианства духовенство унаследовало некоторые из их привилегий и приняло на себя практически все обязанности. Гилберт Кийт Честертон в своём эссе «Вечный человек» писал: «Сердце ушло из язычества вместе с богами очага, богами сада, поля и леса.

---

⁵ Обвинение в «варварстве» имеет, так сказать, «юридический» характер. Рим не успел предпринять попытки к завоеванию Эйре и рассуждал просто: если народ не покорён, то он «варварский». Это суждение было настолько расхожим, что даже святой Иероним (IV в.) считал ирландцев каннибалами и многоженцами. (*Авт.*)

Пан умер, когда родился Христос. Точнее, когда люди узнали о рождении Христа, потому что умер Пан. Возникла пустота, исчезла целая мифология, и в этой пустыне можно было бы задохнуться, если бы в неё не хлынул воздух христианской теологии»⁶.

В седьмом, восьмом и девятом столетиях ирландские монахи начали записывать воспоминания о своих ранних святых.⁷ Так появились: «Житие святого Коламбы Младшего, написанное монахом Ионасом» (VI в.), «Житие святого Патрика», составленное Муирху (VII в.), «Житие святого Коламбы Старшего» (в ирландской традиции – святой Колмцилл или Колум Килле, то есть «Голубь Церкви»), автором которого считается святой Адамнан, игумен Айоны (†704), «Книга из Келлса», «Книга из Дурроу» (VII в.), «Житие святого Самсона Дольского» (VII в.), «Житие святого Фурсы» (VII в.), «Книга из Лисмора» (VIII в.), «Книга из Армы» (807 г.) и многие другие произведения. Довольно часто святые изображались в духе кельтских представлений об эпических образах древности. Добродетели воинов и героев: сила, мужество, преданность – оказывались столь же важными, как христианские вера, надежда, любовь. Записи эти уцелели большей частью в манускриптах XII века и позднейших списках. С их помощью можно попытаться исследовать развитие христианства после святого Патрика.

Согласно «Каталогу (патерику) святых Ирландии», составленному примерно в VIII веке, первая группа святых относится ко времени самого Просветителя; и тогда они в большинстве своём были епископами: «выдающимися и преисполненными Святого Духа, числом 350, с единым Главой – Христом и наставником – святым Патриком». Детали,

6 Честертон К.Т. Вечный человек.

7 Столь стремительное формирование корпуса агиографических сочинений иногда связывают с чудовищной чумой 665 года, погубившей огромное количество ирландцев, в том числе и монастыствующих. Угроза окончательного разорения Церкви подвигла скриптории документировать то, что доселе передавалось изустно.

касающиеся этих святых, с исторической точки зрения часто остаются неопределёнными, и всё же рассказы «Каталога» приближают нас к географическому и духовному пространству тех столетий.

Тогда был создан особый порядок: Пасха праздновалась в 14-й лунный день после весеннего равноденствия. То, что попадало под анафему в одной из общин, отлучалось и всеми остальными. Женщины имели широкое влияние в церкви, и это вызывало возмущение Рима, впрочем, как и особая тонзура (вместо макушки кельты выбривали переднюю часть головы от уха до уха). «Уже один внешний вид ирландцев, переправившихся на материк, – их суровая шерстяная одежда, их тонзура – оставивший на себе внимание, настраивая на ожидание исключительной святости. В них была такая сила братской любви и такое терпение, такое стремление к кротости и дружелюбности, что нельзя было сомневаться: Бог жил среди них»⁸.

Основой церковного порядка становились монастыри. Все ирландские святые прямо или косвенно связаны с монашеским миром. Жития пестрят сведениями о строительстве обителей и часовен в тех местах, где когда-либо учили или священнодействовали друиды: в дубовых рощах, около источников, у берегов глухих озёр или на туманных островах далеко в океане. Каждый монастырь имел свою церковь. Как правило, она была небольшой, сложенной из брёвен. Когда число иноков выросло, то вместо строительства более вместительного храма кельты предпочитали возводить новые, невеликие по размеру. В то время как континентальные Церкви всё более крепили в материальном отношении, облачая своих епископов в изящные одеяния, сажая их на золотые троны (см. *Житие святого Вильфрида из Нортумбрии*), – Кельтская Церковь ценила аскетический образ жизни.

Лев Карсавин замечал: «Сан аббата часто передавался по наследству (естественно, не прямому, а через многочисленных двоюродно-троюродных родственников. – *Авт.*) в пределах главенствующей, патронирующей (одарившей) монастырь семьи. Становившийся во главе своей обители аббат возглавлял всю христианскую жизнь данного клана... Так <...> создались своеобразные монашеские церкви, не связанные друг с другом, независимые одна от другой, так же, как клан независим от другого клана»⁹. Они, тем более, не чувствовали своей зависимости от Рима.

Во многих монастырях по восточному образцу устраивали укромные места для уединения: затвор, пустыня, где монахи или монахини могли оставаться в одиночестве для молитвы. Иногда случалось, что кельтские святые уходили в пещеры: так до святого Патрика делал в Шотландии святой Ниниан, просветитель пиктов. Другие поднимались, чтобы

---

8 Карсавин Л.П. История христианского монашества. – М., 1932.

9 Там же.

поститься, на вершины холмов и гор. Многие, подобно святым Айдану и Кутберту, чувствовали себя счастливыми у самых морских волн. Автор поэмы о святом Коламбе (XII в.) пишет:

*Он любил смотреть с вершины скалистого берега
Вечно изменчивое лицо Океана,
Следуя взором за валами мерцающей воды,
Поющей в бесконечном беге хвалу своему Творцу.*

В Житии святого Сенана рассказывается о затворнице, поселившейся в келье около юго-западного окончания бухты Бантри. Её звали святая Канаир, или Каннера (†530). Ещё в XVII веке она считалась покровительницей моряков, и корабли, проходя мимо места полузатопленной, но помеченной флагом кельи, столетиями отдавали этой святой морские почести.

А «Житие преподобного Карантока» (Vita Sancti Carantoci, XII в.) сообщает, что святой, собираясь воздвигнуть новую Церковь, бросал в море с лодки переносной деревянный престол, и храм закладывался в том месте, куда волны выносили престол на берег.

Монастыри для кельтов, не знавших городов, превращались не только в ковчеги спасения духовного, но и в убежища, где находилось место как для ремесленничества, так и для литературной работы. За короткий срок обители выросли по всему Зелёному Острову. Сеир (Seir), Клонмакнойз (Clonmacnoise), Дерри (Derry) Дурроу (Durrrow), Бангор (Bangor), Нендрум (Nendrum), Глендалоу (Glendalough) и многие другие были форпостами новой веры.

Монастырь святого Могуа (St. Mogue), епископа Фернса (VI век). (Фото автора)

Наиболее влиятельные из монашествующих, прошедшие становление в кельтских обителях, почитались выше епископов, живших в центре. Даже когда их заметное лидерство оказалось ограниченным celibатом или саном, к монастырям стекалось множество мирян. Иноки или инокини руководили образованием детей престолюдинов, литургической жизнью; в свою очередь, миряне и их семьи помогали монастырям рас-

тить хлеб, ухаживать за скотом, ловить рыбу, разводить пчёл. Это был плодотворный совместный труд.

Один из ранних агиографов – Когитос (Cogitosus, «мыслящий») – пишет о паломниках монастыря святой Бригитты Килдарской: «Кто может счесть хаотические толпы и бесчисленные людские потоки, стекающиеся из всех провинций: кто-то идёт за пропитанием, кто-то немощный – в поисках здоровья, кто-то – чтобы увидеть праздник, а кто-то – с большими дарами в честь святой Бригитты».

Ирландия не стала страной, где христианство насаждалось мечами солдат и указами императоров. Она не дала и своих мучеников за Христа в привычном понимании. Существовало три типа кельтского мученичества.

1. «Белый» – так он назван в одном из самых древних сохранившихся отрывков кельтской прозы, Уэльском *Nomili* (Толковая Библия). Он означал расставание с родиной ради Христа. Для обозначения тоски по дому существовало специальное слово – хираэ́тх (*Hiraeth*). Из-за глубокой любви к семье такая разлука воспринималась особо остро.

2. «Зелёный» – цвет отшельнической жизни, среди лугов и лесов. Уединение ради спасения души.

3. «Красный» – пролитие крови за Спасителя. Таким мучеником в 825-м году стал святой Блатмак (Bláthmac), казнённый викингами за то, что отказался открыть местонахождение раки с мощами святого Коламбы на острове Айона.

Евангельское Благовестие, казалось, продвигалось только силою убеждения. Воины, барды, филиды сняли и сложили свои разноцветные плащи, бронзовые забрала и приняли крещение – по крайней мере, именно так и представляется после изучения известных фактов. Если это правда, то мы стоим перед лицом самой большой загадки ирландской истории, объяснить которую весьма сложно¹⁰.

Перечень святых охватывал *четыре* царствования и называл имена правителей: Лоэгайре (Loíguire), Молт (Molt), сын Лоэгайре Лугайд (Lugaid) и Туатхал (Tuathal). Этот период (четырёх царствований) можно считать завершившимся к началу VI века. Следующий связан с распространением Церкви и расцветом монашеского миссионерства. Он остался самым ярким и удивительным. Его финал состоялся в 664-м году на Синоде в Уитби (северо-восток Британии). Там «столкнулись» два выдающихся

---

¹⁰ Впрочем, довольно сомнительно, чтобы британские и ирландские христиане VI-VII вв. считали себя живущими в «Золотой век», воспринимали своих современников святыми и оставались в полном восторге от существующих порядков. По крайней мере, Гильдас в своей книге «Разорение Британии» (конец VI в.) рисует картину всеобщего падения и с тоской смотрит назад в дни римской оккупации. Для него кельтизм ранней британской Церкви оставался более поводом для жалоб, нежели для торжества.

святых: кельт святой Колман Линдисфарнский и англо-сакс святой Вилфрид Йоркский. Ирландская миссия в Британии и на континенте подошла к своему завершению.

Арнольд Тойнби писал, что после Уитби «дальнезападная христианская культура лишилась шанса стать первенствующей в Европе. Окончательное поражение её постигло в XII веке, когда произошло полное поглощение ирландского христианства римской Церковью». Хотя можно предположить, что Уитби в чём-то катализировал интерес к ранней кельтской практике у англо-саксонской стороны, вскоре начавшей свою миссию.

До этого печально известного Синода сложилось то, что принято считать особой кельтской духовностью в христианстве, своеобразным вариантом переплавленного восточного аскетизма и латинской интеллигентности на Северо-Западе Европы. Так мы определяем кельтское христианство сегодня, пытаюсь найти в нём нечто, не столь отчётливо сохранившееся в Православии. Какого-то, может быть, «героического» отношения к миру и человеческой истории. Наши усилия проистекают из наблюдений за кельтской культурой вообще – той, что известна по летописным источникам Ирландии и дохристианским свидетельствам античного мира¹¹. В своих основаниях героическая, она изменялась под христианским влиянием Востока, прежде всего¹².

Преодоление гордыни как героического по своей природе начала не мешало смотреть на подвиги героев и святых с одинаковым восхищением. В этом особом взгляде кельтов была причина столь большой популярности бритта Пелагия, который излагал идею постоянного стремления человека к самообожествлению и непричастности первородному греху. У.Б. Йейтс о подобных кельтских чувствах пишет так:

*Тише, сердце, тише! Страх успокой,
Вспомни мудрости древний урок:
Тот, кто страшится волн и огня,
И ветров, гудящих вдоль звёздных дорог,
Будет волей ветра, волн и огня
Стёрт без следа, ибо он чужой
Одинокому мужеству бытия.*

(Перевод Григория Кружкова)

11 Например: «Это не храбрость – противостоять странным вещам вследствие невежества...; это не храбрость также, если кто-либо понимает, как велика опасность, противостоять ей вследствие пылкости, или когда кельты берут оружие, чтобы атаковать волны». Аристотель (Arist. Etic. Eudem III. 1, 25).

12 Как пишет Л.П. Карсавин, «блаженный Иероним, Руфин и Сульпиций Север сделали доступным обаяние восточных пустынь широким кругам Запада» (Карсавин Л.П. «История западного монашества»).

Основным памятником кельтской духовности двух этих периодов (периода четырёх царствований и периода расцвета монашеского миссионерства) остаётся самая поразительная, фантастическая и романтическая агиография Ирландской Церкви (где третий период датируется концом VII века, когда миссия угасала, четвёртый – «движение калдиев» (или «кулди») – VIII веком, и пятый – представлен нашествием викингов IX – X веков, разрушением Церкви, – и как результат: Синод в Кашэле 1171-го года, сдавший все прежние позиции Риму уже при норманнах).

Истории и сказания о ранних святых, запечатлённых на «йейтсовском гобелене», похоже, единственный ключ к этой «духовности». Ранние агиографы не видели больших различий между обычным художественным повествованием и религиозными рассказами – они их часто смешивали. Дело касалось как стиля, так и сюжетов. Жития переполнены осколками популярного в те столетия фольклора. В то время как другие народы – например, римляне – исторически переосмысливали свои мифы, ирландцы, наоборот, мифически переосмысливали свою историю и даже географию. Пусть так. Но в историях о мудрой лисе святой Бригитты, вороне святого Кевина или коне святого Давида Уэльского правды не меньше, чем в преданиях о льве святого Герасима Иорданского или медведе преподобного Серафима Саровского.

Кельтские святые имели особые отношения с природой и животными. Змеи покинули Зелёный Остров (по библейскому предначертанию змея остаётся вечным врагом человека). Но вот святой Киран, встретив дикого кабана, неожиданно получает помощь: зверь послушно участвует в расчистке места для монастыря. Когда умирает святой Коламба, его белый конь плачет, предчувствуя смерть хозяина. В Житиях святого Айдана, святого Кутберта и святого Финбарра из Корка (который, по свидетельству жития, «так любил снег») можно найти множество примеров подобного рода.

Средневековый христианин не относился к природе как чему-то существующему помимо него самого. Символический смысл наших сегодняшних «завтраков на траве» был бы ему неясен. Природа обладала во многом теми же свойствами, что и он сам. Она являлась сотворённой и конечной. Человек смотрел на природу и чувствовал её пристальный взгляд на себе. Ценность природы оставалась относительной в сравнении с тем, что связывалось с понятием человеческой души и с Богом. Если на пути к Нему появлялись стихийные или «животные» преграды, то расценивать их следовало как проявление демонических сил¹³. Позднее, в VIII – X веках, когда кельтская миссия на континенте перейдёт

---

13 В те годы развился и особый жанр молитв: *lorica* – «кожаные латы» – молитвы о защите. Поэмы такого рода, датируемые VIII веком, приписывались святым Фурсе, Коламбе и, более всего, святому Патрику.

в сторону заката, а в монастырских кельях, что уцелеют от викингов, появится ирландская лирическая поэзия (как на латыни, так и на ирландском языке), – вот тогда безымянные авторы создадут поэму о белом коте Пангуре, куда войдут и такие слова:

*У меня и моего кота Пангура
Схожие задачи:
Ему нравится ловить мышей,
И я всю ночь охочусь за словами...*

(Перевод Григория Кружкова)

Рука переписчика неоднократно воспроизведёт стихотворение «Писец в лесу», а другой христианский певец сложит:

*Я омываю своё лицо
Девятью лучами солнца,
Как Мария омывала сына
Густым молоком.
Я зажигаю огонь,
Как сын Марии зажигал его.
Я срываю этот нежный тысячелистник,
Как Христос срывал его Своей рукой.*

У.Б. Йейтс был отчасти прав, когда говорил, что «кельтам присущ своего рода “реалистический натурализм”, любовь к природе, ради неё самой, живое чувство естественной магии, смешанной с меланхолией, настигающей человека, едва он остаётся с природой один на один»¹⁴.

Подобные ощущения вполне соотносимы с фольклорной, дохристианской традицией кельтского эпоса. В христианстве же кельты нашли идею Высшей Божественной Личности, сотворившей небо, землю, солнце, звёзды. Для них оказалось несложным делом обратиться к любящему Богу, создавшему человека по Своему образу и подобию. В какой же степени дохристианский материал оказался вплетённым в раннекельтскую христианскую литературу – всё ещё обсуждается современными исследователями и составляет самую сердцевину споров.

Другой отличительной чертой кельтской святости было отношение кельтов-христиан ко времени, которое воспринималось как созданная и благословлённая Богом священная реальность. Его счёт вёлся на годы, месяцы, дни, но никак не измерялся часами или минутами.

14 Йейтс У.Б. Видение. – Москва: Логос, 2000. – С. 25.

Медленное, эпическое время сравнивалось с канатом, протянутым с востока на запад, что изнашивается от постоянного свёртывания и раскручивания (Гонорий Августодунский). Наше эгоистичное отношение ко времени лучше всего уместилось в жалобе: «времени ни на что не хватает». Прошлое для нас становится «прошлым навсегда» с каждой новой секундой. В Средневековье же пишет Аарон Гуревич: «Могилы и курганы предков располагались бок о бок с усадьбами живших: то были уже не два разных мира, а единый, в котором прошедшее, настоящее и будущее оказываются рядоположенными и тесно сосуществующими. Отсюда и возможность оказывать воздействие на ход времени, причём не только настоящего, но и будущего».

В средние века представления о времени и пространстве существенно отличались от того, что оформится в Новое время и сохранится к нашим дням. Как считает А.В. Подосинов, «время тогда было дискретно, негомогенно, чаще всего циклично. Пространство не было равномерно освоено и обладало разной степенью сакральности в своих отдельных частях»¹⁵.

Для ранних святых Кельтской Церкви настоящее содержало в себе и прошедшее, и зачатки событий грядущих, ещё ожидающих своего рождения. Не проводя чётких разделений между временами, кельты понимали историю иначе, чем мы. Наряду с мирским, земным временем существовало сакральное время, вот почему они воспринимали своими современниками тех, кто никак не мог таковым быть. В некоторых агиографиях святая Бригитта и святая Ита изображались повивальными бабками Девы Марии, Матери Иисуса Христа. Они не просто присутствуют при Рождестве Спасителя, но пеленают Его и ухаживают за Богородицей. В других повествованиях святой Патрик становится другом и наставником святой Бригитты, чего не могло случиться; или, как в нашем рассказе, обнаруживается хронологическая неточность при сопоставлении Житий святого Брендана и святого Аилбе. Даже в более поздних Гэльских песнях (X – XI вв.) сохранилось такое особое отношение к истории:

*Приди, Мария, подои мою корову,
Приди, Бригитта, окружи её.
Приди, Коламба, милосердный,
Обвей руками мою корову.
Ну, моя телушка, ну милая,
Ласковая и добрая...*

(Перевод Юрия Варзонины)

---

15 Подосинов А.В. Как древний человек ориентировался в пространстве. Сб. IMAGINES MUNDI. – М., 2013. – С. 117 -118.

Многие кельтские агиографии были вдохновлены литературными памятниками, созданными в первые века христианства, а некоторые сюжеты целиком заимствованы из них: «Житие святого Антония» Афанасия Великого, «Собеседования» Кассиана, «Житие святого Мартина Турского» Сульпиция Севера. Достаточно часто кельтские повествования обнаруживают ссылки на те или иные книги, подтверждая, насколько высоко мудрость ценилась ирландцами. Так, в Житии святого Айдана описывается, как он ежедневно подбадривал своих собратьев, отправляясь вместе с ними на учёбу. А святой Коламба представлен человеком, подолгу занимающимся науками и литературой. Но важнейшим источником для этой (кельтской) агиографии являлось Евангелие, которое, из миссионерской необходимости, переписывалось в скрипториях чаще, чем что-либо другое.

Кельтские святые в Житиях совершают то же, что в Новом Завете совершал Спаситель. Они исцеляют больных, умирят море, насыщают голодных, уединяются для молитвы и даже воскрешают мёртвых. Им присуща большая жизнерадостность. В последние минуты земного пути святой Давид Уэльский говорит: «Братья мои, сестры, радуйтесь, храните веру вашу и делайте малые дела, которым вы научились у меня и которые делал я». А гэльский поэт IX века восклицает:

*Я иду в этот день с Богом,
Я иду в этот день с Христом,
Я иду в этот день с Духом –
Троицей Всемилостливой!
Хэй-хэй-хэй! Троицей Святой,
Защитой мне от болезней,
Спасением мне от ран.
Хэй-хэй-хэй, души и тела моего
Да будет Отец, Сын и Дух Святой!
Отец, Сын и Дух Святой.*

(Перевод Юрия Варзонины)

Немало места в житиях уделяется рассказам о дружбе между святыми, причём, учитывая кельтскую практику смешанных монастырей, добросердечные отношения складывались между мужчинами и женщинами. На такое положение дел, практически не имеющее аналога в других церквях, влияние оказывала дохристианская традиция родового устройства общества и большое уважение к женщине в Ирландии.

Каждый святой имел, по крайней мере, одного духовного наставника – друга. Им становился более мудрый, опытный человек. Возраст роли не играл... Важной оказывалась святость. Духовный друг мог даже не быть священником. Связи подобного свойства явились причиной

(и следствием) многочисленных путешествий святых не только по Ирландии, но и дальше, к берегам Британии. Святой Финбарр из Корка отправляется в Уэльс к святому Давиду, святой Киран идёт учиться к святому Финниану в Клонрад и путешествует на остров святого Енды.

Кроме людей, духовными учителями — начиная со святого Патрика — в житиях были ангелы. Они крестят святых, дают им имена, появляются в снах, приводят к местам, где должны быть построены церкви, основаны монастыри и даже туда, где должно произойти грядущее воскресение мёртвых.

Но самое, пожалуй, необычное в истории Кельтской Церкви — это её «странничество Христа ради».

Святой Колумбан (младший, VI в.) в восьмом поучении на Послание апостола Павла к Коринфянам говорит о жизни как о дороге, по которой христианин должен странствовать, словно он гость в этом мире (*hospites mundi*).

Парадоксально, но Л.П. Карсавин называл святого Колумбана «бурным аскетом». Сам склонный к «поэтической историографии», Лев Платонович обращал внимание на то, что ирландский миссионер — «образованнейший монах своего времени»: «знал Вергилия, Горация, может быть, Овидия, Ювенала, Сенеку, не говоря уже о Василии Великом, Иерониме и Кассиане», а «главной своей целью считал насаждение истинно христианской монашеской жизни, основанной на смирении и братской любви по ирландскому образцу»¹⁶.

Русский язык чутко различает, что есть «странствие» и «скитание». Последнее — грустный труд без видимой надежды, избавление от которого сродни чуду. «Странствие», хотя фонетически близко к «странданию», всё же оставляет менее тягостное ощущение. В странствии больше впечатлений, оно проходит среди «стран», людей и их городов. Скитание связано с одиночеством и полным отсутствием у скитальца желания запоминать что-либо из увиденного. Дорога странника, даже при её неожиданных поворотах и ложных указателях, остаётся путём к определённой цели. «Путешественник» — хороший синоним к «страннику», но никак не к «скитальцу». Лабиринт Одиссея, его злоключения по дороге в Итаку, среди волн и чужих островов, были плаванием к самому себе, становлением личности, проходящей через разного рода испытания, или «инициацией», как говорил М. Элиаде; богиня Афродита то помогала, то оставляла царя Итаки. В его дороге кроется, конечно, и религиозный смысл, но он, скорее, вторичен, как и сама богиня. Христианский странник о доме почти не вспоминает или же делает это подобно святому Коламбе:

---

16 Карсавин Л.П. История христианского монашества — М., 1932.

*Монастырь святого Колмана
Kilmacduagh, Ирландия, VII век. (Фото автора)*

*Есть голубое око, которое бросит взгляд
на Ирландию.
Никогда больше оно не увидит
мужчин Ирландии и женщин её.*

Самым важным в истории Церкви остаётся её миссионерское служение (Мф. 19, 28). Кельтское миссионерство – осмысленное странничество, начинающееся в Ирландии и завершающееся в Небесном Иерусалиме. Со времён святого Патрика монахи – паломники – избирали ради Христа именно такой образ жизни, становились «белыми мучениками». Потребность в вечном самоизгнании соединялась с чувством необходимости обратить язычника. Невзирая на серьёзные препятствия, лишения, оно приносило и большие благословения. Паломники поднимались и уходили. Один Бог знает, почему так происходит. Они шли туда, где, как говорят в России, «небо встречается с землёй». Истинный паломник, как считал блаженный Августин, странствуя по свету, должен был смотреть на удивительные события только через свет Божьего Промысла в Творении: «В этой жизни нам следует миром пользоваться, а не наслаждаться, так, чтобы «невидимые вещи» Бога, Который познается «вещами-творениями», становились видимыми и с помощью телесных и временных вещей мы могли воспринимать вечное и духовное»¹⁷. Упоминается даже некий отшельник, который сам себя приговаривает к морю и ветру.

¹⁷ On Christian Doctrine (trans. Robertson). P. 10; De doctrina Christiana (CCSh 321, i 4). P. 8). В «Шенхус Мор» (Senchas Mar – «Великое Предание»)

Кельтские монахи, отплывавшие от берегов Эйре, спешили увидеть святые места, людей, на них непохожих и, самое главное, приблизиться к Богу. А где, как не в дороге, это происходит? В привычном, обыденном мире всё давно расставлено по своим местам. Здесь банк, там аптека с фонарём, дальше, за цветочным магазином, церковь, где раз в неделю Богу отдаётся должное... В странствии банки, аптеки, да и церкви принадлежат чужому уютному миру – Бога же следует искать. С первых христианских времён дело именно так и обстояло.

Желая святости, египетские подвижники уходили в пустыню. Подобный Антоний Великий поначалу поселился в развалинах поблизости от Нила, а после пересёк весь Египет и остался у берегов Красного моря. Первым аскетам принадлежит известное выражение: «Пока не скажет себе человек: «В мире только один я и Бог», – он не обретёт мира в душе».

Кельты испытали большое влияние православного Востока. Косвенным образом это подтверждается архитектурным сходством между сирийскими и ирландскими храмами V–VI вв. Церкви свв. Симеона, Келэм Син, Чага и Кехет Хасс в Сирии чрезвычайно похожи на Ухт Мама, Кашел, святого Кронана, святого Кевина и другие – в Ирландии. Рядом с часовней Галларуса в Ирландии даже есть византийская надпись IV или V века¹⁸. С.С. Аверинцев пишет, что кельты чувствовали себя носителями православной или «сиро-коптской традиции»¹⁹.

В Житии святой Бригитты Килдарской помещен интересный эпизод. Когда святая просит некоего странника остаться ненадолго в её монастыре, то он отвечает так: «О, монахиня, я не имею свободного времени, ибо врата небесные сейчас открыты, и боюсь, что они закроются передо мною». Это ответ в духе восточной аскетической традиции.

В VI – VII веках путешествия ирландских святых стали довольно распространённым занятием. Святой Кормак трижды отплывает с острова Айоны, ища уединения в океане. По словам святого Адамнана, именно его советовал святой Коламба королю Бруде (Brude) для поиска пути к Оркнейским островам. Святой Могхолд (†498) доплыл до острова Мэн и стал его апостолом. Из монастыря Бангор (Bangor) peregrины отправлялись к племенам пиктов вплоть до VIII столетия. Свидетельством тому миссия святого Маелрубры (†722), основавшего обитель на пустынном полуострове Эплкросс («яблочный перекрёсток» или «яблоневый перекрёсток»). Оттуда его иноки обратили в христианство жителей острова Скай и дошли даже до Лох-Брума на севере Шотландии.

18 См.: «Альфа и Омега», – 2000. – № 1. – С. 202.

19 Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции... // Из истории культуры средних веков. – М., 1976. – С. 40.

В текстах общин кулдеев (IX – XI вв.) (см. *Кораблик 6*) приведено такое увещание: «Вот что, как слышал Маел Руаин (ирландское имя святого Маелруб. – *Авт.*), старики говорили об оставлении родной земли: «Святой Патрик и его друзья, которых он привёл с собой, не должны никоим образом походить на людей, которые оставляют свою Родину, если только они не идут с Востока на Запад и с Юга на Север. Если человек оставляет свой дом и движется именно так, то он совершает миссионерство, как и святой Патрик». Так, святой Давид Уэльский совершил паломничество в Рим, где его рукоположили в епископы.

Другими словами, странствие ради Христа приветствовалось, но пустое бродяжничество, которое могло привести к «морским портам» или в Рим, осуждалось. На полях ирландского манускрипта, содержащего сочинение Седулия Скотта, рукой переписчика оставлена пометка: «Кто идёт в Рим – много труда, но мало пользы, ибо Бог, хотя давно ты ищешь Его на земле, не найдётся в Риме, покуда ты туда Его не принесёшь».

Наиболее известными были путешествия святого Коламбы (Колмцилла) на Айону и в Шотландию, святого Айдана на Линдисфарн и в Нортумбрию, святого Колумбана и святого Галла в Люксей, на озеро Констанца (Швейцария) и в Ломбардию. Монах-летописец IX века Дикиуль (Dikuil) пишет о Северных Островах (Norten Isles), где около сотни лет жили ирландские отшельники. В скандинавских сагах X – XI веков – «Книга об исландцах», «Книга захватов Земли» и «Истории Теодерика» – упоминаются ирландские монашеские общины, с которыми встретились первые отряды викингов. Ж. Ле Гофф подсчитал, что за 200 лет Ирландия «экспортировала» около 115-ти святых мужей в Германию, 45 – во Францию, 44 – в Британию, 36 – на территорию современной Бельгии, 25 – в Шотландию и 13 – в Италию: «Если большинство из святых – личности легендарные, вышедшие из фольклора, то это ещё лучше подтверждает, как заметил Бернар Гиймен, сколь глубокий след оставило ирландское монашество в ментальности и чувствах Западного мира»²⁰.

Более того, для Европы, чуть было не погибшей от варварских нашествий, это кельтское странничество стало просто находкой. Европа нуждалась в миссионерах: в Германии святой Коламба с учениками находил приносящих жертву Одину; Британия после крушения Рима возвращалась к язычеству.

На Западе евангелизация происходила через юг Уэльса, и довольно необычным образом. Набеги ирландских пиратов вызвали поток беженцев из Девона и Корнуолла в Арморику, на нынешнее французское побережье. Переселенцы окрестили его Бретанью. Великий епископ Самсон из Дола, как и Гильдас, бывший учеником святого Иллтуда,

---

20 Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. – М., 1992. – С. 120.

*Часовня Галларус (Gallarus)
на полуострове Дингл, Ирландия. (Фото автора)*

совершал своё служение сначала в Корнуолле, а потом в Бретани. И там и там миссионерство строилось по кельтскому образцу, через утверждение небольших христианских общин, под опекой которых оказывались близлежащие окрестности. В Галлии Меровингов, как сообщает Ионас из Боббио, совсем немногие люди понимали сущность христианства, и справедливость этого мнения подтверждают письма святого Григория Турского. Ирландцы были замечательными проповедниками. Духовно преодолев клановую зависимость, оставив имущество, семейные и гражданские обязательства, они шли куда угодно. Им оказывались не нужны каменные стены монастырей, замков и покровительство богатых людей. Они могли воспользоваться различными благами, и то лишь на время. В одежде и пище оставались весьма непривередливы. Много зависело от личной инициативы, а не от посланий епископа, которых, кстати, не было вовсе.

Точнее сказать, из Ирландии посланий не приходило. На континенте же в конце VI века галльские епископы сурово писали миссионерам: «Из отчета, сделанного достопочтенным Спаратом, мы узнали, что вы продолжаете носить из одной хижины в другую подставки, на которых совершаете божественную мессу, а женщины помогают вам (им дано имя «конхоспиты»); в то время как вы распределяете Пречистое Тело, женщины берут потир и причащают людей Кровью Христовой. Это нововведение – неслыханная дерзость... Ради любви Спасителя,

Монастырь святого Тола (St.Tola) Dysert o'Dea, VIII век. (Фото автора)

во имя Единой Церкви и нашей общей веры мы просим вас немедленно, по получении этого письма, отказаться от подобной практики... Мы призываем к вашей милости, чтобы вы отстранили этих женщин от таинства, а также не позволяли жить под одной крышей с вами никакой женщине, если она не является вашей бабушкой, сестрой или племянницей». Ничего подобного кельты делать не спешили. Они ценили труды своих соотечественниц. Согласно одному из самых ранних мартирологов, в Ирландии почитали свыше двухсот святых женщин.

Апостол Павел, верно, приветствовал бы подобную практику. Такой стиль жизни отлично подходил к европейским запросам VII века. Перегринов охотно принимали тевтонские короли, знатные дворяне: Эрнвальд (Eornonwald) Франкский или Агилульф (Agilulf) Ломбардский, высокопоставленные дворянки: Ита или Гертруда. Святой Колумбан, этот «неистовый воин христианства», искавший спасения в европейских лесах, стал духовным вождём и смело обличал меровингский двор Брунхильды. Ирландцы основали ряд монастырей, в скорое время превратившихся в центры просвещения и приюты для странников. И сегодня набожные южные германцы поют гимны святому Килиану.

Перегрины называли себя «ликующие христиане». Их «ликование» следовало бы считать торжеством не только веры, но и культуры, точнее, знаний, что несли они в землю, пережившую «великое переселение народов» и уже было повернувшую обратно к язычеству. Память этих «факелоносцев раннего Средневековья» достойна восхищения. Для них был понятным не только латинский, но и греческий язык. Но не

только самим себе они доверяли эти знания. В Германии VII – VIII веков самой важной частью имущества peregrinorum считали «Pugilatores Scotorum» – ирландские таблички с записями, как правило, духовного содержания. Многие из монахов носили добавление к своему имени: «Scottus», которое со временем приобрело значение высшего учёного звания. Святой Фурса стал известен в Перонне (Франция) как Peronna Scotorum. Из наиболее известных кельтов оно принадлежало Седелиусу Скотту, Марианну Скотту и, конечно, Иоанну Скотту Эуригене.

В 600-м году peregrinorum достаточно хорошо понимали везде. Новообращённым христианам было всё равно, какой установится порядок – кельтский, бенедиктинский, византийский или другой. Святой Беда Достопочтенный (†735), никогда не питавший особой любви к Кельтской Церкви, хотя сам учился в Ярроу, писал: «Ирландцы всех встречали с радостью, всем давали ежедневное пропитание и всех снабжали книгами для чтения, давая наставления и ничего не прося в качестве платы». Но начиная с 730-х годов следует череда мер по пресечению кельтского миссионерства. Ирландские проповедники попадают в немилость. Они осыпаны оскорблениями за «многословный обман» и «хитрую лживость». На европейские дороги пришли англо-саксонские миссионеры с уставом святого Бенедикта в руках. Благодаря их усилиям отношение к кельтам на континенте начало меняться. Бенедиктинский устав перестал быть одной из нескольких форм монашества и стал образом жизни (Par excellence) создающейся церкви. Для обширных владений Карла Великого он оказался более пригодным, так как имел все качества дисциплинарного документа. Мантия римских императоров упала на плечи римских епископов. Традиционным идеалам ирландского странничества в этом порядке места уже не находилось.

Такая перемена отношения к аскетическим путешествиям отразилась и на лирических текстах ирландской поэзии. Стихотворение «Думы изгнанника», созданное около X века и традиционно приписываемое Коламбе, вкладывает в уста святого слова, прежде невозможные для peregrina:

*Боже, как бы это дивно,
славно было –
Волнам вверяясь, возвратиться
в край мой милый.
Много снёс я на чужбине
скорбной муки,
Много очи источили
слёз в разлуке...*

(Перевод Григория Кружкова)

Другим важным событием стало нашествие викингов, которое не только разорило ирландские церкви, но и разрушило более чем трёхсотлетнюю практику peregrinatio. Начиная с VIII века Ирландия берётся за пересмотр своего отношения к миссионерам-путешественникам. Староирландский устав святого Аилбе (Ailbe) предписывает иноку: «Не оставляй твоего монастыря».

Святой Самтхан говорит своим ученикам о том, что Господь так же близко к Ирландии, как и к Риму или любому другому месту, путь же в Царствие Небесное на одинаковом расстоянии от всякой земли, следовательно, нет необходимости плыть за море. В Ирландии и Шотландии в VII – IX веках среди отдельных отшельников даже распространилась практика объединяться в группы по тринадцать человек (может быть, символ Христа и 12-ти апостолов). Их называли кулди (или кулдеи, калдис), по-ирландски: Céli Déi – «слуги Бога». Составленное около 800-го года «Староирландское покаяние» использует правила ранней Церкви, но странничеству в нём предпочитаются более прозаические занятия. Так произошло, что аскетические идеалы «белого мученичества» вне Ирландии осуществить стало невозможно. «Белое мученичество» сменилось «зелёным». Новые иноки закрылись в своих кельях. Некоторые из них начали поиск уединения на родине, вне монастырских стен и далеко от торговых дорог. Они молились так:

*О Сын Бога Живого,
Вечный Царь,
Я хочу, чтобы затерянная в диких местах хижина
Стала жилищем моим.
Пусть прозрачный ручей
Будет с ним рядом,
Чистая заводь для смывания грехов
Благодатью Духа Святого,
Пусть его окружает прекрасный лес,
Чтобы кормить многоголосых птиц,
Чтобы давать им приют.*

Ирландская поэзия (X век)

Другие оставались в обителях. Им предстояло продолжить труды прежних переписчиков книг. С VI по X век в Ирландии работало не менее ста скрипториев. Число монастырей постоянно росло. Переписчики Эйре и Нортумбрии выработали крупный красивый почерк. Полной неожиданностью стал кельтский особый шрифт VII века, когда среди букв появляются изысканно переплетённые украшения, паразитель-

но умудрявшиеся превращать бороду, волосы, морщинки, глаза и руки евангельского персонажа или святого в хитросплетения традиционного орнамента. Кроме того, на полях книг, предназначенных для иллюминирования, монахи принялись записывать гэльские стихи в большом количестве.

В море никто о море не пишет. Для этого есть суша. Корабельные дневники – единственное исключение. Вся Ирландия окружена солёными водами, а память о прежних странствиях ещё не успела исчезнуть. Фантазия посвящалась мореплаваниям. Рассказы о путешествиях становились всё более яркими, если не сказать приукрашенными. Рождалась средневековая литература Северо-Запада Европы, и не только его.

Кельтская Церковь и её движение паломников могли иметь прямое влияние и на монашеские ордена, возникшие на континенте в начале XIII века. Доминиканцы и особенно францисканцы сознательно подражали путешествующим миссионерам и проповедникам Ирландии VII – VIII веков. Возможно, Франциск Ассизский (лат. Franciscus Assisiensis) испытал кельтское влияние, посещая монастыри Северной Италии, которые ещё сохраняли некоторые черты и этос своих основателей - ирландцев.

«Преувеличение есть тот дух, коим искусство живо, и нам должно стремиться к тому, чтобы всякое преувеличение довести до крайности», – так писал один из инициаторов «кельтского возрождения» Самюэль Палмер. Комментируя его труды, Уильям Батлер Йейтс шёл ещё дальше: «Литература деградирует до простой хроники событий, до выхолащенных холодных фантазий и столь же холодных размышлений, если только её не питают страсти и верования древности, а из всех европейских источников древних страстей и верований – славянского, финского, скандинавского и кельтского – лишь последний, на протяжении многих веков, был близок к основному потоку европейской литературы»²¹.

Под «страстями и верованиями» У.Б. Йейтс подразумевал, прежде всего, древнейшие кельтские саги («Плавание Брана», «Книга Захватов Ирландии», «Битва при Маг Туиред», «Болезнь Кухулина» и многие другие), что записали ирландские монахи в VII веке и копировали их преемники в X – XI веках. Переписчики не скупались на разного рода добавления в виде плачей, жалоб и песен. (Здесь следует искать влияния прежних поэтических школ кельтских филидов и бардов.) Кроме этого, во многих ирландских книгах того времени внимательный исследователь находит какие-то, на первый взгляд, посторонние детали.

---

21 Йейтс У.Б. Видение. – С. 35.

Они могут показаться заимствованиями, и современный филолог с радостью пустится в рассуждения об «интертекстуальности», но более вероятно, перед нами оказываются корнесплетения нового романтического предания. Наиболее любопытный пример связан с так называемым «Codices Celtice» – добавлениями, сделанными в латинский перевод Библии – Вульгату – блаженного Иеронима. Они появились в ирландских и шотландских кельях VIII века. Без видимых причин предложение из Евангелия от Иоанна было вставлено в описание смерти Христа в Евангелии от Матфея. Переписчик мог просто ошибиться. Но существует мнение, согласно которому случайности здесь не произошло и в этих евангельских добавлениях сокрыто, собственно, выражение того духа, который позднее создаст самое красивое предание кельтов – историю святого Грааля и рыцарей Круглого Стола.

Там же, в монастырских скрипториях, составлялись жития ранних кельтских святых, где евангельские идеалы поэтично стилизовались в героических преданиях древности. Граница между древними героями саг и миром новых святых сделалась проницаемой. Мужчины и женщины, которые теперь приняли «зелёное мученичество», не нарушали традиций своего народа, а, наоборот, искали их продолжения с помощью фантазии и слова. Поиски принимали подчас неожиданные формы. Например, Архангел Михаил, столь почитаемый ирландцами и позднее германцами, очень быстро приобрёл черты прежних эпических героев. Существовали даже гимны его лошади по кличке Брайн (Brian), которая была «быстра, как ласточка весной, как мартовский ветер, как молния, и почти так же, как сама смерть».

Те, кто трудился в ирландских скрипториях и позднее на континенте, были людьми одной традиции и родственного мироощущения. Их связывал единый культурный «текст», к которому необходимо правильно ставить вопросы и внимательно слушать то, чем он отзовется. Сам по себе факт отсутствия подлинного манускрипта святого Брендана (самой рукописи) – не слишком великая потеря. Эти люди верили подобно нам и плыли по тем же волнам. Мы знаем, где Америка и «острова в океане», прежде всего, благодаря их усилиям и мужеству.

Несколько слов следует сказать о судьбах ирландской агиографии более позднего времени, поскольку «Плавание святого Брендана» исторически связано с литературной традицией тех лет и континентальный читатель многим обязан двум авторам. Первого звали Джиральд ди Барри (Giraldus di Barri; в англ. варианте: Джеральд де Барри). На три четверти норманн, родившийся в англо-саксонских землях, он величал себя Джиральдом Кембрийским, желая тем самым настоять на своей прямой связи с непримиримым кельтским Уэльсом и мечтавший стать епископом Сент-Дэвидса. Джиральд в 1183-м году посетил Ирландию

(точнее сказать, участвовал в норманнских набегах) и собрал свои впечатления, озаглавив книгу «Топография Ибернии».

У него получилась яркая картина магической и мистической страны, экзотичной, подобно островам на Дальнем Востоке, только с более мягким климатом. Джиральд описал Ирландский мир как существующий на самом краю земли, далее которого нет ничего. Он говорил о духовной стране, где происходят чудеса, встречаются святые источники, а глубоко религиозные люди почитают святых вместе с реликвиями (колокольчиками, посохами и проч.), принадлежавшими последним. Его можно считать одним из авторов идеи, согласно которой кельты – особая этническая группа, совершенно отличная от англо-саксов, а кельтское христианство – независимый духовный путь. «Топография Ибернии» убеждала европейцев, что хотя «золотой век святых» давно позади, но многое от его цветения ещё живо, и, как священный огонь, всё ещё хранимый монахинями Килдара, это живое доступно паломникам Зелёного Острова. Спустя некоторое время Джиральд ди Барри издал вторую книгу – «Завоевание Ибернии», – в которой собраны многочисленные пророчества святых VI – VII веков, изустно циркулировавшие по Ирландии. Пророчества предсказывали продолжение сопротивления захватчикам и обещали наступление дня, когда «все англичане будут изгнаны королём, явившимся с гор святого Патрика».

Другой важной фигурой кельтской агиографии был цистерцианец Албин О'Муллой. Ирландец по происхождению, епископ Фернса, в 1230-м году Албин собрал целую коллекцию Житий кельтских святых, которая справедливо считается «вершиной агиографии Ирландии», задуманной для того, чтобы «показать славу святого прошлого Ибернии перед лицом критиков, англо-французов, англичан, фламандцев, прибывших в страну десятилетиями раньше 1200 г. и после того» (R. Sharpe. *Medieval Irish Saints*).

О литературных и агиографических источниках «Плавания» более подробно будет рассказано ниже.

Святой Колумба Айонский, Святой Брендан Мореплаватель.
Икона из Храма Трёх Исповедников, Тверь.
Работа тверского иконописца Вячеслава Михайловского

Глава II

В поисках вечногo рая Среди знаков и символов

*Ещё не поздно искать иные земли.
Толкните чёлн, на вёсла навалясь,
Вонзайте их в валы, бегущие нам
встречь!*

*Покуда живы, поплывём туда,
Где гаснет солнце, звёзды тонут в море.
Быть может, разом нас поглотит бездна,
А может, ждут нас Счастья Острова...*

Альфред Теннисон

Святой Брендан родился в местечке Ардферт (Ardfert) на западном побережье графства Керри королевства Мунстер. Шли времена Энгуса Надфрайхе – сына короля Мунстера. Это был 486-й год. Само по себе обстоятельство, что появиться на свет ему надлежало около моря, должно кое о чём говорить сознанию континентального читателя. В кельтской агиографии мирно уживались несколько вариантов одного и того же жития, но неизменным оставалось самое существенное: автор старался не столько ознакомить читателя с жизнью святого, сколько, прежде всего, свидетельствовать о святости описываемого лица, причём святость, как правило, обозначалась заранее (с момента рождения) и во времени постепенно раскрывалась. Переписчики прикладывали немало фантазии, для того чтобы заполучить святого в число своих земляков, а значит, отчасти, родственников. И по другой версии – святой Брендан родился там же, в графстве Керри, но место означалось Тралле (Tralle), в 10-ти километрах западнее от Ардферта, на побережье.

С первых лет мир познавался Бренданом при очаровании просторов Атлантики. Для нас, жителей материкового Северо-Запада, это

может стать дополнительным объяснением той смелости, что лежит в основании решения святого покинуть Ирландский берег.

Прапрадед преподобного Брендана – Атла – происходил из королевского рода Еоган Девяти Заложников. Фриндлунг – так звали отца святого, – уже принявший христианство, любил вспоминать о своём знатном предке и гордился высоким происхождением. Родители Брендана жили с благословения епископа Эйрка, возможно, бывшего бретонского друида. Агиограф говорит, что ещё до рождения ребёнка Кара, будущая мать святого, получила пророческое видение: её лоно словно наполнилось чистым золотом, а груди сияли, как снег. После того как она рассказала об этом епископу Эйрку, он предрёк, что ей предстоит подарить миру чудесное дитя, исполненное благодати Святого Духа. В ночь, когда мальчик появился на свет, у богатого человека Аирди, что жил неподалёку, тридцать коров принесли тридцать телят. Аирди, подобно евангельским пастухам, отправился искать дом с новорождённым, а найдя, пал перед младенцем на колени и отдал этих коров и телят²². Той же ночью епископ Эйрк увидел дом родителей святого Брендана в невиданном прежде сиянии и великое собрание ангелов в блестящих одеждах вокруг. Епископ разглядел не пламя, но огонь, яркий свет, что олицетворяет силу и присутствие Божие. Этот образ часто появляется в историях кельтской святости. Его видят соседи у хижины, где спит Бригитта, он окружает комнату Иты. На утро Эйрк пришёл в дом Фриндлунга, взял младенца на руки и сказал: «О, человек Божий, душа и сердце сегодня полны радости, прими меня своим монахом». Родители сначала называли мальчика Моби, но когда на него вдруг с неба упала чистая капля воды, они изменили имя на Брендан (Брандан) или Браенфилд («чистая капля»).

«Чистая капля» – безусловно религиозный символ. Религия говорит языком символов. Символизм ирландской агиографии наиболее яркий среди всей средневековой житийной литературы. Тогда верили, что «мир – это книга, написанная рукою Бога», в которой каждое существо представляет собой слово, полное смысла. «Всякое творение, – писал Гонорий Августодунский, – есть тень истины и жизни»²³.

Когда ребёнку исполнилось пять лет, к нему стала приходиться дикая олениха, которая давала ему своё молоко. Подобным образом были вскормлены и некоторые другие святые (Святой Кеннет Агабуоский

---

22 «... христианами Средневековья числа мыслились уже не только как знаки Божественного предопределения и порядка в устроении мира, но и как знаки, с некоторым вероятием отображающие главные истины Благовестия о Боге, Спасении, Церкви, то есть знаки, будто бы сокрывающие тайны Божественного Промысла и, тем не менее, содержащие некое откровение о нём» (Кириллин В.М. Символика чисел в Древней Руси. – СПб., 2000. – С. 26).

23 Цит. по: Гуревич А. Средневековый мир. – М., 1999.

*Монастырь
Dyssert O'Dei
Ирландия, XII в.
«Норманнские лики»
Сохранившиеся
барельефы.
(Фото автора)*

†600). Олень – довольно ёмкий образ. В том, что он осенью сбрасывал рога, а весной они отрастали вновь, можно различить не только древние отголоски сезонных перемен, но и понятную христианам идею возрождения, начало новой жизни²⁴. Олень символизировал плодородие и мужество (святой Патрик, желая спасти людей, превратил их в оленей).

Мальчику было пять лет. Это число появляется в большом количестве светских и религиозных текстов Средневековья. Оно воспринималось как знак мистического единения Церкви со Спасителем и связывалось с Девой Марией («Пять» – число ран Распятого Христа, а также число мудрых дев).

«Пять» для Ирландии было важным символом. Ирландцы знали пять главных дорог своей страны и пять её знаменитых постоялых дворов. Круглые числа для средневековых авторов имели значение некоей полноты, гармонии, присущей миру. Читая «Плавание» и другие тексты, имеющие отношение к святому Брендану, мы вновь и вновь будем встречаться с разного рода религиозными знаками. Их можно всячески толковать, но прав был А. Гуревич: «Средневековый символ никогда не бывает этически нейтральным. Иерархия символов была в средние века и иерархией ценностей. Поэтому каждая вещь на земле, любое существо обладает определённым достоинством в зависимости от места, занимаемого в иерархии целого. Центр и вершина этого целого – Бог, и всё Его Творение, от высших до ничтожнейших, от ангелов до букашек и камней, служат Ему».

Спустя положенное время епископ Эйрк крестил святого Брендана и стал его первым духовным наставником. Впоследствии им же было совершено рукоположение преподобного в священник сан. Но это позднее, а пока, достигнув десятилетнего возраста, мальчик был

²⁴ Олень символизировал и христианскую душу, стремящуюся к Богу (см. Псалом 41).

отдан родителями в монастырскую школу, которую основала святая Ита Киллидская – «приёмная мать ирландских святых» (так она названа в поэме Алкуина), которая после святой Бригитты Килдарской была наиболее почитаемой среди кельтских святых женщин (память 15 января). Агиограф даже называет её «второй Бригиттой». Подобно настоятельнице Килдара, святым Этне и Феллми из Коннахта, святой Ае (Ие) Корнуэльской, святой Монесан Британской, святая Ита происходила из знатного рода. Первоначально она носила имя Деидра (Дорофея), но из-за её «духовной жажды» праведности её прозвали Ита.

Как и в истории святой Бригитты, ей пришлось приложить много усилий, пока отец согласился с желанием дочери принять монашество. Покинув дом, святая Ита поселилась около Слиаб Луахра, и к ней стали приходить женщины из других кланов. Так появилась община и школа, куда многие ирландцы приводили своих детей, которых не просто отдавали в монастыри, но старались поместить за пределами собственного туата. Такая практика «обмена» подростками существовала в Ирландии и до христианства. Считалось, что это помогает ввести каждого ребёнка в более широкий мир.

Пять лет святая Ита была наставницей и учителем святого Брендана. Позднее она основала монастырь Каунти Лимерик в Киллиди. Скончалась святая в 570-м году. Её могилу до сих пор посещают паломники и украшают цветами. Среди развалин римской церкви в Киллиди, где когда-то находилась обитель, недалеко от могилы, скрыт источник. Несколько столетий к нему приносили детей, больных оспой, и многие исцелялись. В её житии несколько мест связано со святым Бренданом. Наиболее назидательным может показаться следующий эпизод.

«Однажды святой Брендан спросил Иту, какие три вещи более всего приятны Богу, а какие противны. Святая Ита ответила: «Три вещи приятны Богу: истинная вера с чистым сердцем; жизнь в простоте и благодарении; великодушие, основанное на любви. Три вещи Ему противны: уста, ненавидящие человека; сердце, скрывающее негодование; самонадеянность, происходящая от благосостояния». Все, это слышавшие, восхвалили Бога и Его Святых».

Закончив обучение у святой Иты, юноша Брендан отправился в Коннахт, на север от Гэлужа, где около Туама святой Ярлет основал монастырь Клаунфо. Там преподобному предстояло жить некоторое время, знакомясь с монашеским уставом и постигая духовные науки. Святой Ярлет, потомок знатных родителей, прежде был в послушании у святого Енды, и возможно, именно он привил Брендану любовь к путешествиям. Вернувшись из Клаунфо домой, преподобный, пройдя испытание, был рукоположен епископом Эйрком в священный сан. Согласно преданию, после хиротонии Ангел Божий через епископа возвестил:

«Восстань, Брендан! Господь даст тебе то, что ты ищешь, – Землю Обетованную Святым».

Далее «Житие» рассказывает о широкой миссионерской деятельности преподобного, его путешествиях, чудесах, строительстве монастырей, – но значительная часть посвящена переложению «Плавания».

Со временем имя игумена было увековечено в многочисленных названиях мест вдоль ирландского побережья: Brandon Hill (холм), Brandon Point (мыс), Brandon Mount (гора), Brandon Well (источник), Brandon Bay (залив). Хотя святой Брендан Морепоплаватель – не единственный святой Брендан. «Книга Лейнстера» упоминает 17 человек, носивших это имя. В кельтской житийной литературе была разработана традиция соотнесения святых с тем или иным апостолом, так вот святого Брендана сравнивали с апостолом Фомой (может быть, как сомневающимся); или здесь прослеживается параллель между путешествием Фомы в Индию и плаваниями преподобного игумена. Учитывая все возможные континентальные наслоения, «Плавание» следует рассматривать как повествование преимущественно ирландское, и стоит сделать несколько предварительных замечаний.

Первое печатное издание «Плавания» было осуществлено в 1476-м году в Аугсбурге. Художник иллюстрировал наиболее фантастические эпизоды саги. Для средневекового кельта-христианина, как и для его античного предка, было естественным делом, ища ответы на вопросы духовного свойства, обращаться более к мифологии, нежели к истории. Новая вера долгое время оставалась пропитанной мифологией. Историческое сознание раннехристианского кельта складывалось из Евангельской Вести, которая искусно переплеталась с местной легендой, преданием, эпосом, рассказом о святых. Миф для кельта был метафорой, позволяющей установить живую связь с духовным миром. Кельтские эпические герои, в некотором смысле, – обобщённые образы, выражали самосознание кельта, его жизненный, сначала древний, а теперь и христианский опыт. Прежние герои трагичны, и трагизм – основная тема большинства старых легенд, например: «Судьба сыновей Туренн», «Изгнание сыновей Уснеха».

Христианская литература создавалась по несколько иным правилам. Её религиозный символизм не был простой условностью, но обладал огромным значением и наполнялся глубоким смыслом. Он использовался не только для описания мистических событий, внешнего мира, которые могут восприниматься человеческим глазом (даже если и не всегда при этом понимаются), но и для раскрытия внутренних реальностей: видений, чувств, снов. Такие внутренние опыты, конечно, не менее объективны, чем внешние, и впечатления от них часто влияют на реальные события. Весь видимый мир через кристалл символизма

Кэшел
(«Rock of Cashel»),
Ирландия.
Экспозиция музея
замка.
Утварь и
остатки
«высокого
креста»
VI – VIII вв.,
графство
Типперари
(Co. Tipperare).
(Фото автора)

становится отражением потустороннего, и любая вещь, от источника до птицы, хлебов или, тем более, евхаристических сосудов, обладала множественным значением и, кроме практического применения, получала символический смысл.

П. Бицилли писал: «Вещи не просто могут служить символами, не мы вкладываем в них символическое содержание; они суть символы, и задача познающего субъекта сводится к раскрытию их истинного значения. Символ, таким образом, не субъективен, а объективен, общезначим. Путь к познанию мира лежит через постижение символов, их сокровенного смысла. Символизм средних веков – средство интеллектуального освоения мира». Символизм «Жития» святого Брендана, речь о котором шла выше, гораздо более скромна, чем символизм «Плавания». Это объясняется тем, что текст «Жития» был составлен позднее «Плавания» и имеет с последним мало общего.

Здесь следует коснуться смысла и значения нескольких важных религиозных знаков в истории о поисках Земли Обетованной Святым. Прежде всего, поражает, что святой Брендан тратит семь лет на путешествие к тому месту, куда Баринтус с Мерноком добрались за одну ночь. Семь раз повторяются его остановки, на семь литургических частей делится церковный год peregrinov. Число «семь» – символ семи таинств, семи добродетелей и семи «смертных» грехов. Господь шесть дней творил мир, «и почил в день седьмой от всех дел Своих» (Быт. 2,2). Это число – знак вечной гармонии, совершенства, означающее полный период. Оно было столь же популярно в кельтской литературе, как и «девять». Каждый седьмой день святому Патрику являлся ангел, семь лет святой Кевин прожил в уединённом месте. Можно считать, что монашеская братия, плывущая на корабле святого Брендана к Земле Обетованной, символизирует христианскую Церковь, связывающую этот мир с

Царствием Небесным. Тем более что Корабль – один из символов Церкви, достаточно обратиться к истории Потопа (*Быт. 6:11 – 8:19*) и укрощению бури Христом (*Мф. 14:22-33*). В христианском искусстве Запада корабль был атрибутом святого Викентия, святого Николая Мирликийского, Юлиана Странноприимца, святой Урсулы и святого Брендана. Их дорога пролегает по морю жизни к духовному Отечеству. Любопытно и само количество peregrinorum, отправляющихся в путешествие. Их четырнадцать²⁵, не считая преподобного. Возможно, автор «Плавания» сознательно не стал использовать число «двенадцать», чтобы не наводить мысль читателя на аналогию с апостолами и Христом, посчитав последнюю не вполне скромной. Хотя «двенадцать» широко распространилось в кельтской агиографии: святой Айдан живёт 12 дней после смерти любимого короля Озви, святой Финдбарр строит 12 церквей, в Рим его сопровождают столько же монахов, святого Кевина крестят при 12-ти ангелах, и легендарный Артур имеет 12 рыцарей за Круглым Столом.

Кроме тех иноков, что были избраны Бренданом, появляются ещё трое, о личных качествах которых, кроме косвенного намёка в предсказании святого, ничего не сказано. Им не суждено войти в Землю Обетованную вместе с другими.

«Плавание», таким образом, предлагает читателю пять уровней духовного состояния человечества. *Первый*: святость Брендана, подтверждаемая даром пророчества. *Второй* связан с верой и преданностью четырнадцати избранников. *Третий* занимают кающиеся грешники, что достойны прощения. На *четвёртом* находятся люди, при малой вере сохранившие нравственную жизнь. А *пятый* – отведён отлучившим себя от Бога. Те, кто принадлежит первым двум, достойны видеть Славу Божию в Обетованной Земле, другие же получают своё воздаяние. Но в море выходят все. Их ждут неизвестные волны океана, реки, водопады, ручьи островов, и здесь следует говорить о символизме водной стихии. Море в «Плавании» не имеет такого религиозного значения, как вода источников, которой пополнялись запасы путешественников и которую в одном эпизоде нельзя было набирать без разрешения, а в другом не следовало пить. Морская вода не исцеляла, не губила и не становилась предметом искушений. В океане обитали хтонические существа, но они им не повелевали. К VIII веку в кельтской агиографии появляется своеобразное переосмысление природы и

---

25 В католической традиции более позднего времени это число, состоящее из двух семёрок, считалось символом доброты, милосердия и связывалось с почитанием 14-ти святых помощников, которые просили у Бога исцеления для молящихся во время Великой Чумы. Число оставалось постоянным, но сами «помощники», согласно иконографии, менялись в зависимости от места обращения к ним христиан.

возможностей этих существ. Они перестают отождествляться с силами, враждебными Творцу. Самым ранним текстом на эту тему был эпизод из жития святого Коламбы (Колмцилла). Во время его миссионерского путешествия к пиктам, в Шотландию, упоминается о чудесном излечении человека по имени Лунг Мокуин от озёрного чудовища. Это первое литературное свидетельство о Лохнесском существе. Святой Коламба, призвав в молитве Господа, запретил подводному монстру приближаться к плывущему человеку, и то было вынуждено исчезнуть в глубинах озера. Мифы и поверья разных народов связывали божество «низа» Вселенной с водной стихией.

Самым огромным хтоническим животным в «Плавании» был Якониус (Ясконий), рыба-кит, читая о котором сразу вспоминаешь библейскую историю пророка Ионы, проглоченного китом²⁶. Мефодий Олимпийский (III век) писал: «Великую тайну заключает в себе история Ионы. Под китом разумеется время, никогда не останавливающееся, но всегда текущее и поглощающее рождающиеся вещества в более или менее продолжительные промежутки времени». Автор «Плавания» смотрит на кита иначе. Он описывает Пасхальную Литургию, которая служится на спине рыбы-острова, сообщает о неудачной подготовке к праздничной трапезе. В день Святого Христова Воскресенья Левиафан, которому прежде повиновался кит, побеждён Спасителем. Чудовище покорено и служит Богу. Хотя символизм здесь несколько разрушается, видимо, для придания рассказу большей увлекательности: Якониус в первую встречу чуть было не потопил иноков – в следующие годы он более покладист.

Пereгрины наблюдают и других существ морских глубин. Одни разделяют с иноками праздник святого Петра, кружась вокруг коракла, пока поёт святой Брендан. Изменения, происшедшие в мире с Пришествием Христа, коснулись стихии их обитания. Подводные твари уже не являются прежним символом хаоса и смерти. Размеренность и слаженность праздничного движения подчёркивает их вовлеченность, причастность новому положению вещей на земле, где смерть повержена Голгофской Жертвой. Рассказ о двух иных чудовищах, первое из которых гналось за судном, но погибло от когтей другого, кроме своей задачи развлекательности, становится уроком нравственного порядка. К монахам и читателю обращается святой Брендан: «Братья, да не поколеблет сомнение душу вашу, иначе Господь накажет за это. Остерегайтесь, чтобы из-за глупого страха перед чудовищем вы не потеряли

---

26 Пророк Иона, проглоченный китом, три дня пробыл в чреве животного, пока не оказался вновь на суше (*Ион. 2.1*). Церковь видит здесь прообраз положения во гроб, тридневное пребывание и Воскресение Иисуса Христа. Кит символизировал запечатанную гробницу Спасителя, и с раннехристианского времени к нему относились именно с таких позиций.

самого Бога и не лишились Его помощи...». Если побороть страх, то можно не только избежать нападения грозного существа, но и поставить его себе на службу, пусть даже и косвенным образом: засолить мясо, сделать частью быта, способного, как известно, много чего разрушить.

С помощью Божьей корабли людей покоряли море. Они «бороздили» океан, то есть оставляли след, который после отмечался на карте. Там, где прошёл один корабль, могли проплыть и другие. Чем чаще бороздили море отважные путешественники, тем больше маршрутов ложилось на карты и тем меньше страха перед этой стихией, со всеми её обитателями, испытывал человек.

Но целые недели, месяцы, кажется, ничего зачастую не приносят, и peregrin оказывается на краю пропасти сомнений. Он рискует разувериться, пока вдруг (а в «Плавании», как и в жизни, многое – «вдруг») не появляется остров. Среди разнообразных островов, упоминавшихся в манускрипте, особое значение имеют те, что связаны с ежегодными литургическими возвращениями. Остров Овец оказывается подходящим местом для службы Великого Четверга. Овца, послушно следующая за монахами, напоминает Пасхального Агнца евангельской Тайной Вечери. Праздник Рождества peregrины встречают в обители святого Аилбе. Чудо вочеловечения Бога-Слова символически раскрывается здесь, когда святой Брендан видит невещественный свет горящих и несгорающих свечей в храме и огненную стрелу, напоминающую Благодатный огонь Великой Субботы Иерусалимского Гроба Господня.

Сложным для толкования остаётся «Птичий Рай». В кельтской мифологии птица имела прямую связь с солярным культом. Считалось, что некоторые птицы (сова и голубь) обладают оракульскими способностями и пророческой силой. В ирландской агиографии они не столь часто, как животные или рыбы, но упоминаются (ворон святого Кевина, журавль святого Коламбы).

Движение peregrinov в западном направлении, если учитывать символическое значение Запада, выглядит как не только смелое, но и достаточно рискованное предприятие. Эта часть света связывалась с тьмой, обиталищем демонов и смертью, на что указывает английское выражение *to go west* («уйти на Запад»), имеющее смысл: «пропасть, погибнуть». Вполне логично именно там встретить различных жутких существ, живущих не только в стихии водной, но и воздушной. Монахи становятся свидетелями битвы между грифоном и драконом. Первый представлял собой мифическое животное с львиным телом, головой, но крыльями и лапами орла, популярного в искусстве Греции и Рима. Библия относила грифона к числу нечистых тварей (*Лев. II; 20-23*) и считала олицетворением сатаны. Его противник, дракон, использовался в средние века в качестве символа греха вообще и язычества,

ереси, в частности. Он представлял древние, враждебные Богу силы, что обречены на поражение. Марфа из Вифании, Маргарита Антиохийская, Георгий Победоносец изображались как победители драконов. Дьявол назывался «большим драконом», и ему было уготовано наказание (*Откр.* 12, 7-9). Но в нашем рассказе эти слуги зла вступают в кровавую битву, скорее всего, не для простого развлечения читателя, а чтобы показать ему, насколько велико само по себе зло, если ненависть заставляет бороться друг с другом тех, кто ему служит (*см. Кораблик* 9). Искатели Земли Обетованной Святым – лишь свидетели, находящиеся под покровом Творца, и жуткие существа их даже не замечают.

Чем западнее уплывали иноки, тем более удивительные приключения и встречи происходили. В целом, четырнадцать странствующих пeregринов символизируют тот путь, по которому должен следовать христианин, и семь лет – идеальное время для победы искренней веры над скептическим разумом.

Но «Плавание» возможно рассмотреть и как вполне документальное повествование. За символами и знаками явственно проступает реальная жизнь ирландских pereгринов, их быт и церковная практика. Собственными руками монахи сооружают судно именно такого образца, что были в употреблении. Ирландия VI века развила широкую торговлю по морю и внутренним водам. Кельты строили три типа лодок: long (длинные), baire (для больших грузов) и собственно curacl – коракл (или курах, лёгкое судно, обтянутое кожей). Более поздний список «Путешествия» говорит, что святой Брендан, кроме коракла, имел ещё и другое, деревянное (*fabric et artifices*). В поисках «блаженной земли» клонфертские иноки встречаются с другими общинами, каждая из которых существует по собственному уставу. Монахи Мернока, хотя и живут отдельно, но собираются для служб и трапезы. Подобно восточным монастырям, в обители святого Аилбе насельники хранят полное молчание. Аскетические подвиги Павла Отшельника, анахоретов сурового Острова Трёх Возрастов – совсем не фантазия континентального автора, а правдивое свидетельство жизни многих ирландских обитателей VI – VIII веков.

Здесь можно отметить и массу незначительных деталей, подтверждающих документальный характер истории. Например, читатель узнаёт, что монахи-путешественники не утруждают себя постом: они едят оленину, но только в дороге, а не в монастырях. Всякий раз, когда коракл приближается к земле, что-то происходит во время поиска причала или самой стоянки. Реальны их чувства, впечатления. От страха к надежде, от радости к тоске, от тревоги к удивлению несёт судно иноков. Только сам преподобный Брендан, как уже отмечалось выше, не имеет этих слабостей; разве что иногда он гневается на своих спутников, в основном же успокаивает, подаёт пример, наставляет и, где-то, бывает сентиментален.

Особое значение в «Плавании» имеет время. Как прежде античные, а после раннесредневековые путешественники, клонфертские пегрины не имели ни одного навигационного инструмента для более или менее точного вычисления морских расстояний. Впрочем, судно святого Брендана всегда вовремя поспевало к местам «Литургических возвращений». Это на суше можно, даже в течение семи лет, проследить, как меняется, стареет и обновляется мир, а тут:

*Морская вечно юная стихия,
Где Одиссей скитается без срока
И тот, другой, кого народ пророка
Зовёт Синдбадом. Серые морские
Валы, что мерит взглядом Эрик Рыжий.*

Х.Л. Борхес

На их родине, в Ирландии, традиционное деление кельтского года определялось, прежде всего, циклом земледельческих работ, а уже потом – движением солнца, хотя равноденствие, как и солнцестояние, учитывалось. (О пространственных представлениях ирландцев может свидетельствовать поэма «Салтаир на Ранн» (Saltair na Rann), созданная до 750-го года, и основанная на ней прозаическая версия. Там содержатся ясные утверждения, что земля «подобна сфере, совершенно круглой» и небо окружает землю, как скорлупа яйца.) Само время складывалось из постоянного чередования противоположностей: света и тьмы, тепла и холода. Цезарь говорил, что у кельтов ночь предшествовала дню, а галлы, по его словам, «исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идёт ночь, а за ней день» («Галльские войны»).

Кельтское мифопоэтическое восприятие мира, для которого пространство и время имеют не только линейные координаты, а способны становиться сакральным пространством или перебиваться сакральным временем, о точности в установлении расстояний не заботилось. Но в средневековой Европе, принявшей христианство, необратимо происходила редакция всей структуры временных и пространственных представлений. Сутки делились не на равновеликие часы, а на дневные и ночные, причём первые начинались с восхода, заканчивались закатом, вторые, в свою очередь, приходились на ночную половину дня. Летние дневные часы, таким образом, оказывались более длинными, чем ночные. Зимой дело обстояло наоборот. Временем измеряли длину пути. А. Гуревич пишет: «Монахи ориентировались по количеству прочитанных ими страниц святых книг или по числу псалмов, которые они успевали пропеть между двумя наблюдениями неба. Для каждого часа

дня и ночи существовали особые молитвы... население ориентировалось по звону колоколов». Своеобразный механизм исчисления времени клонфертские монахи имели, двигались же, скорее всего, по самой естественной карте звёздного неба. И морские чудовища «Плавания», при всей невероятности их описания, свойственной любому приключенческому рассказу, могли иметь вполне реальных, а не только символических прототипов. Например, китов, морскую свинью, гигантского угря или пока не известное нам животное. В работе «Биография моря» Р. Кэррингтон признаёт: «... вопрос о существовании традиционного Морского Змея всё ещё остаётся открытым. Многие рассказы об этом морском чудовище не получили подтверждения, другие идут из абсолютно ненаучных и слишком безответственных источников, чтобы их можно было принять во внимание, но всё же остаётся небольшая часть свидетельств, которые не так легко отвергнуть»²⁷. И далее, приведя на следующей странице некоторые из этих фактов, Кэррингтон справедливо заключает: «Появление в 1938 году у берегов Африки Латимерии – представительницы вымерших, как раньше считалось, кистепёрых рыб – лишней раз показывает, что в таких вопросах (то есть существование морского змея) лучше избегать категорических рассуждений».

Автор «Плавания» несколько раз упоминает смущение и тревогу путешественников, а после рассказывает о драконе, грифоне или глубоководных существах. Вполне логичным образом он связывает эти события. Сначала страх, после – опасные гости. Всё происходит в относительно мирную погоду. Средневековый переписчик не имел представления о том, что существует так называемый «голос моря» – инфразвуковые колебания, возникающие в шторм, когда порывы ветра пробегают по гребням волн со скоростью 330 метров в секунду. Они намного опережают движение урагана, настигающего судно, пока ещё находящееся в штиле. Эти колебания средней мощности сначала рожают у людей чувство беспокойства, нарушают работу мозга, пищеварения, вызывают слепоту, – и в панике экипаж может оставить корабль. Инфразвук с частотой 7 Герц – смертелен, а шторм генерирует полных 6 Герц²⁸.

В последней главе своей классической работы о Средневековье «The Making of the Middle Ages» Ричард Сазерн (Richard Southern) указывает на особенности интеллектуального уровня людей эпохи XII века. Жизнь тогда рассматривалась не столько как упражнение в испытаниях, смерть – не столько как безнадёжность, но более всего внимание обращалось на путешествия, поиски, и люди при этом воспринимали себя «не как объекты стационарные, подвергающиеся воздействию

27 Кэррингтон Р. Биография моря. – Л., 1964. – С. 218.

28 См.: Морская энциклопедия. – Ростов н/Д, 1996. – С. 26-27.

духовных сил, но ощущали себя, скорее, peregrinami и искателями»²⁹. Каким бы образом ни осуществлялось Плавание святого игумена Клонферта с братией, оно имеет все признаки не только символического, но и вполне реального паломничества ирландских миссионеров, память о которых осталась в Житиях и песнях. Например, в этой:

*Покров Марии Матери
Пусть будет надо мной,
Чтобы прийти к источнику
И целым вернуться домой,
И целым вернуться домой.
Пусть воин Михаил поможет мне,
Бригитта охранит меня,
Пусть кроткая Брианаг освящает меня,
И Мать Пречистая рядом со мной,
И Мать Пречистая рядом со мной.*

Гэльская поэзия, IX век
(Перевод Юрия Варзонины)

---

29 Southern R. The Making of the Middle Ages. – С. 212.

Глава 3

От «Плавания» к «Путешествию»

*Господь царствует: да радуется земля;
да веселятся многочисленные острова...*

Пс. 96.1

История создания «Плавания святого Брендана» («*Navigatio Sancti Brendani*»), как и многие литературные события раннего Средневековья, полна загадок и противоречий, хотя бы уже оттого, что никаких документальных свидетельств о времени создания и авторстве не сохранилось. Единственным ключом остаётся сам текст, точнее, некоторые из его деталей, при сопоставлении которых можно кое-что прояснить. Если безымянный литератор жил на континенте, то ему должны были быть хорошо знакомы не только все своды ирландских житий, но также сама история, география и фольклор Зелёного Острова. В наиболее ранних латинских рукописях «Плавания», датируемых X веком и хранящихся в Британском Музее, текстологи обнаружили большое количество ибернизмов и островные привычки письма. Не скрывая восхищения перед великим святым из Клонферта, автор вплетает различные эпизоды в одно непрерывное повествование, при этом демонстрируя своё классическое образование, эрудицию и художественный вкус. Таким человеком мог оказаться, скорее всего, учёный-монах. И среди существующих версий, которых немного, наиболее убедительная указывает на знаменитого Скоттигену (*Episcopus Scottigena*), который, спасаясь от норманнов, прибыл на континент в первой половине X столетия и оставил множество трудов на латыни. Его имя связывают с ирландской колонией в Лаоне (*Laone*) и считают Скоттигену другом, учителем и советником архиепископа Бруно, а позднее – наставником герцога Лотарингии в Трире. Но предположение подобного рода будет оправдано, только если

согласиться с датировкой «Плавания», отсылающей к X веку. Исследование текста при этом позволяет другим учёным (например, David N. Dumville) утверждать, что его составление произошло не позднее VIII века кем-то из ирландских монахов, живших на континенте. В любом случае стоит заключить перемирие, согласно которому автор из Лотарингии был знаком с неким не дошедшим до нас изначальным манускриптом или копиями записей самого преподобного Брендана, уцелевшими после разрушения Клонферта викингами в начале XI века, а вопрос о создании «Плавания» в Ирландии оставить открытым.

В X веке Лотарингия, простиравшаяся тогда к северу вдоль берега Рейна, была той землёй, где перегрины развивали свою миссионерскую деятельность. Ими были основаны монастыри в Меце, Вердене, Перроне, Трире, Утрехте. Благодаря своему центральному месторасположению, она создала своеобразный мост между романо- и германо-язычными народами, проводником по которому были кельты-христиане. (Так Бог действует в истории человечества. В V веке до н.э. Он увёл воинственных кельтов из Европы на острова, сохранив от римского и варварского нашествия, а потом лучшие из них вернулись для проповеди Евангелия.) В созданных обителях рукописи «Плавания» неоднократно копировались и распространялись дальше по континенту. Личность святого Брендана стала настолько популярной, что в 948-м году его имя было дано новой епархии (на реке Хафель), дошедшей до нас в названии города Бранденбург.

Существует более сорока рукописей «Плавания», сделанных не только латынью, но на среднеанглийском и среднеголландском. Спустя несколько столетий о святом Брендане появляется ещё два рассказа на других национальных языках. По-своему интересен *первый*: «Вояж святого Брендана» (Le Voyage de saint Brendan). Он, по сути, всего лишь свободная, ничем принципиально не отличающаяся версия «Плавания». *Второй* текст датируется 1150-м годом, и это уже совершенно независимая история. Также неизвестный автор (в некоторых книгах он

Монастырский колокол VII-VIII вв.
Музей г. Кэшела. (Фото автора)

именован Бенедиктом, но установить личность документально довольно сложно) назвал своё повествование «Путешествием святого Брендана» (*The Voyage of saint Brendan*, далее – «Путешествие»). Он писал на среднефранкском диалекте, где-то в районе Рейнланда.

«Путешествие» существует в трёх вариантах. *Среднеголландский и германский* тексты сложены стихами (оба представлены двумя манускриптами), и ещё один германский рассказ – в прозе. Самый простой путь: предположить, что «Путешествие» не что иное, как свободное переложение «Плавания», и его автор ничего не знал про утраченный оригинал. Земля Рейнланд-Пфальц находится западнее современной Баварии. В 1076-м году в Регенсбург прибыл ирландский монах Марианн Скотт и основал там монастырь святого Петра. Спустя несколько лет эта кельтская обитель выдвинула свои форпосты в Нюрнберг, Вену и Киев. От Нюрнберга до места, где создали «Путешествие», даже для того времени не далеко (300 – 400 км), и «Плавание» было, без сомнения, знакомо франкскому автору.

Так или иначе, кроме очевидных параллелей, два текста («Плавание» и «Путешествие») обнаруживают и принципиальные различия, касающиеся структуры, атмосферы и самого содержания. В начале «Плавания» читатель видит пылкого, вдохновлённого ирландским движением перегринов, святого Брендана, который со своими монахами доверяется ветру и морю. Добровольное изгнание ради Христа и поиски Святой Земли – смысл их жизни. С непоколебимой верой в Бога, обладая даром пророчества, преподобный ведёт иноков. Здесь всё дышит аскетизмом раннего Средневековья. Часто описываются праздники, молитвы, Богослужения. Много внимания уделено труду моряка-паломника: строят корабль, заготавливают провиант, управляют с парусом и вёслами. В этом тексте, который совсем не похож на отчёт, художественно воссоздаются реалии кельтского странничества. Чудеса есть, но им уделено не так и много места. Иноки то восторженно, то с благодарностью воспринимают удивительные события как неотъемлемую часть мира. Законы природы явленным чудом не нарушаются, а расширяются. Для кельтской агиографии вообще бесчисленные отсылки к сверхъестественным событиям имели своеобразное значение. В них, как правило, показывалось, что чудеса не столько зависят от личных заслуг святых, сколько от их сострадания, любви и призывания в молитве милосердия Бога, который, видя наше желание с Ним соединиться, творит любые чудеса.

В «Путешествии» всё иначе. Начиная с завязки, автор повествует о том, как Брендан прочитал некую книгу, в которой описаны поразительные явления, воочию виденные другими на земле. Но святой отказывается поверить в то, что по воскресеньям и праздникам Иуда Искариот

покидает ад для отдыха, в то, что существует мир-антипод и есть рыба-остров, поросшая лесом. Рассерженный преподобный предаёт книгу огню. (Может быть, речь идёт о тексте «Плавания», так аллегорически означенного.) Тогда ему является Ангел Господень с повелением отправиться в море и самому увидеть, что – правда, а что – ложь, и вдобавок восстановить сожжённый манускрипт. Брендан должен описать увиденное лично, то есть раскаяться в своём грехе маловерия, как бывало в историях со многими средневековыми грешниками. С преподобным отплывает 80 спутников. Им всем предстоит стать свидетелями чудесных событий.

При сравнении параллельных эпизодов двух текстов важными оказываются детали. В «Плавании» на рыба-острове служилась Пасхальная Литургия и святой знал о грядущих событиях. В «Путешествии» монахи просто готовили там пищу и спасались бегством, когда зверь зашевелился. «Путешествие» оказывается более развлекательным и натуралистическим рассказом.

Религиозный символизм «Плавания» не чужд и автору «Путешествия». Но его не интересует последовательность литургических возвращений, вписанных в череду церковных праздников. В «Путешествии» есть практическая задача, но отсутствует чёткая духовная цель. Здесь Брендан – одиночка, который должен прийти к вере. Его команда напоминает статистов, спутников, несущих, прежде всего, морскую вахту. Образ святого лишён духовного первенства. Он добывает опыт для всех, тут же документируя найденное. Но в обоих текстах Брендан ищет загадочный Небесный Дом, явленный на земле, в океане. Для «Плавания» небо связано с Островом Обетованным Святым, с остатками райских садов, на чьи поиски уходит семь лет. В «Путешествии» наградой за страдания становится видение: ангелы несут души на небеса. Идея «Блаженной Земли» здесь не присутствует так отчётливо, как в раннем повествовании. Появляется нечто иное.

После посещения места блаженства Брендан «Путешествия» понимает собственное предназначение. Увидев Небо, он мечтает оказаться на родине, дома. Но не только в Ирландии, а и в Обители Отца. Преподобный в «Плавании» на Острове Обетованном Святым слышит от чудесного юноши: «Последний день странствия твоего приближается, так что ты сможешь уснуть со своими праотцами». Финальный эпизод «Путешествия» завершается так: «... девять лет... которые он провёл в изгнании, куда Бог послал его». Оба текста говорят, что по возвращении в Ирландию святой вскоре умер. Странствие по миру, совершаемое любым христианином на пути к Небесному Дому, достигло цели. Но 300 лет, что разделяют авторов «Плавания» и «Путешествия», сделали эти «странствия» довольно непохожими.

В «Плавании» дар пророчества святого Брендана оберегает его и перегринов от многих искушений. Не имеющий подобного в «Путешествии», святой борется не только с маловерием, но и с любопытством. Здесь поставлен важный этический вопрос, который обдумывал ещё блаженный Августин: «Представьте, что мы путешественники, которые имеют благословение от Бога для жизни в своих домах. В странствии мы страдаем и наше сердце болит о родине. Нам нужны корабли и лошади, чтобы вернуться в свою землю и радоваться там. Но может случиться так, что само путешествие с его кораблями и прочим займёт наше сердце, оно превратится в развлечение. Мы забудем наш дом и благословение, что давал Бог». (*On Christian Doctrine. CCSL, 32*) I, 4 (P. 8)

Любопытство само по себе не может считаться грехом, но из него, как, впрочем, из очень многого, способен вырасти грех. Грех любопытства. Странствие ради Христа легко помещало человека на грань любопытства, и, наоборот, греховное любопытство заставляло его странствовать. Для нас мир компактен и любые путешествия – всего лишь временная отлучка, но и они способны увлечь, стать самоцелью жизни, как любое пристрастие. Посещение центров древних и новых культур или просто прекрасных уголков планеты не навредит, скорее, наоборот. Паломничество по святым местам приносит духовную пользу. Любить природу умеет не каждый, тем более – если эта любовь основывается не только на эстетическом чувстве, но и на убеждении: «Всё видимое сотворено Богом, за каждым явлением – рука Вседержителя».

Блаженный Августин писал: «Трудом святых Твоих, всюду среди волн мирского соблазна появляются таинства Твои, дабы омыть народы крещением Твоим, данным во имя Твоё» («Исповедь», Кн. XIII, 26). Под «таинствами» он подразумевает знамения и чудеса, сопровождающие труды проповедников Слова Божьего.

Автор «Путешествия» жил в XII веке и полностью принадлежал этому «времени – предтечи Возрождения». Именно тогда произошёл целый ряд интеллектуальных потрясений.

Те, кто занимался тогда наукой, постепенно начали вступать то в одно, то в другое противоречие со Священным Писанием, точнее, с его схоластическим толкованием. Радикалов было немного, их считали святотатцами. Автор «Путешествия» вынужден постоянно балансировать между новой, научной, и прежней, церковной, школами мысли. Он исповедует традиционный взгляд на мир, который отчуждён от Бога, где действует Высший Промысел; и его следует пройти, размышляя о будущем, но у него явно проступает новый интерес к особенностям Творения. Следуя за мыслью Апостола Павла: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания Мира через рассматривание творений видимы...» (Римл. 1, 20), – он использует в своей работе символизм,

подобно предшественнику. Творения, с которыми встречается святой Брендан, говорят о Высшем участии, о великой благодати и о том, что удаляет человека от Бога. Но в «Путешествии» сверхъестественные Творения, вызывающие у читателя удивление, отвлекающие от реального мира, гораздо более фантастичны и, вместе с тем, назидательны, так как читатель следует не за миссионерским плаванием Брендана, а за его дорогой изгнанника, призванного к покаянию. Составитель «Путешествия» уделил внимание и таким аспектам Творения, которые напрямую не связаны с Небесным. Это не детали быта peregrinorum, не географические частности. В его описании встречаются вещи, которые не находятся в прямом управлении Создателя.

К примеру, на одном из островов преподобный с командой оказывается в замке вальшерандов – жутких существ со свиными головами, собачьими лапами, журавлиными шеями. Брендан узнаёт, что вальшеранды – бывшие ангелы, которые во время бунта Люцифера не приняли сторону Бога, хотя и не пошли за Денницей. Господь наказал их отвратительной внешностью, но, учитывая и второе обстоятельство – нежелание принять сторону зла, – дал им «Землю многих благ». Замок вальшерандов украшен изумительными медными изображениями людей и животных, которые двигаются, словно живые, так как:

*Посреди замка
протекала бурная река –
Её сильные воды
приводили в движение животных.*

Вот техническое чудо XII века, действие которого объясняется законами природы, человеческим мастерством, а не Промыслом Творца. Однако автор заставляет вальшерандов сказать, что именно Бог дал им «Землю многих благ», значит, замок находится под Его, пусть косвенным, но покровительством. Этот рассказ мог появиться только под влиянием отчётов новых путешественников, что возвращались из дальних стран с яркими впечатлениями от увиденных изобретений, построек, пищи, одежд и прочего. «Среднефранкского» Брендана, если рассматривать в контексте рейнской литературы того времени, следует поставить в ряд с «Королём Ротером», «Александр-романом», «Графом Рудольфом», трирским «Флойрасом» и подобными произведениями. Мир, созданный в них, полон очарования, чудес и считает Восток страной самых загадочных явлений.

Тогда же стала широко популярна давняя идея о пространстве, населённом, условно говоря, антиподами. Стих из послания Апостола Павла Филиппийцам (2:10): «*Дабы перед именем Иисуса преклонилось*

всякое колено небесных, земных и преисподних», комментировался в ирландской религиозной поэме VII века «Altus Prosator» следующим образом: «Под землёй, как читаем, жители есть». Ирландский поэт не был одинок в своём толковании. Святой Иллариус из Пуатье (†367) – великий учитель-экзегет Священного Писания Западной Церкви, автор Гэльской Литургии, считал: «В подземной этой пропасти обитателей много, как нас учит блаженного Иоанна Апокалипсис», – добавляя, что речь идёт не о мёртвых людях. Подобные взгляды были связаны со средневековыми представлениями о мире, сложенном из параллельных сфер, где под землёй может оказаться что-то, подобно тому, как твердь океана лежит под водой, вода – под воздухом и так далее. Предположение, согласно которому существовала такая область, со времени раннего христианства считалось ересью, но автор «Путешествия» не смог удержаться от её притягательности. Книга, сожжённая святым Бренданом, сообщала про «другой мир, который под нами, и там наступает ночь, когда у нас день».

Почти в самом завершении странствия пегррины попали в место, где полный штиль, абсолютная тишина и очень жарко. Преподобный услышал звуки из-под воды и предположил, что ещё дальше живут люди. Ему кажется, будто бьёт колокол, лают собаки, танцует весёлый народ. Монахи бросили якорь, который крепко зацепился, и поднять его обратно никак не получалось. Брендан долго пытается разобраться загадочный шум, но ничего не добившись, сам перерезает якорный трос. К тому же, в книге для записей новым историям о приключениях места не осталось. Составитель «Путешествия», хотя и проявляет большой интерес к феноменам Творения, изображать мир-антипод не рискует. Читатель так толком ничего не узнал. Любопытство, приводящее к ереси, отсечено вместе с якорем.

А далее, в самом финале «Путешествия», любопытство если не осуждено открытым образом, то суровые границы ему поставлены. Рассказчик использует мотивы жития блаженного Августина, точнее, очень известный эпизод. Блаженный Августин, размышляя над тайной Святой Троицы, прогуливался по берегу моря, где встретил ребёнка, пытавшегося перечерпать всю воду в специально выкопанную яму. Святой усомнился в возможности этой затеи. Мальчик подтвердил его сомнения, сказав, что так же невозможно постичь тайну Святой Троицы. Теперь святой Брендан находит маленького человечка (карлик Ботеварт), сидящего на листе и старающегося пузырьком измерить море. Брендан говорит, что задача неразрешима, и слышит в ответ: «Для меня настолько невысказимо измерить океан до Судного Дня, как для тебя объять все чудеса Божии. Возвращайся к братии». Параллель с блаженным Августином здесь не случайна. В своей главной книге

«О Граде Божьем» Августин приводил громадный список чудес и заключал: «Если бы я хотел все их назвать и запомнить, разве был бы тогда конец у такой работы? Теперь эти знаки очевидно противоречат природе. Но для нас они несут послания. Они должны показать нам, что Бог осуществляет то, что Он обещал».

Люди не в силах объяснить чудеса, но ценным остаётся не их число, а вера. Быть очевидцем чудес нет необходимости для тех, кто верует. К концу «Путешествия» это понимает Брендан и возвращается на родину. Через «маленького человечка» автор убеждает своего читателя в том, что наблюдать чудеса мира не грешно, но бессмысленно. (Финал «Александр-романа» точно такой же: Александру приходится признать, что поискам чудесного поставлены границы.)

«Человечек» определяет, какова роль христианина в Творении Бога и служит своеобразным извинением рассказчику. Предостережение о вреде любопытства делает возможным избежать необходимости выбирать между осуждением мира и любопытством к его феноменам.

Трудно определить, какая из версий приключений святого Брендана была наиболее популярной в Европе. И та и другая дожили до начала книгопечатания, выдержав за два последних десятилетия XV века несколько изданий. Для глубоко верующих людей «Плавание» должно было бы стать более предпочтительным чтением, чем «Путешествие». Последнее, в свою очередь, становилось интеллектуальным развлечением и пищей скептического ума.

Нечто подобное происходило и с англо-саксонским эпосом «Беовульф». Поэма читалась в христианской общине и воспринималась с успехом не потому, что воссоздавала мир фантазий, но оттого, что на героический манер она изображала то, что воспринималось как реальность. В любом случае рассказ об ирландском святом VI века – Брендане Мореплавателе – несколько столетий оставался одной из ключевых книг Западной Европы. «Плавание» воспринималось не столько как литературный вымысел, но было своего рода письменной фиксацией очень давней истории «поисков рая», важной для христианского сознания, поскольку такого рода «поиски» обращены не только вовне, к «морской вечно юной стихии», но и к собственному сердцу паломника, то есть понятны и знакомы каждому христианину.

Кельтская мифология, как ни одна другая из европейских, в изобилии предлагала рассказы о различного рода вояжах и приключениях. Литературоведение, наука, которой всегда хотелось быть «точной», делит эти произведения на два основных вида. Первый именуется *эхтраи* (echtraí) и описывает посещения человеком другого мира, не физического, но духовного пространства. Второй посвящён плаванию

– путешествию группы людей по морю, от одного чудесного острова к следующему, и обозначается как *имрам*³⁰ (*immram*).

Бытует мнение, согласно которому эхтраи – исконно ирландский жанр, а имрам создан усилиями авторов, удачно соединивших местные традиции с завезёнными континентальными мотивами. Приблизительность такой градации становится очевидной, когда начинаешь читать саги из разряда иммрам и видишь, что острова, посещаемые героями «Плавания Брана, сына Фебала», «Плавания Майл-Дуйна», «Плавания Снегдуса и Мак Риaglы» или «Плавания О’Хорра», к нашему миру имеют условное отношение³¹.

По всей видимости, в этих сочинениях уже появляются христианские идеи, вкрапленные ирландскими монахами-переписчиками, благодаря усердию которых саги вообще сохранились. Подобного рода детали обнаруживаются и в других языческих поэмах. Например, «Плавание Снегдуса» (список XII в.) рассказывает про остров с двумя озёрами, первое полное огня, второе – воды. Если бы не молитвы святых, озёра поглотили бы Ирландию, то есть обрушились на неё из другого мира, который карает грешников и награждает праведников. Но эпизоды подобного свойства малочисленны. Саги, по преимуществу, описывают дохристианские представления, в которых кельтский «иной мир» выглядит очень оптимистично. Это не мрачный греческий Аид, не германская Валгалла для пирующих воинов, но легендарная земля блаженства, изобилия, где время замерло, а старость и болезни исчезли. Дорогу туда разыскивают Персефаль, Борс, Галахад, сюда своих людей ведёт Артур и Талесин. Айлин и Баркер Рис пишут: «Смеем утверждать, что в «Плаваниях» сохранились фрагменты устной кельтской «Книги мёртвых», которая рассказывала, что тайны мира по ту сторону смерти были хотя бы открыты отчасти, и остановки на пути странствия души нанесены на карту. Остров Радости и Страна Женщин суть лишь краткие привалы на этом пути..., «Плавания» обладали своей особой функцией: они учили искусству умирания, направляли душу на её пути в иной мир, полный опасности и чудес»³². Место вечного счастья сокрыто под землёй или за морем. Попастъ в него можно через пещеру или переплыв озеро. «Плавание Брана Благословенного» располагает «другой мир» на островах Запада нашей реальной земли, а не в потустороннем измерении.

---

30 Имрам (др.-ирл. *immram*, от *imb-*, *imm-* ‘вокруг’ и *-rá(id)* ‘грести’) – один из жанров ирландских сказаний, повествующий о морском путешествии героя в Потусторонний мир. Будучи написанными в эру распространения христианства, имрамы сохраняют многие черты традиционной кельтской мифологии. «Путешествие Святого Брендана» представляет собой пример имрама.

31 См.: Предания и мифы средневековой Ирландии. – М., 1991; Ирландские саги. – М.-Л., 1961.

32 См.: Наследие кельтов. – М., 1999.

Н.С. Широкова в исследовании «Культура кельтов и нордическая традиция античного мира» предпочтение отдаёт другому направлению. «Дело в том, – пишет Н.С. Широкова, – что птицы Другого Мира всегда прилетают с Севера. Великие кельтские боги Туата де Даннан, до своего прихода в Ирландию, то есть до появления в проявленном мире, пребывают на островах, расположенных на «Севере Мира»... друиды вынесли своё тайное эзотерическое знание с тех же самых островов»³³.

Как античная, так и средневековая топография прекрасно обходилась без географических координат. Пространство в сознании и островного кельта, и континентального жителя не разделялось на сугубо реальное и абсолютно религиозное. Одно без труда перетекало в другое, а описание мира представляло собой калейдоскоп из подлинных наблюдений путешественников и библейских представлений о рае – центре всего. Географические знания складывались не столько из реального опыта, сколько под влиянием литературной традиции, которая всегда требует целого ряда оговорок и комментариев.

Так, можно представить, что некоторое подобие карты у святого Брендана обнаруживалось. Он, скажем, располагал «картой Эфора», географа IV века до Р.Х. Эфор изобразил ойкумену (обитаемое пространство) в виде горизонтального прямоугольника, верхняя сторона которого помечалась надписью: «Скифы». Выше не было ничего, кроме северного ветра Борея. Нижняя часть «прямоугольника» заселялась «эфиопами», и далее простиралась владения Нога – южного ветра. Левая вертикальная линия помечалась словом «кельты», за которыми располагался ветер Зефир. Верхний левый угол конструкции имел название «Летний закат», нижний – «Зимний закат». Правая сторона «прямоугольника» выглядела так: вертикаль помечена – «инды», верхний угол – «Летний восход», нижний – «Зимний восход». Правда, на этой карте нигде не указывалось на «Землю Обетованную Святым»... Кроме того, святой Брендан мог иметь представление о классическом труде Юлия Гонория (V в.) «Космография», где выделялись четыре океана, окружавшие землю, подробно перечислялись различные географические названия, или с так называемой Певтингеровой Таблицей, составленной около середины IV века³⁴.

Между сушей и морем можно найти землю, если под «сушей» понимать открытые ветру пространства, попадая под власть которых забываешь о море. Реки, озёра, даже при их величии, остаются лишь слабым отблеском морской власти над миром. «Суша» успокаивает, расслабляет.

---

33 Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античного мира. – СПб., 2000. – С. 202.

34 См. подробно: Бородин О., Гукова С. История географической мысли в Византии. – СПб., 2000.

Она имеет силу тяготения – в море с этим законом не всё так ясно. Даже на горных перевалах – этой лучшей, может быть, части «суши» – вода занимает вполне служебное место. Разве только в воображении прагматика снег и ледники вершин ещё как-то могут намекнуть на означенную стихию. Снисходительность моряка к сухопутному человеку, как любая снисходительность, вызывает в последнем раздражение, хотя моряк кое в чём прав. Он видел разные берега и благодарен земной тверди, но прежде всего той, что находится между сушей и морем. Он благодарен островам. Для него остров – не просто место краткого отдыха и праздности, где можно пополнить припасы и подлатать корабль. На нём нет той тяжёлой, по-библейски «в поте лица» работы. Она осталась в море. На острове смерть ходит почти неслышно. Там тебя убаюкивают шелест деревьев и пенье птиц. Таким мог быть Эдем. Тот земной рай, на поиски которого христианская культура положила немало сил и времени.

Переживания Босха, Грюневальда, Яна Ван Эйка и других художников были связаны с этим занятием. То, что однажды Бог создал на земле, не может просто исчезнуть, растаять без следа во времени и пространстве. Стихии, Богом же и сотворённые, не властны над Его Творением. После грехопадения прародителей вход в Рай был закрыт. Херувим с «обращающимся огненным мечом» занял стражу и смотрел в спины уходящих первых людей. Рай может быть сокрыт, но он не должен пропасть вовсе. Эдем не Троя, Атлантида или Помпея, от которых кое-что всё-таки осталось, а «Рай сладости», насаженный Богом. Жить и гулять среди его деревьев более нельзя. Херувим не опустил своего оружия. Увидеть это чудо, хотя бы на мгновение, захочет пусть и не всякий, но команда из числа желающих соберётся.

Они отправятся в плавание. Невзгоды, трудности и даже страдания такой навигации почтутся за благо.

В первые века нашей эры началось формирование христианской географической традиции в русле так называемой гексаметрической литературы, занимавшейся толкованием начальных глав Книги Бытия. Одним из первых и значительных текстов на эту тему стал «Шестоднев» (гексамерон) святителя Василия Великого.

В V веке появился латинский перевод «Шестоднева», сделанный Амвросием Медиоланским, который, в свою очередь, положил начало широкому распространению гексамеронов в Европе. Описания рая (различные по объёму) непременно включались во все средневековые хорографии. Среди восточных отцов Церкви существовало мнение, что «рай» Священного Писания означает не только состояние души, не один лишь символ безгрешной жизни, но связан с конкретным местом. Так, на основании книги пророка Иезекииля (28, 13-16) некоторые полагали, что рай находится высоко на горе, над поверхностью остальной земли.

Псалтырь XII в.
Копия
Holy Cross
Abbey,
Ирландия,
со Tirrereary
(Фото автора)

Авторы оригинального исследования «История географической мысли в Византии» О. Бородин и С. Гукова считают, что «на протяжении IV – VII вв. в восточно-христианском богословии сложились две основные космогонические школы, которые ориентировочно можно обозначить как антиохийскую и каппадокийско-александрийскую». Антиохийцы, по наблюдению авторов, были буквалистами и настаивали на исключительно земном существовании рая, исходя из библейского стиха: «И насадил Господь рай в Эдеме на Востоке» (Быт. 2.8). Так, Севериан из Габалы «впервые теоретически обосновал это положение тем, что жизнь человека подобна движению светил от восхода до заката, и если светила восходят на востоке и садятся на западе, то и человек должен был выйти с востока... Ефрем Сирий полагал, что рай находится на острове в океане»³⁵.

Египтяне и каппадокийцы о рае говорили в совершенно аллегорическом ключе. Ирландия могла быть знакома как с той, так и с другой идеей, но святой Брендан увлёкся антиохийской, ефремовой.

Великий святой – аскет православного Востока – в своих «гимнах» не единожды воспевал вполне осязаемый Эдем, который не исчез, но сокрыт в таинственном месте, где-то около истоков Тигра и Евфрата. Эта земля, находящаяся по соседству с родиной Ефрема, вполне материальна. Там веют ветерки, а реки, вытекающие из рая, не столько символические струи «живой воды», сколько вполне шумные потоки. Они подмешиваются к водам падшего мира, очищая последние от яда:

*Какая была бы нужда на земле,
чтобы оттоле изливалась на неё
и струила по ней влагу свою,
на многие расходясь рукава, река –*

35 Бородин О., Гукова С. История географической мысли в Византии. – СПб., 2000. – С. 12, 17-18.

*если бы не затем, чтобы воды те
благословением насыщали её,
напя собою мир,
и с ними приходила благодать
очистить источники вод земных,
проклятием отравленные искони.*

С.С. Аверинцев, переводивший гимн святого Ефрема «Одиннадцатая песнь о рае или о благоуханиях духовных», комментирует строфу преподобного так: «Ефрема интересует не идентификация этих четырёх рукавов райской реки, даже не их число; его волнует мысль, что к земной стихии воды, отравленной, как всё земное, проклятием первородного греха, подмешано невинное и освящённое вещество Эдемских вод (выступающее как символ церковных таинств и других способов присутствия благодати в грешном мире). Рай становится материально близким»³⁶.

Возможно, подобное представление бытовало и в Ирландии VII века. По крайней мере, континентальный текст конца VIII века с явными кельтскими ассоциациями, известный как «Ирландская Относительная Библия» (Irish Reference Bible), доверяет апостолу Матфею, когда тот говорит, что рай Адама был «всех гор выше и по соседству с небом». Начиная со времени каролингов, это суждение стало весьма популярным, но не единственным. Дж. К. Райт в работе «Географические представления в эпоху крестовых походов» пишет: «Марциан Капелла, продолжавший греческую традицию, которая помещала гипербореев в прекрасной и благоприятной для жизни дальней северной стране, дал повод некоторым отцам Церкви искать рай на Севере... некоторые помещали рай среди океана».

Удивительное дело, но «поиски рая» нашли своё отражение и в русской духовной литературе, правда, куда более позднего времени. Тематически несколько забегаю вперёд, я всё же решусь вспомнить одну странную историю. В 1347-м году архиепископ Новгородский и Псковский Василий (в миру – Григорий Калика, или Калена) направил Тверскому епископу Феодору Доброму обширное «Послание о рае».

Причина появления этого текста не совсем понятна. Святитель Василий говорит, что узнал о «распре», произошедшей среди тверичей по вопросу существования рая. Кто, с кем спорил, и с чего бы такая дискуссия вообще возникла – загадка. Ясно одно: Тверской епископ Феодор поддержал тех, кто не верил в существование земного Эдема и расценивал рай как исключительно духовное состояние,

---

36 Аверинцев С.С. Многоценная жемчужина. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тыс. н.э. – М., 1994. – С. 239, 450.

«рай мысленный». Василию такая позиция тверского архипастыря не понравилась, и он прилагает множество усилий для убеждения Феодора Доброго в обратном, причём делает это довольно изобретательно. В «Послании о рае» упомянуты различные апокрифы из болгарских сборников, святоотеческие творения, Священное Писание и рассказы новгородских мореходов, достигавших дальних таинственных земель. Василий, к слову сказать, сам большой любитель путешествий, в какой-то период своего служения (1331 – 1352), но непременно до «Послания о рае», побывал в Иерусалиме, где «своима очима» видел затворённые Христом городские ворота, что «до сего дни неотворимы суть». Новгородский владыка рассуждал примерно так: рай создан Богом, и нигде не сказано, что он погиб, так как «все дела Божии нетленны суть». Из «Послания о рае» следует: новгородцы достигли земного рая на Востоке, увидев перед этим место адских мучений на Западе. Принципиальное отличие рассказа Василия от текста «Плавания» заключается, прежде всего, в том, что новгородские путешественники совершенно случайно находят рай, а святой Брендан выходит в море с совершенно определённой целью: ступить на «Землю Обетованную Святым»³⁷.

Средневековый путешественник-христианин верил в то, что на земле существовали места святые и грешные, пространство имело сакральные очертания, а дорога к святому источнику, храму, кресту или, как в нашем рассказе, острову, обретала дополнительный духовный смысл, становилась «подражанием Христу». Homo viator идёт от «человечности» Христа к Его божественности и находит на пути «тучные пастбища» Истины».

Кроме вполне предположимых сложностей средневекового путешествия: состояние дорог, разбойники, морские пираты, эпидемии и т.п., peregrin попадал под воздействие «силовых линий» (А. Гуревич). То есть «выходил из-под власти земных законов, в частности, законов пространства и времени... многое, – как пишет А. Гуревич, – из воспринимаемого чувствами и сознанием или представляющегося воображению средневекового человека вообще не может быть локализовано в пространстве».

Среди исследователей «Плавания» существует спор (для кельтологии вполне привычный) относительно того, в какой степени повесть о святом Брендане является христианизацией традиционного ирландского имрама. Большой соблазн – считать, что «Плавание» испытало прямое влияние саги о Бране Благословенном³⁸, параллельно ему и лишь адаптирует старые языческие идеи к новому христианскому

37 См.: История русской литературы X – XVII вв. – М., 1980.

38 См., наприм.: The Earliest Bran Material, in Latin Script and Letters: A.D. 400-900, heiden 1976, 174 – 193.

миропониманию. С другой стороны, сомнительно предположение, согласно которому «Плавание» – совершенно независимый рассказ агиографической литературы, лишь украшенный поэтическими образами древней Ирландии³⁹. Продолжая описывать ситуацию вокруг возможных причин не самого появления средневековой приключенческой повести, а собственно путешествия Брендана, кроме двух уже обозначенных, обнаруживается и не менее любопытная третья.

Клонфертский игумен, человек преклонного возраста, много странствовавший, немало повидавший, получивший книжное образование, был, вероятно, знаком с рассказами о поисках легендарного острова Туле (Ultima Thule), появившимися в античности и волновавшими воображение раннесредневековых писателей. В IV веке до Р.Х. великий учёный математик, астроном Пифей Массалитский совершил смелый поход из Марсея (Массалии) через Гибралтар, минуя испанские берега, Бретань (Арморику), он доплыл до Британских островов, откуда держал курс на север, где и обнаружил Туле. Затем Пифей вышел в Северное море, обогнул Ютландию, дошёл до Балтики, после чего вернулся в Гадес (современный Кадикс). Результаты экспедиции были изложены в обширном труде «Об Океане». Самое позднее сообщение касательно Туле сделано св. Прокопием Кесарийским (IV в.), изучая тексты которого, В.В. Фёдоров помещал загадочный остров на 70-77⁰⁰ северной широты.

Уже упоминавшееся, пока единственное фундаментальное исследование на русском языке, посвящённое Туле, было сделано профессором Санкт-Петербургского университета Н.С. Широковой⁴⁰; из него я приведу несколько наблюдений автора, имеющих отношение к нашей истории.

1. «Среди счастливых утопических островов почётное и особое место занимала Ultima Thule. С одной стороны, это был реальный остров, расположенный где-то на севере Европы и открытый... Пифеем. С другой стороны, в идеализирующей античной традиции Туле становится счастливым мифическим островом, самый воздух которого источает чарующую сладость и который является сакральным иницилирующим центром, укрывающим героев, философов, мудрецов, передающих свои знания посвящённым».

---

39 Наиболее распространённое, но оттого не менее спорное, утверждение заключается в том, что ирландские монахи были ревнивыми хранителями древней устной языческой традиции. Скорее, их следует считать её прилежными фиксаторами, вдохновенными обработчиками и сдержанными редакторами. Они «хранили» свои *саги*, собственную литературу и заботились более об изысканности текстов, чем об идентичности последних с языческим аналогом. (Авт.)

40 Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. – СПб., 2000.

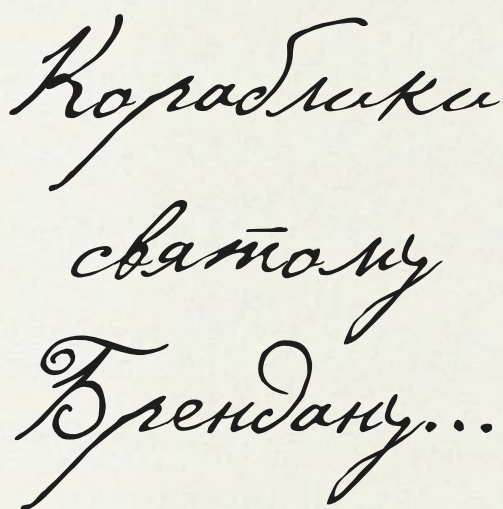
*Подножие
каменного креста
IX – X вв.
с библейскими
сюжетами
Ирландия, Moen
High Cross co Kildar
(Фото автора)*

2. «В случае с Туле можно видеть, как от текста к тексту оформляется образ Северной страны, которой чрезвычайно трудно достигнуть, но в которой собраны все мыслимые и немыслимые блага первозданного райского места. Речь идёт об исторических текстах и текстах по реальной географии и, в то же время, о сочинениях по магической географии, о средневековом эпосе, особенно о цикле романов круглого стола».

3. «Туле, райским видом места, чудесами и наслаждениями, которые она дарует, напоминает описание сида, ирландского другого мира, который в саге о Бране тоже изображён как далёкий-далёкий остров среди сверкающих волн моря, представляющих равнину Блаженства и Заморскую Страну Юности».

Н.С. Широкова подробно рассматривает различные варианты локализации Туле, которые «волновали европейский мир с эпохи Средневековья, вплоть до Возрождения, и даже в наши дни». Среди возможных островов называются Исландия и Гренландия. Если вернуться к предположению, согласно которому святой Брендан о Туле знал и приблизительно представлял его месторасположение, то его маршрут, имеющий все признаки северного направления, становится вполне понятным. Другое дело, что континентальный автор «Плавания» и, тем более, создатель «Путешествия», особо не заботились о документальном характере своих текстов, предпочитая разрабатывать аллегории и говорить языком символов.

Для первого Ирландия – географический центр освящённой истории западного края населённой земли, христианского мира. Он знаком с эсхатологическими предчувствиями святого Патрика: конец света может произойти, когда проповедь Евангелия завершится в северо-западных пределах ойкумены. Но ему представляется возможным осуществление поисков осколков древнего святого мира, обетованных островов при содействии интеллектуальных и помощи художественных инструментов, отчего допустимо считать, что «Плавание...» («*Navigatio Sancti Brendani*») – не литературная выдумка, а письменная фиксация давней истории «поисков Рая».

Кораблики
святому
Брендану...

Плавание

Эпизод I

Однажды вечером, когда святой Брендан молился в местечке, что теперь называют Лугом Чудес, к нему пришел его старый друг и учитель Баринтус. Он был воином знатного ирландского рода королевской династии Ниалла Девяти Заложников, но, достигнув зрелых лет, принял монашество и стал игуменом монастыря в Драмкуллене. Такие встречи случались часто. Два инок долго беседовали о разных духовных вещах, и солнце уже покидало Клонферт, как вдруг Баринтус замолк, не закончив начатой фразы. Он опустил на землю и заплакал. Слезы и сбивчивая молитва не прекращались, пока святой Брендан не решился обнять за плечи и поднять друга. Святой поцеловал Баринтуса и сказал: «Отче, твой приход всегда приносил радость, а не печаль. Поведай мне, что случилось, отчего твоё сердце тоскует?» В это время их окружила монашеская братия, и Баринтус начал повествование. Сначала он рассказал о Мерноке, своем родном сыне, который стал отшельником на небольшом острове, и о том, как с ним, в келиях, устроенных среди скал, поселились другие монахи. Много чудес сотворил Господь тогда через Мернока.

«И вот, — продолжал Баринтус, — я решил однажды отправиться к сыну. Три дня пришлось плыть по ветреному морю, пока корабль не причалил к берегу. Там уже стоял Мернок и несколько отшельников, которым Бог открыл о моём прибытии. Я обнял сына. И мы пошли по земле, и другие монахи, словно пчёлы из ульев, покидали свои

кельи приветствовать гостя». Мернок рассказывал Баринтусу о порядке, установленном на острове. Все жили раздельно. Служба же была регулярная, общая. За трапезой ничего, кроме овощей, яблок и корней, не вкушали. Отец с сыном, долго не видевшие друг друга, решили не ложиться спать. Они отправились в длительную прогулку и дошли до Западного берега. Там стояла небольшая лёгкая лодка с вёслами. «Давай, – предложил сын, – сядем и погребём на Запад к острову, который называют «Земля Обетованная Святым». И они поплыли. Облака опустились, плотный туман сокрыл не только волны, но и корму. Скрип вёсел и плескание воды, чуть колышущей лодку, были единственными звуками. Прошло час или два, прежде чем удивительный свет разогнал это влажное марево и монахи обнаружили большой остров, утопавший в зелени, со множеством фруктовых деревьев. Пристав к берегу, Баринтус с сыном пошли по чудесной земле. Казалось, что мир состоит из воздуха, цветов и запаха яблок. Они видели бесчисленные плоды на деревьях, и камни, по которым ступали их ноги, были драгоценными. Пятнадцать дней прошло в этом удивительном пути, пока большая река не преградила дорогу.

«Мы стояли с Мерноком, вспоминали все чудеса загадочной страны и думали, куда двигаться теперь, пока наши размышления не были прерваны появлением необычного человека. Он шёл словно весь окруженный сиянием. – Баринтус замолчал, и слушателям показалось, что слёзы опять готовятся прервать рассказ. Но так только показалось. – Сияющий гость, – продолжил Баринтус, – назвал нас каждого по имени и воскликнул:

– Ободритесь, братья! Господь наш Иисус Христос показал вам землю, которая обещана Его святым. Река разделяет остров на две части, и вам нельзя переправляться на другой берег. Возвращайтесь обратно.

Я спросил его, где его жилище и как нам называть его.

– Зачем вам знать всё это? Лучше послушайте про страну, что приняла вас. С первых дней Творения Мира она осталась неизменной. Здесь нет голода, жажды и нужды во сне, потому что день не сменяется ночью, а свет – Сам Христос.

Потом мы начали обратный путь, и человек, не открывший своего имени, сопровождал нас до оставленной лодки. Как только мы сели за вёсла, он исчез. В море густой туман опустился вновь, и в этой мгле прошла вся обратная дорога. На Острове Блаженства нас встретили отшель-

ники. Они радовались как дети, долго не видевшие своих родителей, и говорили: «Зачем, отцы, вы оставили нас так надолго, мы словно агнцы без пастыря блуждаем по лесу. Уже не в первый раз Мернок уплывает неизвестно куда то на неделю, то на две, а то и на целый месяц. По каким дорогам водил вас Господь?»

«Братья, – сказал я им, – не сердитесь. Вы и не знаете, что живёте около райских врат. Недалеко отсюда лежит чудесный Остров Святых, где нет ночи и царит вечный день. Туда изредка плавает ваш игумен. Ангел охраняет его в дороге. Разве вы не чувствуете аромат от наших одежд? Такое благоухание бывает только в Раю». «Отче, – ответили они, – мы верим, что вы вступили на райскую землю. Мы обоняем этот аромат сейчас, как приходилось и прежде, в течение сорока дней после каждого возвращения Мернока, но нам не известно, где именно находится эта земля». «На запад плыла наша лодка, – ответил я, – и мы были там более двух недель. Всё это время ни голод, ни жажда не терзали нас. Даже сейчас не проходит чувство насыщения и радость, какая случается, стоит лишь выпить молодого вина».

Сорок дней прошло после их возвращения из Земли Обетованной Святым, прежде чем Баринтус уплыл в Ирландию. Святой Брендан и все, кто слушал чудесный рассказ, воздали хвалу Богу: «Прав Господь во всех путях Своих и Свят во всех делах Своих». После чего святой Брендан сказал: «Подкрепимся едой и питием, братия. Пора приступить нам к выполнению «новой заповеди», данной от Бога». А Баринтус покинул Клонферт.

КОРАБЛИК

1

*В горах, на берегу реки,
Я взял кусок кирпично-красной
Коры и вырезал кораблик,
Величиной с форель, не больше,
И наблюдал за ним, плывущим
И тонущим. И там, где он исчез,
Дюйм серебристой плоти над водой
Блеснул на солнце – на одно мгновенье.*

Фэнтон Джеймс
(Перевод Владимира Светлосанова)

Нынешний читатель этих текстов может заметить, что состояние, отделяющее от средневекового европейца, если оно измеряется «культурными милями», не слишком-то и велико. По крайней мере, ему понятна следующая коллизия: во время движения монахов от привычного, надежного мира присутствие Божие всё более очевидно. Практически во всех эпизодах святой Брендан будет встречать посланников, которые станут предупреждать его об опасностях, сообщать о грядущих переменах. Как замечал Бёргесс, «некоторые страдания (как реальные, физические, так и духовные. – *Авт.*), особенно испытанные людьми одинокими, заброшенными в море, оказываются неизбежными и существенными; для того чтобы завершить начатую миссию путешественника (а вслед за ним и читателя. – *Авт.*), следует многое претерпеть и достичь определенного уровня знаний»⁴¹.

Итак, святой Брендан попадает в Другой Мир и – что не вполне типично для раннекельтских историй – возвращается. Из 17-ти монахов только трое, по разным причинам, не достигают Ирландии. Существуют ранние христианские источники, из которых версии о Плавании святого Брендана могли получить свою неповторимую образность. Но надо отметить и тот факт, что некоторые детали косвенно соотносятся с восточной легендой о Синдбаде-Мореходе, и это принуждает исследователей предполагать наличие связи между текстом «Плавания» и ныне утраченной руко-писью «Чудеса Востока».

41 Burgess G.S. The Brendan Legend. — Brill, 2006.

Полуостров Дингл, Ирландия. (Фото автора)

Сохранились данные о путешествии, предпринятом в X веке восемью двоюродными братьями по прозвищу ал-Магру-рун («авантюристы»). Они отправились из Лиссабона в «Море мрака» (Атлантический океан) с целью узнать, что в нём находится и где оно кончается⁴². Рассказы о подобных путешествиях пользовались большой популярностью, и сообщения о них можно найти в произведениях многих арабских авторов. При этом с каждым новым путешествием, приносившим новые данные об окружающем мире, границы непознанного отодвигались всё дальше и дальше. Никто, по словам знаменитого географа ал-Идриси, не знает, есть ли какая-нибудь обитаемая земля за «Вечными» островами («Вечные», «Острова счастливых» – арабские названия Канарского архипелага). Никому не известно, что находится за пределами населённой земли на востоке или «за морем мрака» на западе. При этом ал-Идриси неоднократно выражает сомнение в том, что это знание может быть получено в принципе. По словам географа, «вряд ли можно узнать, что находится за «морем мрака». Из-за множества трудностей, поджидающих мореплавателей в этих краях: густого мрака, высоких волн, частых бурь, свирепых ветров и морских чудовищ, обитающих в его водах»⁴³.

Впрочем, это лишь версии, которых предостаточно вокруг любого средневекового литературного памятника. Более реальная

42 Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. – М., 2002. – С. 34-135.

43 Коновалова И.Г. «Система координат» средневековой мусульманской географии // Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Imagines mundi: античность и средневековье. – М., 2013. – С. 152.

история такова: монастырь в Клонферте был, согласно документам, основан в 558-м году. Брендан навещает свою сестру Бригу в Тубриде (Tubrid) для приготовления места своего будущего погребения. Подразумевая именно исторического Брендана и полагая, что его кончина приходится на период 575 – 583 годов, Вудинг замечает: «Упокоение Брендана из Клонферта записано во всех важнейших ирландских анналах за годом 575, либо в отчетах, которые приходится на этот год... Запись 575 года может считаться отправной для нашего свидетельства о начале почитания реального человека, а не о формировании культа легендарного героя»⁴⁴.

Самый первый, хотя и не главный, вопрос у читателя «Плавания» (VII – VIII веков) и «Путешествия» (XII века), как правило, таков: Куда плавал Мернок с Баринтусом и куда впоследствии отправился святой Брендан? Отвечать на него придется на протяжении всего рассказа об удивительной Бренданиане, но несколько важных предварительных замечаний следует высказать заранее.

*Клонмакнойз (Clonmacnoise).
Монастырь VI в., Ирландия. (Фото автора)*

Во-первых, вплоть до XIII века не было даже приблизительно точных карт и все географические описания Античности и Средневековья должны были опираться на показания путешественников. Но описания путешествий – итинерарии⁴⁵ – обычно украшают

⁴⁴ Wooding M. The Date Navigatio... Dublin, 2002.

⁴⁵ Итинерарий (лат. *itinerarium*) - книга-указатель с перечислением всех дорожных переходов, расстояний и мест отдыха на каждой дороге Римской империи. Во время поздней античности специально для христиан-паломников существовали итинерарии с подробным описанием «святых мест», например итинерарий *Burdigalense*, «Паломничество» Этерии и итинерарий Антонина Плацентина (560–570).

материал (NB! Поэтизируют, теологизируют, как в «Плавании»: было путешествие реальное – итинерарием которого стал текст «Плавания»). Маршрут представлялся в виде прямой линии, сколько бы извилистым он ни был на самом деле. Датчанин, скажем, плывущий из Шлезвига в Тронхейм, сообщит, что он плывёт на север, хотя сначала он отправится на северо-восток к Сконе, затем на запад, вокруг южной Норвегии, а под конец на северо-восток, к Тронхейму. При этом встречаются отклонения как по часовой стрелке, так и против.

Во-вторых: Медиевисты используют такое понятие, как «смещённая географическая ориентация». Наиболее конкретные подтверждения её действия зафиксированы в древнескандинавской письменности. Т. Джаксон говорит про «реликты древней системы ориентации», которая не тождественна современной. Термином *nord* – «север», по мнению ряда исследователей, обозначалось в древности направление, отличающееся от астрономического «севера» и отклоняющееся (от 45° до 60°) в сторону востока, то есть по часовой стрелке, – соответственно, иное, нежели привычное современному человеку. В качестве историографических примеров: в англо-саксонском переводе «Хорографии» Павла Орозия (IV в.), принадлежавшем англосаксонскому королю Альфреду, Север иногда на 45° сдвинут в сторону Востока. В 32-й главе «Саги о Кнютлингах» (середина XII в.) страны света смещены на 60° по часовой стрелке. В рассказе о плавании Отара, записанном королём Альфредом, тоже имеет место ориентационный сдвиг («его север почти равен северо-востоку»). «Смещённая ориентация» не была явлением исключительно скандинавским: англо-саксонский король при переводе латинского текста вносил изменения в описания Европы, Азии и Африки весьма хаотично. Вопрос о происхождении «сдвига», резюмирует Джаксон, остался открытым.

Но для скандинавов путешествие было «неизбежным» (Джаксон) условием жизни, главной её составляющей. Скандинавы, прожившие жизнь в путешествиях, «соединяли своими передвижениями уголки мира». Саги – «объективный» рассказ; «переживания» не являлись объектом изображения.

«Плавание» – совершенно другая литература. Отношение к путешествию в век саг – предельно уважительное. В обществе господствует представление о том, что человек должен путешествовать, чтобы стать человеком, чтобы приобрести знания и научиться разбираться в человеческих взаимоотношениях⁴⁶. В случае с «Плаванием» разбираться будет необходимо не только в них.

46 См.: *Imagines mundi: античность и средневековье*. – М., 2013. – С. 406.

Главным собеседником станет Господь, призвавший монахов к путешествию. И, как пишет Джон Дж. Кери, «нельзя сказать, что Иному Миру в ирландской традиции приписываются разные варианты местоположения: скорее, он существует вне определенных пространственных отношений с миром смертных. Он – «другая сторона» и Иной Мир»⁴⁷.

Митрополит Каллист (Уэр) рассказывал: «Один шотландский садовник встретил человека, который только что приехал с Айоны. Он сказал: «Там очень тонко». Собеседник не понял, и тот объяснил: «Вот – Айона, а вот – Господь», – именно так воспринимает тварный мир Православие» (Митроп. Каллист (Уэр), «О Льюисе»).

Так что попробуем рассмотреть «Плавание» не только как уникальное произведение литературы Средневековья, но и как этап истории культуры (географии). Для удобства необходимо обратиться к существующей схеме, согласно которой традиционно принято делить «Плавание» на 29 эпизодов:

1. Встреча святого Брендана с Баринтусом; рассказ о Земле Обетованной.
2. Избрание 14-ти спутников-монахов.
3. Посещение святого Енды.
4. Строительство корабля (кораkla).
5. Три «лишних» монаха. Святой Брендан берёт в путешествие ещё троих попросившихся иноков, но предрекает им грядущую гибель.
6. Остров с безлюдным городом. В богато убранном зале монахов ожидают приготовленные яства.
7. Кража. Один из трёх крадёт серебряное ожерелье и умирает как кающийся грешник.
8. Юноша с хлебом и водой.
9. Остров Овец. Святой Брендан совершает вечерню Чистого Четверга.
10. Якониус (Большая Рыба, Остров-Кит). Путешественники служат Пасхальную Заутреню на спине Кита.
11. Остров Птиц. Сидящие на дереве птицы оказываются «нейтральными ангелами»; одна из них предрекает святому Брендану шестилетнее плавание. С Пасхи до восьмого дня после Троицы монахи проводят на острове.
12. Монастырь святого Аилбе. На этом острове и в этой, так сказать, «идеальной» обители мореплаватели проводят время Рождества. Дальнейшие пророчества о Плавании.
13. Остров с сонным источником.

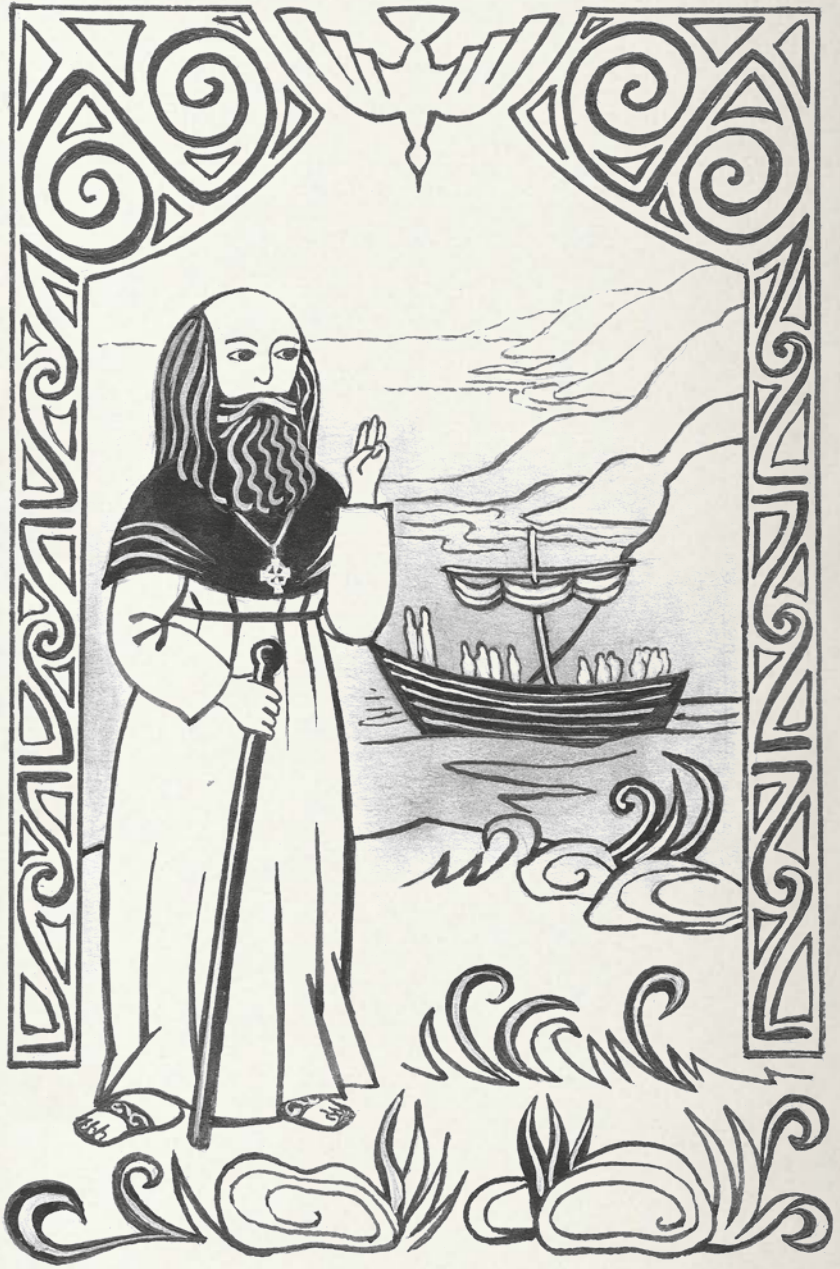
---

47 Кэри Дж. Время, пространство и иной мир (пер. Н. Николаевой) // Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев. – М., 2002. – С. 139.

14. Штиль (Безветрие как испытание).
15. Встреча трёх Праздников. Святой Брендан вновь отмечает Праздники, начиная с Чистого Четверга до Троицы на Острове Овец, Острове-Рыбе и на Острове с птичьим деревом.
16. Схватка морских чудовищ. По молитвам святого одно уничтожается другим.
17. Остров Трёх Возрастов. Райское, отчасти, место, где живут раздельно мальчики, юноши и старики. Второй из «лишних» монахов остаётся.
18. Виноградный Остров.
19. Сражение птиц. Угрожающего мореплавателям грифона убивает другая птица.
20. Второе посещение острова Аилбе.
21. Прозрачное море, в глубине которого монахи наблюдают движение неких жутких тварей.
22. Колонна (Айсберг) с серебряной сетью. Святой Брендан проплывает через ячейки висящей на хрустальной колонне, высотой до неба, сети. Там же путешественники находят чашу и нечто внешне напоминающее дискос.
23. Остров Кузнецов. Кузнецы бросают раскалённые камни в коракл святого.
24. Остров-Вулкан. Третий из «лишних» монахов выпрыгивает на берег, и его забирают бесы.
25. Иуда Искариот. Ему разрешается проводить воскресенье и праздничные дни вне ада, на одинокой морской скале.
26. Остров Павла-отшельника. Поскольку однажды он исполнил волю мёртвого, его на корабле доставили к голому каменистому острову, где отшельник и живёт, чудесным образом питаемый Богом.
27. Последняя встреча трёх Праздников.
28. Земля Обетования Святых. Залитый светом плодоносный остров, вокруг которого таинственная пелена тьмы.
29. Маленький человечек. Возвращение святого Брендана с братией в Ирландию. Кончина преподобного.

Не все, но большинство эпизодов получают свои комментарии. Некоторые сложные вопросы будут только подняты и обозначены темы для исследований.

Плавание

Эпизод 2

Из многочисленной клонфертской братии святой Брендан выбрал 14 монахов и, уединившись с ними в часовне, сказал: «Друзья мои, рассказ Баринтуса взволновал сердце и вытеснил всякие другие мысли из головы вашего игумена. Я решил, если будет на то воля Господня, отыскать Остров Обетованный Святым и прошу вашего совета или даже участия».

«Отче, – ответили монахи, – разве не оставили мы родителей, близких и все имущество своё, чтобы предать себя в руки Божии и под твоё начало? Дорога, которая будет выбрана тобой, станет и нашей. Пусть исполнится небесное предназначение».

«Ну что же, – выслушав иноков, продолжил святой, – я доверил вам свои самые дорогие мысли и хочу полностью полагаться на тех, кто отправится в плавание и никогда уже не станет жалеть об этом решении. К великому сожалению, мне неизвестен ни маршрут, ни даже направление к этой стране. Возложим на себя пост. Оставим еду и питье на трое суток каждой недели в течение сорока дней и станем молить Бога о просвещении наших умов и указании верного пути».

Никто из братии не нарушил повеления святого, и сам игумен день и ночь молился, пока Господь не послал к нему ангела, указавшего дорогу к загадочной земле. После такого чудесного посещения святой Брендан окончательно убедился в том, что его планы согласны с волей Всевышнего.

Настал день расставаний. Весь монастырь собрался проститься с игуменом и его командой. Многие плакали, сожалея,

что остаются без любящего отца. Святой завещал братии во всем положиться на Бога и препоручил их одному приору, который впоследствии стал клонфертским игуменом.

Сначала перегрины пошли на западное побережье Ирландии и достигли острова, где подвизался святой Енда. Там они пробыли три дня и, получив благословение преподобного, отправились на юго-запад страны, к побережью Керри, но не для того чтобы навестить родителей святого Брендана, а потому, что именно оттуда Господь повелел начать Плавание.

На полуострове Дингл высилась скала, далеко выступавшая в море. Никто не поднимался на её вершину прежде игумена из Клонферта, никто не разбивал там своей кущи. Теперь скалу называют «Троном святого Брендана». Высокая и крутая, она со всех сторон обдувается солёными ветрами, а у каменистого подножия есть неприметная гавань, войти в которую может только один корабль. Здесь монахи и построили свой коракл по образцу, принятому в тех местах. Остов соорудили из сосновых веток и покрыли сначала дубовой корой, а уже сверху положили воловьи шкуры. Все швы были пропитаны жиром. Поставили мачту с прямым парусом, установили руль и вёсла. Корабль нагрузили запасами воды и провизии на сорок дней дороги, захватив ещё шкуры, жир, инструменты и прочие необходимые вещи.

«Отплывём сейчас же, – скомандовал святой Брендан, – благодаря Богу, ветер попутный». Монахи стали садиться в коракл, а святой стоял один на берегу, благословляя покидаемую землю, как вдруг показались трое иноков из Клонферта. Они со всех ног бежали к судну и кричали: «Отче, не оставляй нас здесь, мы хотим плыть с тобою. Если ты откажешь нам, то от голода и жажды мы умрём на этих скалах». Святой разрешил им взойти на палубу, но, предвидя, что ожидает пришельцев, не стал скрывать будущего. «Я знаю, – сказал он, – с какими намерениями вы появились тут. Одним из вас руководила добрая воля. Ему предстоят испытания, но и поддержка от Бога не заставит себя ждать. Двух других постигнет судьба Дафана и Авирона».

Настал час отплытия. Святой Брендан воздел руки к небу и стал молиться, чтобы Господь оградил команду от злоключений, после чего осенил крестным знаменем корабль, и свежий ветер с востока наполнил их парус. Курс взяли на летнее солнцестояние. Земля быстро исчезла из виду, только море и облака колыхали судно перегринов. Восточный бриз первые пятнадцать дней ни на час не

ослабевал, и монахи вполне обходились одним парусом. Но потом море затихло. Установился полный штиль, и некоторые пришли в уныние. «Ничего, не будем грустить, – ободрил их игумен, –

Ветер дует: парус ожил;

Ветра нет – весло поможет».

Братья взялись за вёсла. Они гребли целый месяц, пока силы не покинули команду. Пища и вода заканчивались, а берега все не было видно. Святой Брендан приказал измученным инокам поставить парус. Полотно мёртво повисло, но через некоторое время все с удивлением заметили, что оно постепенно наполняется непонятно откуда возникшим ветром. Волн вокруг так и не было, и этот ветер гнал судно по своей воле. Один раз в день, после вечерни, перегрины вкушали пищу. Но вот весь запас иссяк. Жажда и голод стали невыносимыми, и тогда путники заметили на юге скалистый остров. Собрав последние силы, они вновь взялись за вёсла. Прибрежные скалы круто обрывались в море, а с острогов, из нескольких расщелин, низвергались потоки воды. Мощный прибой, разбивавшийся о камни, грозил неминуемой гибелью, реши они пристать там. Но изнурённые жаждой, некоторые из братии приготовили свои фляги в надежде подойти поближе и набрать воды из этих потоков. «Остановитесь! – запретил им преподобный. – Не совершайте безумства. Раз Бог ещё не указал место для стоянки, то не следует нам неразумно спешить. Я верю, что через три дня Господь наш Иисус Христос откроет безопасную гавань, и там мы сможем отдохнуть и подкрепиться».

Трое суток корабль носили волны вокруг неприступного острова, и вот наконец, около часа девятого, среди известковых скал им показался совсем небольшой залив. Команда сошла на берег, причём святой запретил что-либо выносить из судна. Все отправились осматривать остров, а пока они бродили, к преподобному подбежала собака и села у его ног, будто тот был её хозяином. «Похоже, – сказал святой Брендан, – Господь послал нам надёжного проводника. Доверимся ему». И монахи последовали за собакой, которая привела их к красивым постройкам, далеко от берега. Войдя в первый дом, все обнаружили большой светлый зал с мягкими ложами, столом и резными сидениями. Там же стояли кувшины с водой для омовения. Станным казалось, однако, что нигде не было видно ни души...

КОРАБЛИК

2

*Вперёд, мой чёлн! Пусть ветер гонит нас!
К какой стране бы мы ни мчались дальней,
Но не видать нам более печальной
Страны, чем та, что вырвалась из глаз.*

Томас Мур
Из «Ирландских мелодий»
(Перевод Алексея Плещеева)

Каждый эпизод «Плавания» – это сама по себе отдельная история, и перед нами словно подборка клейм, что обычно размещают по периметру иконы святого. Тематически соединяясь с ним, они остаются при этом независимыми, вполне самостоятельными рассказами, наполненными духом христианского благочестия. По отношению к такому знаменитому кельтскому святому мы и не можем ожидать чего-то иного. Но прежде всего, конечно, святой Брендан знаменит своими путешествиями. Как мореплаватель он мог достигнуть острова Хинба (Аргилл, Шотландия) – на это указывает житие святого Коламбы Айонского. Его коракл вполне был способен бросить якорь у берегов Гебрид, где в те времена жил святой Килда (st. Kilda) и где впоследствии святому Брендану был посвящён храм.

Святой Енда, которого упоминает автор «Плавания», считается одним из основателей ирландского монашества. Он обучался в Уиторне (Гэллоуэй). Основал монастырь в Бойн Вэлли, а затем переселился на остров Айнишмен (Inishmann – Аранские острова, о которых писал Дж. М. Синг). Среди учеников святого Енды самым известным стал преподобный Киаран из Клонмакнойза. На острове до сих пор сохранились остатки монастыря. Святой Енда умер в 530-м году и похоронен там же (Память 21 марта.)

«Landnámabók» – «Книга захватов земли» – уникальный памятник древнескандинавской литературы. Это подробный рассказ о том, как складывалась, формировалась страна, которая превратилась в современную Исландию. В 5-й главе «Книги» норвежский викинг Флоки Вильгердарсон со своими попутчиками назвал остров «Ледовой страной», поскольку он представлялся

колонистам пространством, свободным от людей. «А до того, как Исландия была заселена из Норвегии, были там те люди, которых норвежцы называют «папар»; они были христианами, и люди думают, что они были с запада, из-за моря, потому что обнаружались после них ирландские книги, колокола, посохи и многие другие вещи, по которым можно было понять, что они были людьми с Запада» (Landnámabók, Bls. 31-32). В «Книге об исландцах» (1122-1132 гг.) Ария Мудрого находится объяснение того, почему «после них»: «Папар уехали прочь, потому что не хотели рядом с язычниками и оставили они ирландские книги, и колокола, и посохи: из этого можно заключить, что они были ирландцами»⁴⁸.

Некоторые исследователи допускают, что Плавание святого Брендана выдаёт деталями реальное путешествие, а его топографические описания могут соответствовать специфическим местам, встретившимся на маршруте в Америку, либо в Ньюфаундленд через Гренландию, либо в Мексику через Антильские острова и Саргассово море. Возможно (об этом подробнее будет ниже), что и дорога к нашему Северо-Западу оставила свои знаки в тексте «Плавания», пусть даже и косвенные.

Повторюсь: каждый эпизод уникален сам по себе. Например, зимним вечером можно долго и красочно пересказывать историю встречи святого Брендана и его монахов с Китом Ясконием. Это, конечно, не гротеск Ершова из «Конька-Горбунка», а вполне чудесное событие, в духе повествования, посвящённого пророку Ионе. Перед читателем обозначается «проблема чудесного».

К.С. Льюис в книге, которую он просто назвал – «Чудо», пишет: «Под чудом я понимаю вмешательство в природу внеприродной, то есть сверхъестественной силы. Если кроме природы нет ничего, чудо невозможно... Чудо всегда страшит, удивляет, свидетельствует о внеприродной силе. Если бы на свете жили люди совсем не ведающие законов, они бы не дивились ничему. Вера в чудеса зиждется не на невежестве; она и возможна лишь постольку, поскольку существует знание». Вот ещё одно наблюдение того же автора, актуальное до сих пор: «Обычная нынешняя религиозность отрицает чудеса, так как отрицает Живого Бога, и верит, конечно, в такого бога, который не станет творить чудес, да и вообще ничего». А если вернуться к средневековой аудитории читателей (большой частью – слушателей) «Плавания» и «Путешествия», то можно вспомнить, что её подавляющее большинство состояло из тех, кто искренне верил в Бога и оставался

48 Цит. по: Джексон Т.Н. Древнескандинавское пространство // Джексон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Imagines mundi: античность и средневековье. – М., 2013. – С. 308.

равнодушен к философским поискам. Эти люди были готовы, прежде всего, восхищаться универсальностью Творения, его *forte vitali*; проявление же чудесного было для них естественным фактом, поскольку «...из христианства чудеса не вычтешь – христианство и есть история великого Чуда. Лишившись чудес, оно утратит свою неповторимость» (там же, у К.С. Льюиса).

У путешествий святого Брендана есть практическая задача. Преподобный плывёт от одного чуда к другому, а в самом конце его ожидает не какая-то predetermined или вынужденная остановка, но необходимое познание бесконечности чудес Божьих.

Сама по себе идея поиска чудес Божьих довольно стара (и по сей день ищут на Арарате Ноев Ковчег, а на дне Иссык-Куля – серебряную раку с мощами апостола Матфия и т.д.). Путешествие святого Брендана должно научить тому, что чудес в мире больше, чем может вместить человеческий разум. Негативные и позитивные эпизоды значимы одинаково, с точки зрения характера чудесного. Всё, что происходит, должно преодолеваться знанием о цели путешествия, если оно как-то препятствует плаванию, и служить свидетельством Промысла Божия, если оно способствует навигации. Читателю средневековых текстов желательно быть в состоянии припомнить тот контекст, в котором слова из цитат оживают и обретают своё значение. Как правило, таким контекстом является христианское смирение.

Монахи святого Брендана не полагают себя в центре ими наблюдаемого мира. Они не «вписываются» в этот мир, но пытаются вписать его в мир собственных, в том числе географических, представлений.

Для святого Брендана, как и для многих других, жизнь была непрекращающимся паломничеством («белое мученичество»). Человек – это странник в стране собственной «убогости», в стране «непохожести»; во Христе он может и должен, в идеале, быть подобным Господу. Соотечественник святого Брендана, ирландский поэт Десмонд Иган, спустя почти полторы тысячи лет написал об этих кельтских ощущениях так:

*И в Ирландии есть места, где не поют птицы,
Где прошлое прорастает в настоящее,
Где столетия трепещут листвою,
Где странники встречают странников...*

«Холокост осени»

(Перевод Анатолия Кудрявицкого)

Часовня Галларус
(Gallarus), вид
изнутри.
Полуостров Дингл,
Ирландия.
(Фото автора)

На Дингле птицы поют весь день. Особенно звонко – утром, после ночного ливня и ветра. Дингл – поразительное, даже при всеобщей ирландской «волшебности», место. Несмотря на то, что это полуостров, кажется, океан окружает его полностью, со всех сторон. Повсюду ветер: его шорох в редких деревьях, в шёпоте волн и шуме долин. Древность здесь застыла часовней Галларуса (храм VII века на самом западном окончании Дингла), вечность – в скалистой бухте святого Брендана (Brendan Bay) и на вершине его горы (Brendan Hill). На полуострове существовали деревянные постройки монашеских поселений и келии морских пустынников. Из них ничего не сохранилось, кроме храма-часовни – символа Дингла – формы перевернутой лодки. Её послание глубоко: Плавание продолжается всегда, и даже когда вы вернулись, – ваш дом должен напоминать корабль, поставленный на берег для солнечной просушки и очищения от мусора океана. Жизнь – путешествие, и час отплытия в последний вояж неизвестен.

*Бухта святого Брендана
Дингл, Ирландия
(Фото автора)*

Сюда из Клонферта приходит святой со своей братией, поскольку их монастырь, расположенный на реке Шеннон, при всём желании не смог построить необходимый корабль. Ни кож, ни тюленьего жира, ни, самое главное, верфи и мастеров в этой лесной, равнинной части Ирландии не было.

Но сначала происходит некое монашеское совещание, сам факт проведения которого подчёркивает искренне хранимый христианами в те времена дух соборности. Преподобный беседует с иноками, вызвавшимися его сопровождать. Речи о покорном исполнении «благословения» даже и не идёт. После 40-дневного поста они отправляются в путь. Как и его предшественник Баринтус, святой Брендан плывёт на Запад, к острову, где должен быть построен корабль. И хотя на этом клочке суши в Атлантическом океане у клонфертского игумена живут близкие родственники, он их не навещает. Возможно, этим подчёркивается его отказ от мирских, семейных связей и желание принять на себя «иго и бремя».

Перед отправлением произносятся молитвы, благословляется корабль, и начинается неведомое странствие. Монахи будут противостоять ветрам и течениям. Им нелегко плыть к намеченной цели. То, что они пытаются ориентироваться в морском пространстве, рассказчик делает очевидным через точное указание времени, его продолжительности и направления Плавания. Но, несмотря на все эти понятные, измеряемые величины, и природные стихии, вмешательство сверхъестественных сил сыграет решающую роль. Команда переживёт страх (может быть, приступ клаустрофобии), панику. Один святой Брендан неизменно будет доверять Небесной защите, подбадривая людей. Лишь однажды он сам захочет бежать. Но это случится, когда паломники приблизятся к преддверию ада...

Пока же ясно: факт вне всякой мистики и символики. Плавание к Земле Обетованной Святым началось отсюда. С Дингла.

Гравюра из книги
Navigatio st. Brendani / Selmer C. — Oxford, 1928

Плавание

Эпизод 3

ратья, — обратился святой к своим спутникам, — остерегайтесь, чтобы сатана не прельстил вас. Я вижу, как он уже соблазняет одного из тех трёх, что прибежали последними, искушает его воровством. Молитесь о душе его». На стенах зала были развешаны роги для вина и уздечки, отделанные серебром, по углам стояли вазы и подсвечники изумительно тонкой работы. Преподобный отправил нескольких иноков в подвалы: «Ступайте и посмотрите, нет ли там чего-нибудь, чем мы могли бы утолить голод и жажду». В погребе оказалось вдоволь рыбы, хлеба и бочки с хорошим вином. Они принесли, как повелел святой, всего для трапезы, не захватив того, что могло стать лишним. Когда стол был накрыт, все благодарили Бога за щедрую пищу. После ужина читались часы, а собираясь ко сну, преподобный сказал: «Нам всем следует отдохнуть, впереди ещё долгий путь».

Пришла ночь, и, когда все уснули, святой Брендан стал очевидцем дьявольских ухищрений. В темноте он увидел маленького эфиопа, который позванивал серебряным ожерельем над головой одного из монахов. Тот встал, взял украшение и спрятал у себя на груди. Святой тут же поднялся и молился, пока первая заря не рассеяла ночной сумрак. Утром совершалось обычное правило, а после завтрака все отправились осматривать остров. Так прошло три дня. Пора было продолжать Плавание. «Остерегитесь, братья, — предупредил преподобный, — взять хоть мелочь

из этого дома». «Да удалится от нас даже мысль очернить наше странствие воровством», – ответили ему перегрины.

«То, что я предвидел, – сказал им игумен, – уже исполнилось. Один из вас прячет на груди под одеждой серебряное ожерелье, которое дал ему сам дьявол». Услышав эти слова, вор выбросил украшение, упал к ногам святого и закричал: «Отче, прости, я согрешил. Молись обо мне, иначе погибну». Все опустились на колени и стали просить Господа за своего собрата. Святой Брендан поднял преступника, осенил крестом, и перегрины увидели маленького эфиопа, который словно выпрыгнул из груди инока с криком: «Человек Божий, зачем ты выгоняешь меня из дома, в котором я живу уже семь лет? Не лишай того, что давно уже моё по праву!»

«Именем Господа нашего Иисуса Христа, – сказал святой, – запрещаю тебе отныне вредить кому-либо вплоть до Судного Дня». Затем обратился к согрешившему: «Тебе нужно покаяться, причаститься Тела и Крови Господа, ибо твои тело и душа скоро разлучатся. Ты будешь похоронен здесь, на острове, а другие, пришедшие к нам с тобой из монастыря в последнюю минуту отплытия, успокоятся только в аду». Монах причастился Запасных Святых Даров, после чего душа его была унесена ангелами на небо на глазах братии, а тело было предано земле в том месте, где он умер.

Простившись с умершим, команда отправилась в гавань, на корабль. И лишь только они вышли к берегу, как появился юноша с большим количеством провизии и питья. Он поклонился, просил принять в дар то, что принёс, и сказал: «Какие бы трудности ни встретились на пути – не бойтесь. С Божьей помощью вы обретёте то, зачем покинули родину. Не заботьтесь ни о еде, ни о воде. Здесь хватит до Пасхи, а дальше вы получите ещё больше». С этими словами юноша обнял каждого и ушёл, не назвав своего имени. Монахи, теперь совершенно уверенные в небесном покровительстве, подняли парус и большую часть года плыли по беспокойному океану, вкушая пищу один раз в два дня.

КОРАБЛИК

3

*Отец, поведай, наконец, коль отрок стоит слов,
О том, что видел, вдаль влеком, путём морских валов,
Об островах волшебных грёз, где жил эльфийский свет:
Путь в край Бессмертных или в Рай,
Сыскал ли за семь лет?*

Дж. Р. Толкиен
«Смерть святого Брендана»
(Перевод Светлана Лихачёва)

«Так воскреснет тот, кто не вёл безбожную жизнь», – начертано над процессией праведников, поднявшихся из могил. (Скульптурная композиция XII в., украшающая портал собора Сен-Лазар в Бургундии.) Среди тех праведников особое место занимают паломники, чьи сумки украшают Иерусалимские кресты и морские раковины, – знак святого Иакова Зеведеева Младшего (Иакова Компостельского, брата Иоанна Богослова), покровителя средневековых пегринов Европы. Процессия эта – малая часть впечатляющей сцены Страшного Суда. Для тех, кто читал «Плавание», «Путешествие» или их стихотворные переложения на немецком, голландском, провансальском и других языках, очевидным было то, что пилигримаж (паломничество, «белое мученичество») не просто доброе времяпрепровождение, но Путь. Дела Бога и человека. Человека, быть может, даже больше. Бог часто наблюдает за нашими усилиями (или бессилием, если не безумием). Путешествие по жизни предполагает доверие со стороны человека и твёрдость со стороны Бога. В путешествии странник противостоит миру, который имеет чудесный, то есть относящийся к Богу, характер, и его следует раскрыть, понять.

Неверие человека, при встрече с чудесным, в конце концов побеждается. И путешествие совсем не бегство от мира, оно непременно ведёт через мир.

*Задумчиво бредёте, пилигримы,
И в ваших мыслях чуждые края.
Вы миновали дальние моря,
В скитаниях своих неутомимы.*

Данте («Новая жизнь», XLI)

Фалмор (An Fál Mór (Falmore)), Ирландия. (Фото автора)

От поразительных частных случаев, таких, как Остров-Кит или воскресный отдых Иуды, взгляд рассказчика то поднимается к небесам, то обращается к подводным и подземным областям. И путь через действительность – это познание всеислия и величия Творца. В мореплавании как пути узнавания чудес Божьих каждый эпизод или будет иметь определённый символический смысл, или станет поводом для нравственного поучения-назидания. А может совместить первое со вторым. По дороге в другой мир, к таинственным Островам Обетованным Святым, пилигрим учится разрешать свои духовные, этические вопросы. Он встречается с диковинами мира видимого, прикасается к тому, что его ожидает в мире ином. Добро и зло, праведность и несчастья, изобилие и нищета – со всем этим ему суждено столкнуться. Многие стремятся к таинственному Туле, но не всем удаётся пристать к этому дальнему берегу.

Рассказы о морских путешествиях к чудесным землям – один из самых древних приёмов в литературе. И поскольку Ирландия – остров, окружённый водой, истории исследований занимали воображение ирландцев, стремившихся пересечь границы своей ойкумены, увидеть другие земли и даже заглянуть в Иной Мир. При этом ирландское христианство, развивавшееся с V века, было, по преимуществу, «религией монахов», так что повествования о плаваньях превращались в настоящие художественные саги, из которых читающая аудитория должна была извлекать нравственные уроки, а не довольствоваться исключительно фантастическими сюжетами. Литературоведческий подход к исследованию текста

«Плавания святого Брендана» отчасти эффективен. Его применение равносильно тому, как если бы кто-то попытался изучать мир бабочек отдельно взятой поляны по какому-либо единственному виду этих изящных созданий, проигнорировав при этом всех остальных живущих в цветном разнотравье. В «Плавании» очень много того, что можно условно назвать элементами «нехудожественной литературы». Имеется в виду изложение христианских, антропологических, аскетических и сотериологических идей. Необходимо комплексный подход.

Эпизоды 3-5 рассказывают о «лишних монахах». «Лишние» по счёту, эти перегрины злоупотребляют аскетичностью паломничества и получают суровое наказание. Воздержания в кельтской аскетике предостаточно. Такой совсем не ирландский текст, как «Англо-саксонская хроника», в записи 891-го года сообщает про троих ирландцев, что «прибыли в лодке к королю Альфреду без вёсел, из Эйре, которую они покинули тайно, потому что хотели, из любви к Богу, находиться в изгнании и не думали, где окажутся. Лодка же, на которой они плыли, была изготовлена из двух с половиной кож, а с собой они имели семидневный запас провизии». Опоздавшие иноки – своеобразная метафорическая отсылка к евангельским событиям. Такими «лишними» в Писании были те, кто ради любопытства следовали за Христом, становились свидетелями Его чудес, слушателями Его слов, но, образно говоря, застревали на каких-то локальных островах сомнений или искушений.

Для одного из опоздавших таким «местом» стал остров, а точнее, замок. В великолепной, но заброшенной цитадели не просто темно – в ней мрачно и царит жуткая тишина. Мрак не что иное, как метафора духовной слепоты, а следовательно, и душевной слабости. Святой Брендан, впрочем, может различать без светильника в темноте не только предметы, но и самого дьявола. Он видит тогда, когда монахи лишены зрения. Его благочестие – гарантия безопасности. Слепота и безнравственность тесно связаны между собой. Духовная слепота ведёт ко греху, а грех – к осуждению свыше. Перегрины попали в таинственное (по ирландской традиции, «тонкое») место, где власть демонических сил проявляется явно, и святой – своего рода противовес этим силам.

Нет объяснений тому, отчего замок покинут, откуда пришёл юноша с пищей для братии. Это детали, без сомнения, очень важные, но авторы «Плавания» и «Путешествия» предпочитают их не раскрывать. В будущем (9-й эпизод «Овечий остров», 22-й – «Хрустальная колонна») мореплаватели ещё повстречают и тревожное безмолвие, и забытые людьми земли. Здесь же наиболее важным оказывается факт появления обильной трапезы,

за которым проступает и мотив изобилия – мечтательный идеал людей, познавших суровый голод Средневековья, и утверждение о повсеместном присутствии Божественного Промысла. А глупое воровство монаха на глазах у святого Брендана, вопреки его предостережению, усиливает ощущение предопределённости, которое вполне может возникнуть у читателя.

Искушение «лишнего по счёту», нарушение им монашеского обета нестяжания, влечёт за собой наказание, причём немедленное. Кража сама по себе довольно бессмысленна, поскольку в паломничестве уздечка бесполезна, спрятать её трудно; радость обладания – единственный мотив. Смерть этого инок даёт понять, что успешное завершение путешествия – дело не предопределённое, и, прежде чем мореплаватели пройдут все необходимые уроки для достижения Земли Обетованной Святым, двое из числа «лишних» неминуемо будут потеряны.

Автор «Кельтских королевств» Нора Чедвик⁴⁹, чей авторитет в европейской кельтологии очень высок, считала, что «мотив иного мира, вдохновлявший жанр Приключений (echtraí), являлся интеллектуальной и духовной сердцевиной Плаваний» (например: «Плавание Брана, сына Фебала», «Плавание О'Хорра»), из которых наиболее удачным ей представлялось «Плавание Майль-Дуйна» – фантастическая сага начала IX века, в чём-то предвосхищавшая «Плавание». Жак Ле Гофф относил «Плавания» к жанру «Чудесное в литературе. Путешествия в загробный мир». В работе «Средневековый мир воображаемого» он писал: «Любое общество – в большей или меньшей степени – порождает своё чудесное, однако «основной пищей» – в бодлеровском смысле – ему служит чудесное, созданное его предшественниками». В саге о Греттире об этом так:

*Поэт богат тремя вещами:
мифами, даром своим
и чужими стихами.*

Принципиальным сходством двух текстов: «Navigatio Sancti Brendani» («Плавание святого Брендана») и «Imgram Maile Duin» («Путешествие Майль-Дуйна») – является прибытие «лишних» путешественников. Из-за них судно Майль-Дуйна сбивается с курса.

В свой путь Майль-Дуйн отправился потому, что очень хотел отомстить неким разбойникам за убийство отца и надругательство над матерью. Перед началом имрама (морского путешествия)

49 Евразия. СПб., 2002.

Донегал (Donegal (ирл. Dún na nGall)), Ирландия. (Фото автора)

он посещает друида Нуку и строит трёхпалубный корабль. Святой Брендан прежде начала Плавания встречался с Баринтом (Баринтусом) и святым Ендой (эпизоды 1-3). Судно преподобного – типичный коракл ирландских рыбаков, в котором компактно помещается команда из 14 мореплавателей. Майль-Дуйн для трёхпалубного набирает 17 спутников, и, вопреки воле друида, к ним присоединяются ещё трое. Это молочные братья Майль-Дуйна, они плывут за кораблём, и последний вынужден принять их на борт.

Вообще мотив мести за отца как-то плохо вяжется с путешествиями в Иной Мир, хотя именно там находится Остров убийц, где можно встретить разбойников. В конечном счёте, именно молочные братья сорвут намерения ирландцев. Само по себе плавание в этой саге восхищает обилием фантастического и нравоучительного одновременно. Команда Майль-Дуйна посещает остров гигантских муравьёв, остров коня с собачьими ногами, зверя, который вращается внутри собственной кожи. На острове, где живёт огромный, ужасного вида мельник, они видят жернова, что размалывают те «вещи, из-за которых в Ирландии происходят споры» (по другой редакции, «половину зерна Ирландии и всё то, что приносит людям горе»). В другом безлюдном месте стоит большой дом, и там мореплаватели находят себе обильную пищу и воду. В доме обитает загадочная кошка. По стенам одной из комнат развешано оружие, драгоценные украшения, ожерелья, броши, цепи. Вопреки предостережению Майль-Дуйна, один из «опоздавших» братьев крадёт дорогую цепочку. Тогда, «будто огненная стрела», кошка бросается, пронзает его, и от вора остаётся лишь пепел.

На другом острове путешественники встречают одетых во всё чёрное смуглых людей, которые беспрестанно плачут. Сойдя на берег, «второй» брат начинает рыдать и немедленно чернеет. Майль-Дуйн пытается его спасти, но тщетно. Третий останется на острове с обитателями, что заходятся неудержимым смехом (в «Плавании» этому соответствует 24-й эпизод – «Остров бесов-кузнецов – Вулкан»). Его долго будут ждать товарищи, но, не дождав-шись, отправятся дальше. После многих странных приключений они доплывут до острова, на котором встретят старика, чью наго-ту прикрывают длинные волосы. Старик расскажет, что он родом из Ирландии и очень давно на куске дёрна приплыл сюда.

На камнях (куске земли) перемещались именно кельтские святые (святой Молуаг и святой Бальред), и этот эпизод напоми-нает предание об Антонии Римлянине, приплывшем на камне в Новгород (Римлянином он мог быть прозван не из-за граждан-ской принадлежности, а поскольку говорил на латыни. Подроб-нее об этом – в главе IV). Святой VIII века преподобный Бальред (Билфрид), «апостол Лютиана», почитается в Южной Шотлан-дии. Местные предания сохранили историю о том, как скала, преграждавшая путь кораблям, поплыла словно лодка, когда этот отшельник встал на неё, и остановилась на месте, когда до-рога для судов полностью освободилась. Скалу называют «кам-нем Бальреда».

В имраме Майль-Дуйн встречает ветхозаветных пророков Еноха и Илию, которые живут на пустынном острове в ожидании времени апокалиптической схватки с Антихристом. (В «Плава-нии» кельтские peregrini на подобном острове обнаружат Павла Отшельника – 26-й эпизод.)

Рассказ о Майль-Дуйне словно сплавил в нечто единое мо-тивы различных контекстов: дохристианских, евангельских, эпохи морских путешествий Средневековья. Возможно, имрам – обмирщённая версия «Плавания», смесь светских и духовных представлений, где чудесное, по словам Ле Гоффа, – «противовес обыденности и размеренности повседневной жизни».

Майль-Дуйн в финале благополучно вернётся на родину, не отомстив и не увидев Остров Обетованный Святым.

Многие образы в «Плавании» оказываются под влиянием ар-хаической традиции, так что необходимо упомянуть ещё три текста.

«Плавание Брана Благословенного» (начало VIII в.) – исто-рия, в которой кельтское мастерство сюжетных ходов, линий, лег-ко и виртуозно перемещающих героев саги, а вслед за ними слу-шателей, достигло удивительных высот. Таинственная женщина из неведомой страны появляется в доме короля Ирландии. Поёт

ему песнь о далёкой земле, об островах в океане, где нет ни скорбей, ни болезней, ни самой смерти. Как залог будущей встречи или подарок она оставляет серебряную ветвь яблони и исчезает. Потерявший покой, если не рассудок, Бран немедленно снаряжает лодку и отправляется за море на поиски этой земли. Плавая по волнам, вполне бесцельно, он встречается с божеством океана Мананном, после чего ему и его спутникам удаётся ступить на берег «Страны женщин».

Вернувшись, как им казалось, после годового отсутствия, искатели «блаженств» узнают, что их имена в родной Ирландии – не более чем достояние древних легенд. Один из мореплавателей, сойдя на родной берег, превращается в холмик праха. Сам же Бран с палубы корабля рассказывает соотечественникам о своих странствиях, о найденной стране и, завершив повествование, уплывает уже навечно.

X веком датируются «Плавание Снегдуса и Мак-Риаглы» и «Плавание Уа Корра». Первый рассказывает о двух иноках из монастыря святого Коламбы (VI в.), которые добровольно присоединились к преступникам, высылаемым в качестве наказания «на волю волн», то есть оставленным на океанских просторах. Снегдус и Мак-Риагла, странствуя, посещают множество удивительных островов, в том числе и Остров Раскаявшихся Преступников. «Плавание Уа Корра» также связано с идеей искупления⁵⁰.

Вопрос о влиянии и взаимопроникновении христианских и древнеязыческих поэтических традиций относится, судя по всему, к числу принципиально неразрешимых. Например, с одной стороны, из Церковного Предания известно, что в монастыре Мармутье вокруг основателя кельтского монашества святого Мартина Турского (IV в.) собралось 80 монахов, то есть ровно столько, сколько товарищей отправилось в плавание Майл-Дуйна, а с другой – не лишены смысла и рассуждения Л.П. Карсавина, считавшего, что «с самых своих начал западное монашество воспринимало и хранило духовную культуру падающей римской империи (и всего нехристианского мира), пытаясь её евангелизировать, удалить из неё языческие красоты так, как иудей обстригает волосы и ногти жене-язычнице». В любом случае истории об ирландских мореплавателях – один из лучших примеров мирного сосуществования двух духовных традиций европейского Северо-Запада.

---

50 См.: Михайлова Т.А. Острова за морем... //Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев: Сборн. статей. – М., 2002. – С. 166 – 167.

Плавание

Эпизод 4

Наконец они увидели землю. Попутный ветер быстро пригнал коракл к берегу. Парус был спущен, якорь брошен, и команда ступила на новый остров. Святой покинул судно последним. Осматривая окрестности, монахи вышли к большой реке. Множество ручьёв сливалось в её воды, и крупные лососи, выпрыгивая, играли на солнце серебряной чешуёй. «Здесь мы и отслужим Божественную Литургию, — сказал Брендан, — сегодня уже Великий Четверг». После Литургии поиски продолжились, и паломники обнаружили стадо белых овец, столь огромных, что издали они приняли их за коров. «Это чудесные животные, — обратился преподобный к спутникам, — ступайте, вытащите коракл на берег и возьмите столько овец, сколько нам потребуется для празднования Пасхи. Господь разрешает так поступить, ибо тут не у кого спрашивать дозволений. Быть может, Он определил именно здесь встречать Светлую Заутреню».

Монахи поспешили исполнить благословение игумена. Они перевязали верёвкой рога выбранному барану, и когда один из них потянул, то животное, словно домашнее, послушно пошло за иноком. Достали судно. Затем, по слову игумена, был найден и приведён совсем белый, без единого пятнышка, молочный ягнёнок. Совершили службу Страстной Пятницы. А в день Великой Субботы у реки появился незнакомец. Его голова совершенно поседела, но глаза блестели молодо, словно всю жизнь он не

знал печали. Полную корзину свежее испечённого на углях хлеба и другую снедь он поставил к ногам преподобного Брендана, трижды поклонился и воскликнул: «Чем заслужил я великую честь снабдить тебя и твоих товарищей дарами моей земли и плодами моих трудов в эти благословенные дни?!» Святой обнял его и ответил: «Сын мой, сам Господь Иисус Христос привёл нас сюда, чтобы встретили Пасху». «Отче, – вновь заговорил незнакомец, – здесь надлежало вам совершить только службу Великой Субботы, а Пасхальная Заутреня с Литургией должны пройти на том дальнем острове, что еле-еле различим отсюда». Услышав такие слова, преподобный распорядился грузить на коракл провизию и всё необходимое для Пасхальной службы. Незнакомец помогал монахам переносить корзины, а когда судно было достаточно загружено, сказал: «Больше не стоит ничего поднимать на палубу. Через восемь дней я приплыву к вам и привезу столько провизии, что хватит до самой Троицы». «Но откуда ты знаешь, – спросил святой Брендан, – где мы окажемся через восемь дней?» «Праздновать Пасху, – ответил человек, – вы будете на том островке, как уже определено. Оставайтесь там до шестого часа⁵¹, а потом, не мешкая, покидайте его. Вы сами узнаете, отчего следует поторопиться. Потом плывите на запад, к другому острову, что называется «Птичий Рай», там живите до окончания Светлой Седмицы, и я навещу вас».

«Хорошо, – ответил святой, – мы сделаем так, как ты советуешь, но прежде чем покинуть твою землю я хочу узнать, отчего здесь такие огромные овцы?» «Ничего удивительного, – объяснил незнакомец, – их некому доить, и зима очень мягкая. Они пасутся круглый год, и ни одна не умирает от болезни. Вот почему они больше овец вашей страны».

Святой Брендан и незнакомец благословили друг друга. Команда села на вёсла, и путешественники отчалили. До указанного острова гребли несколько часов кряду без отдыха. Недалеко от берега началось мелководье. Монахи спрыгнули в воду и за канат подтянули коракл. Остров оказался каменистым и голым. У берега совсем не было песка. Лишь несколько одиноких деревьев увидели peregrины. Приближалось время праздничной службы. Светлую Заутреню братия совершали все вместе и так вдохновенно, что казалось, будто они в храме, а не под открытым небом. Литургию же святой повелел каждому служить отдельно, а сам уединился для этого на судне. Уже около полудни он

---

51 Около полудни.

знал, что за остров они посетили, но не хотел преждевременно пугать спутников.

После Божественной Литургии монахи выгрузили на берег часть припасов, сложили костры и в больших котлах начали варить мясо и рыбу. Когда всё было готово, игумен, не покидавший коракл, сказал: «Садитесь, обедайте». Братия расположились возле костров и только принялись за трапезу, как вдруг остров закачался. Словно волна, он поднимался, опускался и стал отходить от коракла. «Отец игумен! – закричали иноки. – Что происходит с нами?!» «Не бойтесь, – ответил Брендан, – не бойтесь и молитесь. Соберите еду и спешите ко мне». По мелководу перегрины добрались до судна, а игумен бросил верёвку и успел каждого поднять на борт. Остров же всё удалялся и удалялся. На расстоянии двух миль ещё можно было различить пламя пасхальных костров. «Вы удивлены?» – спросил преподобный монахов. «Удивлены?! – воскликнули те. – Да мы чуть не умерли от страха, не успев даже удивиться». «Не надо бояться, дети мои, – сказал игумен, – прошлой ночью, в видении мне было открыто, что это за остров. Вы нашли самое большое морское существо из сотворённых Богом. Имя ему Якониус⁵². Господь не случайно позволил нам праздновать Пасху на спине животного. Чем больше мы видим Его чудес, тем сильнее вера; чем сильнее вера, тем больше мы боимся оскорбить и прогневать Творца».

---

52 от ирландск. «Иаск» (Iasc) – рыба.

КОРАБЛИК

4

*Когда узнаёшь о христианских чудесах,
кажется, что в природу вошли не боги,
не духи, а её хозяин... Не как чужак, а
как её Господин.*

К.С. Льюис
«Чудо»
(Перевод Натальи Трауберг)

В соборе Клонферта (XII в.), на южной стороне алтарного входа, помещена изящная гравюра: русалка, расчесывающая волосы. Она датируется XV веком и напоминает прихожанам монастырской церкви о том, как святой Брендан во время своих плаваний проповедовал жителям морских глубин. Быть может, на северной части алтаря некогда было изображение и того, как эти «жители» всплывали на поверхность, и Якониус – один из них. «Господин океана», причём очень загадочный. Четырежды будут возвращаться к нему искатели Рая, и каждый раз это окажется День Пасхи. Ни одна из версий «Плавания-Путешествия»: ни принадлежащая «тёмным векам» «Navigatio», ни средневековый «Voyage», ни тексты Возрождения – не опускают этот впечатляющий эпизод.

Патристическая литература с её сакральной географией в трудах: Павла Орозия (ок. 385-420 гг.), Исидора Севильского (ок. 560-636 гг.), Беда (673-735 гг.), Этика Истрийского (VII – VIII вв.), Павла Диакона (ок. 720-800 гг.), Дикуила (к. VIII – н. IX вв.) – рассматривала океан не только как физическое Творение, а как географическую проекцию вечности. Это касалось и его обитателей.

Но на все истории, связанные со святым Бренданом Мореплавателем, прежде оказали большое влияние труды блаженного Августина. В «Граде Божьем» Гиппонский святитель перечисляет чудеса Божьи в огромном списке и говорит: «Если бы я хотел все их назвать и запомнить, разве был бы тогда конец у такой работы? Эти знаки, очевидно, противоречат природе. Но для нас они несут послания, потому что должны показать, что Бог осуществляет то, что Он обещал». Люди при этом не могут объяснить все чудеса, с ними приключившиеся, так как, по словам Августина, «слабые мыслительные силы смертного разума разбиваются чудесными делами Бога».

В X главе «Исповеди» Августин пишет: «...Люди идут дивиться горным высотам, морским валам, речным просторам, океану, объемлющему землю, круговращению звёзд – а самих себя оставляют в стороне... Моё созерцание (всего перечисленного) было моим вопросом (что же такое Бог?), и ответом – их красота».

И сам по себе, сквозь августиновскую призму, поиск «Островов Блаженств» – не пустое времяпрепровождение. Он равнозначен желанию обрести счастливую жизнь, которая, согласно его представлениям, неотделима от поиска истины. В трактате «О счастливой жизни» святой отец Запада соединяет такую жизнь с мудростью, обретае-

*Настенный барельеф
в соборе святого Брендана.
Клонферт (Clonfert), Ирландия.
(Фото автора)*

мой исключительно в Мудрости Божественной. «Плавание» можно воспринимать как поиск этого гармоничного сочетания за пределами обитаемого мира. Августин говорил: «Бог зовёт нас к тому, чтобы мы были не только людьми», – то есть призывал к совершенствованию внутреннему, устройению *modus animi* и познанию красоты земли, отражающей красоты Творения.

Согласно ирландскому преданию, перед смертью в монастыре Энах-Дуйне, где игуменией была его сестра Брига, святой Брендан долго молился и, отправляясь в путь к себе в Клонферт, на вопрос: «Чего он боится?» – ответил: «Вот что страшно: странствовать в одиночку, идти во тьме не зная дороги и, стоя перед Отцом Небесным, выслушивать приговор Верховного Судии».

Г.К. Честертон в эссе «Чудища и Средние века» сетовал: «Кажется, я нигде не читал толкового отчёта о мифических чудищах, популярных в Средние века. Попадавшие мне исследования грешили грубыми ошибками, которые всегда мешают нам понять чужие времена и веры». Под «исследованиями» он мог подразумевать и средневековые «бестиарии» (в русской традиции «Физиологи», от латинского «Физиолога» VIII-IX вв.) – сборники повествований о различных чудовищах, снабжённые причудливыми

иллюстрациями, среди которых можно найти и «глубинного Льва-Кита». Так, в «Бестиарии Филиппа де Тона» рассказывается о чреве кита, «столь громадном, что люди принимают его за ад». А в англо-саксонской поэме «Кит» (VIII в.) эта «огромная Рыбина» (Фастиколон, Фаститокolon, Fastitocalon) называется «путём диавола» и, когда «тонет» (погружается на дно), утягивает за собой в ад человеческие души.

*Немало других есть чудищ морских,
Но всех опаснее он,
Старый Фастиколон;
Из древнего рода Больших Черепаш,
Остался один морякам он на страх.*

«Кит», древнеангл. поэма
(Перевод Владимира Тихомирова)

Автор «Плавания», безусловно, знал и библейскую историю о пророке Ионе, три дня проведенном «во чреве китове», чья «песнь» в средние века заучивалась в западных монастырях наизусть. Ему должны были быть «знакомы» и греческие киты, которых убивали Персей и Геракл. Китов изображали в виде змееподобных тварей с огромными зубами, отчего они очень похожи на библейского Левиафана. Больше, чем кто бы то ни было, кит поражал человека своими размерами и, мягко говоря, необычным видом.

Западное побережье Ирландии. (Фото прот. Павла Сорочинского)

В северо-западных странах китов делили на добрых и злых. Первые защищали людей от вторых, выбрасывая вверх огромную струю воды. Злых можно было узнать по небольшому фонтанчиком, сигнализирующим об их грозном приближении.

В традиции скальдов этому чудовищу соответствовал кеннинг – «кит-кабан-великан». Шведский священник-картограф XVI века Олаф (Олаус) Магнус в своей «Краткой истории готов» (1608 г.) сообщает: «Некоторые из чудовищ покрыты волосами и имеют величину в 4 акра (400 кв.м.). У других глаза такие большие, что в каждой глазнице могут свободно уместиться 15 человек, а то и все 20, и даже больше» (глава «О том, какие бывают киты»). Директор ботанического сада Болоньи (XVI в.) Уллис Альдровани и другие натуралисты Возрождения, например, швед Конрад Геспер, рассказывают о китах чудовищных размеров, заглатывающих целые корабли и совершающих множество других необычных поступков. Моби Дик Мелвилла – эта «китовая энциклопедия» XIX века – лучшее подтверждение неугасаемого человеческого интереса к «глубинным львам».

К Якониусу трудно подобрать аналог из мифологической или сказочной литературы. Какие-то черты совпадают, детали дублируются, но сама история с совершением Литургии на спине Кита (как и плавание на камнях) вполне в духе кельтского христианства.

Во время Плавания от привычного, понятного и надёжного, Божественное присутствие для монахов становится всё более ясным. Практически во всех эпизодах святой Брендан встречает посланника свыше (это может быть как ангел, так и собака), который рассказывает о грядущих событиях и вовремя ободряет. Такой посланник отправляет паломников к Якониусу, зная заранее, что рыба-остров наведёт немалый страх. При беглом прочтении может даже показаться, что чудовище воплощает некие враждебные силы, так как поначалу оно внушает ложное чувство безопасности, обманывает души. Но Кит – сам посланник Господа. Именно он, в конечном счёте, помогает монахам в их поисках Блаженной Земли. Путешественники попадают в область чудесного, она же захватывает и читателя. «Фантазия не размывает чёткие очертания реального мира, она от них зависит», – как писал Дж. Р. Толкин. И в «Плавании» обнаруживаются детали, призванные сделать рассказ более реалистичным. Так, святой Брендан бросает верёвки, чтобы помочь монахам выбраться на борт. Он соблюдает общеизвестный морской устав: капитан не покидает корабль, пока остаётся угроза жизни его команде. Монахи спасены и очень реалистично выжимают промокшую одежду. Читатель узнаёт о том, что огонь на спине Якониуса виден за десять льё.

Фантастическое, развлекательное для автора – христианина, судя по всему, – вторично. Встреча кельтов с Якониусом не сверхприродна. Она просто необычна. И святой Брендан, заранее зная, чем (кем) на самом деле является «остров», не удерживает свою команду от высадки на «берег», чтобы паломники научились понимать: вещи не всегда таковы, какими кажутся на первый взгляд. Их встреча с китом не что иное, как приготовление к урокам, которые необходимо усвоить для завершения путешествия. Это важный шаг в укреплении веры. Другие будут не менее впечатляющими.

В одном из эпизодов «Плавания» монахи спросят своего игумена, что они будут есть в долгом путешествии. «Малодушные! – воскликнет святой, – Тот, Кто дал нам рот, даст и пищу». По аналогии: «Творец моря и Судья Потопа не оставит человека без надёжного ковчега». Корабль святого Брендана – единственная твердь под ногами. Преподобный не покидает его, остаётся на этой пороговой точке, отказывает, казалось бы, себе в пище, которую готовят монахи. Он знает, что за «суша» перед мореплавателями, но не пытается спастись бегством (единожды он захочет скрыться – когда паломники приблизятся к преддверию ада). Ирландский корабль, покачивающийся среди вод великого Океана, полных различных угроз, проходящий между островов искушений и соблазнов, – символ непотопляемой Церкви. Стивен Кларк, автор книги о Честертоне, пишет: «Вся суть чуда в том и состоит, что оно доказывает или хотя бы указывает: природа допускает вмешательство извне именно потому, что к природе всё не сводится». Плавание – это уже и есть само по себе чудо, поскольку желание человека отыскать Божественную страну, поставив на карту даже собственную жизнь, рациональными соображениями не объяснить. Плавание – это и своеобразное уединение в океане с Богом, воспетое кельтскими святыми.

Преподобный Кормак Шотландский (IX в.) молился так:

*Управь, Господь, мой чёрный барк
В пространстве стонущего моря –
Сам в лодку сядь там, где плывёт
Моя слабеющая воля.
Лишь Ты даёшь нам быть,
Ты в малом и большом,
Так помоги же мне проплыть
Под проливным дождём.*

(Перевод Стефана Красовицкого)

Плавание

Эпизод 5

Как и было предназначено, паломники продолжили плавание в западном направлении. Шли на вёслах, пока не увидели утопающую в зелени и цветах незнакомую землю. На южном берегу нового острова они обнаружили устье реки, достаточно широкое, чтобы ввести туда судно. Около мили от океанского берега, против течения, они тащили коракл на канате, пока не нашли удобное место. Святой Брендан воскликнул: «Господь наш Иисус Христос привёл сюда своих слуг, чтобы мы продолжили празднование Святой Пасхи. Я думаю, в этой реке полно рыбы и, если на судне не останется провизии, голод нам не грозит».

В мирном уголке, где монахи вышли на берег и разбили стоянку, росло необычно высокое дерево, ствол которого могли обхватить два человека. Множество птиц с белоснежным оперением сидели на его ветвях. Даже листья сложно было разглядеть. Святой Брендан, удивлённый, размышлял на корме коракла о странном дереве, и одна из птичек спорхнула к нему. Трепетание её крыльев напоминало звон серебряных колокольчиков. Птица уселась на носу судна, расправила крылья и весело оглядела святого. «Если ты послана Богом, – сказал он, – то объясни, что это за существа, откуда они и почему вы все собрались здесь?»

«Мы – души некрещённых младенцев, – ответила птичка, – Господь поселил нас на этом острове. Нам неведомы мучения, но от нас сокрыта и Слава Божия. По воскресеньям и праздникам мы принимаем видимые очертания,

чтобы в образе птиц воздавать хвалу Творцу. Вы только что завершили первый год странствия. Осталось ещё шесть. И каждый раз в Пасхальную седмицу твой коракл будет приходить сюда после Литургии на спине Якониуса. В завершение путешествий вы достигнете Острова Обетованного Святым». С этими словами она вернулась на дерево.

Когда приблизилось время вечерни, птицы запели: «Тебе подобает песнь, Боже, в Сионе, и Тебе вознесётся молитва в Иерусалиме». При этом они хлопали крыльями, а потом в течение часа пели антифонами библейские стихи. Святому Брендану и его спутникам казалось, что они слышат жалобный плач. Монахи поужинали, отслужили вечерню и легли спать. До третьего часа ночи длился их сон, пока преподобный, не смыкавший глаз, решил разбудить братию для Хвалительных Псалмов. Он сам произнёс: «Отверзни уста моя...», а когда закончил, птицы затрепетали крыльями и запели: «Хвалите Господа все Ангелы Его, хвалите Его все Силы Его...». Как и перед вечерней, это длилось около часа. При первых лучах утренней зари чудесные создания возгласили: «Знаменася на нас Свет Лица Твоего, Господи...», – тем же гласом, что исполнялись Хвалительные Псалмы. В терцию звучало: «Пойте Господу, пойте; пойте Цареве нашему, пойте...», в сексту: «Просвети Лице Твое на нас и помилуй нас...», а в нону: «Се, что добро, или что красно, но еже житии братии вкупе...» (Так день и ночь они славили Господа).

Все пасхальные дни прошли в Птичьем Раю. Преподобный не спешил, давая монахам время на отдых и укрепление физических сил. Но седмица закончилась, и святой сказал: «До сих пор мы брали воду источника, у которого находимся, только для омовения рук и ног. Пришёл час, когда следует запастись ею перед Плаванием». Не успел он произнести эти слова, как появился человек с Острова Овец. Его лодка была доверху нагружена припасами и питьём. «Здесь всего вдоволь до самого дня Пресвятой Троицы, – сказал гость. – Ни в коем случае не пейте из этого источника. Вода в нём на вкус обычная, но стоит сделать лишь глоток, как вы заснёте глубоким сном на целые сутки». После предостережения он взял благословение у преподобного и отплыл обратно.

До самой Троицы pereгринь жили на острове, ежедневно наслаждаясь пением удивительных птиц. В день Праздника, после Божественной Литургии, таинственный благодетель вновь посетил команду, и опять с ним было

много различной провизии. «Вам предстоит, – говорил он, – длительное путешествие. Наполните фляги водой из другого родника, запаситесь сухарями так, чтобы хватило до следующего года». Разделив праздничную трапезу, друг вновь оставил братию. Вся Троицына неделя прошла в приготовлениях к дороге. Монахи заменяли пришедшие в негодность кожи на коракле, штопали парус. На восьмой день Святой Пятидесятницы, после утрени, Брендан распорядился грузить воду и припасы. Когда всё было готово, та самая птичка, что вела разговор со святым, снова слетела на нос корабля, и Брендан приблизился к ней. Птичка произнесла: «Восемь месяцев странствий ожидает тебя и твоих иноков. Море будет вашим союзником и испытанием. По прошествии этого времени ты достигнешь острова Общины святого Аилбе. Там отпразднуете Рождество». Так она завещала, улетаая обратно. Монахи подняли парус и при пении всего Птичьего Рая: «Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концов земли и сущих в мори и далече...» – отчалили.

«Слышите, как прекрасно поют эти ангелы, – воскликнул святой Брендан, – как они рады нам! Возблагодарите же Бога; ибо это значит, что Он любит нас больше, чем вы думаете».

КОРАБЛИК

5

*Итак, славьте Господа на востоке,
на островах морских –
имя Господа, Бога Израилева.*

Книга Пророка Исайи, 24.15

Чем дальше в океан уходят ирландские пилигримы, тем более сложно устроенным представляется им не только физический, но и духовный мир. Оживший Остров-Рыба, странные замки с загадочными предметами, одинокие визитёры, – и вот теперь они сходят на берег Острова Птиц, попадают в «Птичий Рай». Пернатые обитатели этой земли обладают способностью говорить. Им позволено подобным образом почитать Бога, а то, что птицы отвечают на приветствие святого Брендана, можно расценивать как Господний знак благословения монахам-мореплавателям.

Если попробовать соединить в некое целое тексты «Плавания» и «Путешествия», то история возникновения идеи «Птичьего Рая», зафиксированная в обоих, будет выглядеть примерно так. Во время описанного в Книге Откровения Иоанна Богослова сражения Архангела Михаила с драконом (*Апок. 12, 7 – 12*) некоторое количество ангелов заняли, так сказать, «позицию неприсоединения» – нейтралитет. Они не выступили против Господа, но и не поднялись на Люцифера. Такое странное поведение было расценено пусть не как тягчайший, но, тем не менее, грех, за который пришлось нести наказание. Луч надежды для них блистал, но непосредственной близости к Богу они лишились. Им суждено пребывать до последних дней мира на отдельном острове, где-то в преддверии Рая. Таким образом, дорога к Земле Обетованной Святым им известна, но пройти по ней они не в силах.

Священное Писание этой истории не знает, нет её и в дошедших до нас латинских и ирландских рукописях «Жития святого Брендана». Легенда о «ничейных, нейтральных» ангелах могла появиться под влиянием Отцов Ранней Церкви, в частности, такого неординарного автора, как Ориген. Этот «анафематствованный мученик» считал, что «души при окончании мира, имея свободу воли, могут, по своему усмотрению, присоединиться к добрым или злым... ангелы могут стать людьми или демонами и, наоборот, из

демонов превратиться в людей или ангелов». Ориген предполагал, что судьба каждого смертного может быть изменена: он может из ада выйти и пасть с небес. Константинопольский Собор 543-го года (V Вселенский) эту откровенную ересь осудил.

Другим источником, повлиявшим на развитие апокрифа, медиевисты считают ирландско-латинский трактат VII века «О порядке Творения» («De ordine creaturarum»). В своих ранних сочинениях его часто использовал святой Беда Достопочтенный. В трактате описано некое пространство «под небесной твердью», называемое *caelum firmamenti*, – место обитания духовных существей. Попытка иерархически сорганизовать её «жителей», определить каждому подобающее место, приводила к «ангелологическому творчеству». Популярность книги среди средневековых европейцев вообще и ирландцев в частности – свидетельствует в пользу неподдельного интереса этих христиан к устройству как физического, так и духовного мира. Марсель Дандо, известный медиевист прошлого века, считал: «Миф о нейтральных ангелах возник в ирландских монашеских кругах, где он стал развитием ранней патристической экзегезы и вместе с текстами «Плавания» (не «Путешествия»! – Авт.) разошёлся по всем регионам Западной Европы»⁵³.

Действительно, следы этой истории найдены в более поздних сочинениях Старого Света – в «Ивэне» Кретъена де Труа, «Парцифале» Эшенбаха и, конечно, у Данте в «Божественной комедии». Она была популярна, невзирая на негативную позицию Римо-католической Церкви. Православный Восток её не знал.

Полуостров Дингл, Ирландия. (Фото автора)

53 Dando M. The Neutral Angels. // Archiv fur das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. – Вып. 217. – 1980. – С. 259-276.

В ирландском фольклоре, где граница между христианскими представлениями и древними языческими преданиями зыбка, символика триады «дерево – птицы – души» обыгрывалась так: обитатели «Сида», загробного мира кельтов, способны превращаться в птиц, селящихся на священных деревьях. Или: души людей, искупающих свои грехи, принимают облик чёрных дроздов, что ночами вьются вокруг деревьев, правда, не опускаясь на ветки. А вот герой раннехристианского поэтического цикла Безумный Суини был проклят и превращён в полуптицу-получеловека святым Ронаном («Песня о деревьях Ирландии»).

Шеймас Хини рассказывал о рукописи IX века из швейцарского монастыря Сент-Галлен, который был основан в VI веке святым Коламбой Младшим (Колумбанусом) и долгое время оставался форпостом кельтской миссии на европейских землях. На полях документа (может быть, Евангелия) обнаруживается стихотворение, обычно именуемое «Монах, пишущий в лесу» (Сугубо ирландская практика работы переписчиков, благодаря которой сохранилось многое из кельтских литературных сокровищ). Этот безымянный инок поёт:

*Рад ограде я лесной,
За листвою свищет дрозд,
Над тетрадкою моей
Шум ветвей и гомон гнёзд.
И кукушка в кlobуке
Вдалеке будит лес.
Боже, что за благодать –
Сочинять в тени древес.*

(Перевод Григория Кружкова)

Хини рассуждает о «тонком ощущении природы, увиденной сквозь омытый христианством глазной хрусталик кельтского монаха». Он приходит к выводу, что «воображение автора питается из двух источников». А именно: из «языческой стихии леса» плюс влияние «разлинованной тетради христианской *disciplina*». Но «кукушка в кlobуке» – это, конечно, не душа-дрозд, и маловероятно, что «Плавание» находилось под сильным влиянием «древнеирландской лирики природы, порождённой отшельнической традицией кельтской Церкви» (см. Ш. Хини. «Бог в дереве»). Впрочем, есть определенные параллели.

Существует и еще одна гипотеза относительно появления «Птичьего Рая». Её разработкой занимался английский медиевист Дж. Маклей (J.S. Mackley). Он предполагал, что средневековая аудитория была знакома с апокрифом о нефелимах – «ангелах, сошедших с небес

для установления плотских связей с земными женщинами»⁵⁴, и ему представлялось возможным допущение, согласно которому те, кто читал «Плавание», с доверием относились к англо-саксонскому «Беовульф», упоминающему о нефелимах (меч, которым обезглавливается Грендель – работа великанов Григори, родившихся после связи женщин с нефелимами). Но рассуждения на эту тему нас несколько отвлекут.

Шеймас Хини

Гораздо более интересным представляется следующее. В «Плавании» «нейтральные ангелы» превращаются в птиц только воскресными и праздничными днями, а души-птицы «Путешествия» пребывают в таком состоянии постоянно. Скорее всего, это различие связано с тем, что «Плавание» обращено преимущественно к монашествующим, паломникам или, в широком смысле, к *civitas* – общине. Акцент делается на литургический календарь, монастырские службы, миссию. Ежегодно святой Брендан будет возвращаться на Птичий остров, где при первой встрече получил точное пророчество относительно Плавания. Ангелы и сами подчинены ритму церковного года. В дни праздников им разрешается отдых, они поют гимны после странствий над морем, как и паломники из Клонферта, достигшие нового берега.

В «Путешествии» всё несколько иначе. Адресованный аристократической, светской аудитории, он опускает религиозную символику, литургические детали. Его автор, Бенедикт, оказывается щедр на различные гиперболы и драматизацию событий. А слушателя более интересует динамический сюжет, чем духовные реминисценции. Это отчасти объясняет, что перевод латинского оригинала на древнеанглийский был заказан Аделизой Лувенской, второй супругой Генриха I Образованного (†1135) – женщиной, для своего времени, начитанной и, похоже, практичной.

*К мысу Радости, К скалам Печали ли,
К островам ли сиреневых птиц –*

54 Mackley J.S. The Legend of st. Brendan. — Brill. Boston, 2008.

*Всё равно, где бы мы ни причалили,
Не поднять нам усталых ресниц...*

А. Вертинский

Существовал, существует ли «остров сиреневых птиц»?

На своём пути ирландские монахи встречали различные диковины, часть из которых могла быть и не описана, поскольку детали таких повествований не интриговали и не захватывали внимание слушателей, были лишены, равно, мистических или поучительных мотивов. Вполне возможно, что святой Брендан причалил к берегу Северной Америки, а двигаясь в этом направлении, он встретил разные земли, в том числе остров Сейбл.

Загадочный клочок суши затерялся в волнах Атлантического океана на расстоянии 180 км от побережья Канады. Тёплый Гольфстрим и холодный Лабрадор омывают этот «пожиратель кораблей». Такое название Сейбл получил из-за дурной славы острова, потопившего более тысячи (имеются в виду зафиксированные случаи) различных парусников, лодок и даже пароходов (последний, «Манхассент», погиб в 1947 г.). Песок на Сейбле меняет цвет вместе с морскими волнами, и даже в ясный день берег можно не заметить, отчего то или иное судно, если только войдёт в береговую линию, засасывается зыбучими песками. Самое поразительное – он ещё и движется, меняясь в размерах, со скоростью примерно 230 метров в год. За время картографических наблюдений (с XVI в.) Сейбл значительно изменил свою величину. Сейчас он – формы полумесяца, длиной 44 км при ширине в 1,5 км. В XIX веке ожидали его исчезновения, поскольку Сейбл «погружался в глубину», но этот обломок суши, подобно Якониусу, «вынырнул» и стал больше прежнего. Е. Арсеньев в книге «Страшная сказка» пишет:

«Шторму на Сейбле обычно предшествует необычайно ослепительный восход солнца. Казалось бы, чудесное утро должно закончиться столь же красивым закатом. Но Бог весть откуда появившаяся пелена свинцовых облаков застигает солнце, небо чернеет, и вот уже в дюнах тонко свистит ветер. Он крепчает, воет, срывает с верхних дюн песок и гонит его через остров в океан».

На Сейбле ничего не растёт, кроме травы, дикого гороха и низкорослых растений. И если Сейбл связан с «Плаванием», то двумя очевидными фактами. До XVIII века на нём, кроме морских птиц, вообще не было животных (сегодня там популяция одичавших лошадей в 300 голов – потомки завезённых), как и в эпизоде с Птичьим Островом, а если вспомнить историю с Якониусом, то сошедшие на остров для разведения костра вынуждены будут и сейчас отправиться на поиски топлива.

*“Плавание Святого Брендана”,
современная книжная миниатюра*

Плавание

Эпизод 6

ри месяца океан держал в своих объятиях путешественников. День сменялся ночью, небо посылало дожди, и солнце сушило парус. Ели иноки один раз в двое или трое суток. Наконец показалась земля. Коракл поспешили направить к острову, но встречный ветер никак не давал команде приблизиться. Четыре дня на вёслах они кружили, пытаясь отыскать место, где можно было бросить якорь. Гавань так и не открывалась. Тогда преподобный призвал братию к усиленному посту и молитве. Трижды солнце восходило и лунный свет мерцал среди волн, пока монахи не обнаружили место для стоянки. Коракл причалил, и команда поспешила на берег. Два источника нашли peregrины. В первом вода оказалась мутной, в другом чистой. Достали фляги, уже собрались их наполнить, но святой остановил: «Дети мои, – сказал он, – не берите того, что принадлежит другим, без их согласия. На этом острове живут старцы, которые с радостью откликнутся на наши просьбы. К чему становиться похитителями? Даже жажда не сможет оправдать вора».

Теперь следовало решить, в какую сторону идти на поиски; и пока все стояли в размышлении, появился высокий, величественный человек со светлым лицом. Он сотворил три поклона, и братия помогла ему подняться. Пришедший взял за руку святого Брендана и повёл вместе с ним всю команду в монастырь, оказавшийся на расстоянии

ферлонга⁵⁵ от источников. У монастырских ворот преподобный остановился и спросил седовласого провожатого, кто здесь игумен и из какой страны прибыли насельники. Несколько раз, всячески изменяя предложение, ему пришлось повторять свой вопрос, но старец не вымолвил ни слова. Он только сделал жест, показывающий, что здесь соблюдается правило молчания. Поняв это, святой приказал монахам не нарушать тишины в обители: «Наложите печать на уста ваши, будьте сдержанны в словах и жестах».

Впрочем, паломники не слишком внимательно выслушали предостережение своего капитана. Их отвлекли 12 монахов, что вышли навстречу из небольшой церкви. Они несли святые мощи, кресты и пели псалмы. Когда шествие остановилось возле ворот, то ко святому Брендану шагнул игумен. Он троекратно обнял преподобного и далее всех путешественников поочерёдно. Так же сделали те, что пришли с ним, после чего, при пении молитв, как принято в обителях Востока, иноки вступили за монастырскую ограду.

Игумен распорядился принести воды, и гостям омыли ноги. У него был маленький колокольчик, по звуку которого совершались необходимые действия. Паломников пригласили в трапезную. Зазвенел колокольчик, и все, омыв руки, заняли места за длинным столом, причём гости и хозяева сели через одного.

На широких блюдах лежали различные коренья и хлеба удивительной белизны. Каждый хлеб делили на двоих. Коренья оказались очень вкусными, а когда вновь раздался колокольчик, принесли питье. Игумен сказал: «Теперь с радостью и страхом Божиим вы можете попробовать то, что недавно хотели похитить. Чистую воду мы пьём, а мутную используем для омовения, потому что она тёплая. Откуда в наших кладовых появляется хлеб, нам не известно. Милосердный Господь с помощью одного из Своих созданий каждый день посылает 12 хлебов, нарезанных из двух больших караваев. В воскресенья и праздники прибавляется ещё по калачу для каждого, так что оставшееся от обеда можно съесть за ужином. К вашему прибытию количество хлеба увеличилось вдвое. Со времён святого Патрика и преподобного Айлбе, который основал здесь монастырь, Спаситель питает братию. На острове 24 инока. Уже 80 лет прошло с тех пор, как преподобный Айлбе окончил свои земные дни.

---

55 1/8 мили.

Он был богатым человеком, но раздал своё имение ради полюбившегося клочка земли в океане. Посланник Божий привёл Аилбе сюда, а мы, разузнав, где он поселился, прибыли на остров, чтобы быть вместе с тем, кого так почитали. Он стал нашим игуменом и до самой смерти наставлял братию в правилах монашеской жизни и молитве. Его давно нет, но мы всё так же здоровы, сильны; старость словно стороной обходит обитель. Мы не страдаем ни от жары, ни от холода. Хлеб не переводится в погребках. Когда наступает время служения Божественной Литургии или ночного бдения, то лампы зажигаются сами собой и масло в них не иссыкает. Они горят до самого рассвета, а потом гаснут».

Трижды пегрины пили воду, что казалась слаще мёда, после чего все отправились в церковь. Когда они вошли, то святой Брендан встретил ещё двенадцать монахов, которые быстро преклонили колена, а затем покинули храм. «Отец игумен, – спросил преподобный, – почему их не было с нами за трапезой?» «Потому, что вы здесь, – ответил игумен, – а стол в трапезной недостаточно большой. Но не стоит волноваться. Они сейчас пойдут на обед, а мы давайте отслушим Вечерню».

Когда служба окончилась, святой Брендан стал осматривать устройство храма. Церковь оказалась квадратной, главный престол находился в центре, и перед ним висели три большие лампы. Около двух других располагалось по два светильника. Каждый из престолов был сделан из кристалла. Тот же материал использовали для изготовления чаш, дисков и прочих богослужебных сосудов. Вдоль стен стояли 24 кварцевых кресла с высокими спинками. По обеим сторонам от места игумена сооружены были хоры. Порядок Вечерни выглядел так: пение стихир начинал настоятель, а правый или левый хор подхватывал; затем игумен завершал стихир. Следующая начиналась им же, но продолжал тот хор, что молчал прежде.

Преподобный Аилбе создал строгий устав. Если кто-то из братии имел необходимость обратиться, то он подходил к настоятелю, преклонял колена и кратко высказывал свою просьбу. Игумен брал стило, которым на табличке начертывал свой ответ. Святой Брендан наблюдал за происходящим, потом сказал: «Отец игумен, не пора ли поужинать, пока ещё не стемнело?».

После трапезы монахи отправились в свои кельи, пригласив по одному из гостей. Игумен и преподобный остались ожидать рассвета в храме. Святой стал расспрашивать

о монастырской жизни: «Скажи, отче, не выше ли сил человеческих ваше молчание?» С глубоким смирением и почтением тот ответил: «Говорю тебе пред Богом, более восьмидесяти лет прошло после нашего поселения, и за всё это время голос человеческий мы слышим, когда поёт хор. За редким исключением он раздаётся от старших братьев. Никто из нас не страдал душевным или телесным расстройством. Достаточно жестов и взглядов». «Может ли моя команда остаться здесь?» «Ни в коем случае, — ответил настоятель, — на это нет Воли Божией. Господь призвал тебя и pereгринов к странствию. Исполните предназначённое. Вам ещё суждено вернуться сюда, но последним пристанищем будет земля родины. Вы ляжете в её пределы, кроме тех монахов, что присоединились в последний час. Один из них останется на Острове Отшельников, другому же суждена вечная смерть в аду». Лишь только игумен замолчал, как в церковное окно влетела пылающая стрела, вспыхнули лампы и загорелись свечи. Стрела исчезла через другое окно. Святой Брендан вновь обратился к игумену: «Скажи, кто гасит эти светильники утром?». «Никто, — был ответ, — свечи не тают, их фитили не оставляют копоти или нагара, потому что горят огнём духовным. Вспомни нестерраемый куст на горе Синай, представший Моисею».

Всю ночь бодрствовали они, а когда рассвело, преподобный попросил благословения на продолжение Плавания. «Не пришло время, — сказал игумен, — вам предстоит встретить здесь Рождество, провести ещё семь дней и только после этого, снабдив твою команду припасами, мы простимся». Так всё и случилось.

КОРАБЛИК

6

*Тем – клониться к смерти, налегая
В темноте на тягостные вёсла.
Этим – жить под мачтой, у кормила,
Ведать птиц пути, черты созвездий...*

Гуго фон Гофмансталь
(Перевод Алексея Пурина)

Если филологи, теологи или медиевисты принимаются за изучение «брэндановских саг», им предстоит изведать чувства йейтсовской «водомерки над глубиной» (стихотворение У.Б. Йейтса «Водомерка»), поскольку поэтика религиозных символов приводит как в восторг, так и в замешательство. Историкю проще. Материал «плаваний» в качестве источника информации не слишком богат. Но эпизод под номером двенадцать должен его заинтересовать. Речь идёт о монашеской общине Кельтской Церкви Ирландии.

Святой Аилбе (Ailbe) относится к небольшому числу так называемых «до-патриковых» святых и считается одним из первых священников-миссионеров юго-запада Изумрудного острова, принадлежащим (этнически) к иро-кельтской традиции. О его жизни известно мало, но, как довольно часто случается в ирландской агиографии, в полуфантастических историях присутствуют реальные персонажи, происходят действительные события. (Это напоминает знаменитую кельтскую «плетёнку» – узоры, полные животного-растительных мотивов.)

Святой Аилбе скончался в 527-м году. Согласно «Плаванью», клонфертские монахи посетили его остров после того, как община преподобного отметила 80-летие своего существования. Сам настоятель к тому моменту должен был бы перешагнуть свой столетний рубеж. Просветитель Ирландии святой Патрик, проповедовавший в северо-восточной части Эйре, с резиденцией в Таре, завершил земное служение около 461-го года. Жизнь святого Аилбе связана с Мунстером, Кашелем и западными островами (возможно, даже со знаменитой Sceiling Mhicail – монастырём «Скала святого Михаила», одной из самых почитаемых древнехристианских святынь Северо-Запада Европы). Он принадлежал к одному

Фалмор (Falmore), Ирландия.

Развалины кельтского монастыря VIII в. (Фото автора)

из мунстерских кланов и с бриттом (чужеземцем) Патриком мог даже и не встретаться.

Его отец был в немилости у короля Кронана (довольно распространённое ирландское имя) и вынужден был скрываться ещё до рождения сына. Слуги этого воина, опасаясь королевского гнева, спрятали мальчика где-то в горах, но младенец не погиб от голода, будучи вскормлен волчицей. Предания сообщают о путешествии выросшего Аилбе в Рим и принятии им священнического сана от папы, которым мог быть как Сикст III, так и покровитель Патрика – святой Лев Великий. На родине Аилбе проповедовал, исцелял; он основал множество монастырей, один из которых – Емли – сыграл огромную роль в истории Мунстера (отсюда и титул в святцах: Аилбе Емлинский (Emly Diocese) – память 12 сентября.

Известно также о ходатайстве преподобного за святого Енду Ирландского, имя которого мы упоминали выше (см. *Кораблик 1*) перед королём Оэнгамом Мунстерским (Oengus of Munster). Причиной обращения к королю стали Аранские острова, о существовании которых последний ничего не знал до некоего ночного откровения. Аилбе просил разрешения основать уединённый морской монастырь на Аране отшельнику Енде и получил на то согласие. Святой Брендан, отправляясь в Плавание от берегов полуострова Дингл, проходил вблизи этих мест. Имя Аилбе носит церковный Устав VII века. Что до «дикой волчицы», то однажды во время охоты святой спас ей жизнь, и «кормилица» потом приходила к преподобному. Ела с его стола.

Кроме святых Брендана, Коламбы и Кормака, ирландская агиография в качестве «мореплавателя» почитает и этого аскета, основавшего на одном из островов Эйре уединённый монастырь «молчальников», где протекала мирная монашеская жизнь, освещаемая «огненной стрелой», зажигающей храмовые светильники. (Свет, внезапно озаряющий мир, – главный мотив древнеирландской поэзии. Так считал Шеймас Хини.)

Жития Брендана и Аилбе имеют много общего в той их части, что касается плаваний к «таинственным берегам», поисков дальних земель, – то есть к литературному жанру путешествия в Другой Мир (*echtrae*). Майре Хербет в отношении святого Аилбе замечает, что целью агиографа этого ирландского анахорета было, похоже, стремление превратить обычное морское паломничество, peregrinationem ради Христа, в своеобразное странствие, инициацию-посвящение в Иное. Через «ряд духовных откровений, предшествующих конечному достижению Небес»⁵⁶. В «Житиях святых Ирландии» (*Vitae sanctorum Hiberniae*) рассказывается, как в бронзовой лодке святого Аилбе уносит в море волна, но через сутки странствий он возвращается на Эйре, и в его руках – ветка дерева из Другого Мира. Всю оставшуюся жизнь он не расстанется с ней и будет держать «в день, когда Ангел-посланник придёт за ним». Подобная история связана и с именем святого Кормака.

И в «Плавании», и в «Путешествии» каждый день община Аилбе получает пищу «из ниоткуда». В первом тексте настоятель говорит, что это происходит «по милости Божией». Во втором – мы находим более пространное разъяснение, согласно которому монахи не должны ради пищи специально трудиться, они не видят того, кто её доставляет, но такой способ получения провизии установлен с одной целью: ничто не должно отвлекать или, тем более, мешать совершению духовных дел.

Томас О'Лаглин именует общину Аилбе «предвкушением небес», поскольку она расположена где-то посередине между материальным миром и дверями, ведущими в Рай. Причём для святого Брендана обе координаты одинаково реальны. Остров Аилбе – место святое, но всё ещё далёкое от Бога⁵⁷. Иначе говоря, монастырь Аилбе – не что иное, как идеальное состояние мира до Второго Пришествия, т.е. срединная территория между лежащей во грехе Землёй (континентом) и Раем. Живущие праведно

56 Herbert M. *Literary Sea-Voyages and Early Munster Hagiography* // *Celtic Connections: Language, literature, history, culture*. – East Linton: Tuckwell, 1999.

57 См.: O'Loughlin T. *Distant Islands: The topography of holiness in the Nauigatio sancti Brendani* // *The Medieval Mystical Tradition: England, Ireland and Wales*. – Cambridge, 1999.

пожинают плоды своего благочестия ещё в этой юдоли. Их кормит Небо, как и во времена Моисея, как питало и пророка Илию. Причём не важно, как именно это происходит, – важно, что праведных Господь нигде не оставляет. Сам же настоятель монастыря, преемник святого Аилбе, настолько сильно верит в Бога, что не испытывает необходимости задавать вопросы относительно Промысла. Для игумена-отшельника и визит святого Брендана предопределён. Не случайно в утренние часы перед их встречей было обнаружено двойное количество хлеба.

Сами по себе размышления об Ирландии и кельтской специфичности этой одной из древних частей Христовой Церкви – увлекательная «школа воображения» и культурологический поиск. Некоторые детали жизни её общин навечно от нас сокрыты, литературные источники затемнены поздними наслоениями, а исторические свидетельства утрачены. В случае с монастырём святого Аилбе определённая удача исследователям сопутствует, поскольку сохранился документ «Устав святого Аилбе».

Святой Аилбе, согласно Анналам Ольстера (*Annals of Ulster*), скончался в 534-м году. Сложно утверждать, был ли он лично составителем Устава, или его записали со слов преподобного. В любом случае та рукопись, что находится в Брюсселе, датируется 750-м годом, и текст её – не латынь, а древнеирландский язык. Автор Устава не только монах, но и поэт, отчего сохранный им документ имеет метрическую форму. Устав заучивали, как это делают с поэмами и балладами. Он был, что называется «на слуху», звучал в голове инока, следовательно, необходимость постоянно справляться у старших, сверяться с тем или иным параграфом отпадала, а любого рода неточности, дополнительные оттенки смысла и т.п. практически не существовали. При переводе на английский стихотворная ткань разрушилась, но содержательная часть сохранилась⁵⁸.

Устав (Текст) состоит из 56 пунктов и разделён на неравные части тремя видами обращения: С 1-ого по 18-й пункт – повелительная интонация и местоимение «он», то есть монах, член общины. Приводим выборочно наиболее интересные и значимые пункты (начиная с п. 3):

---

58 «Устав святого Аилбе». Латинский оригинал: *The rule of Ailbe. Dublin, the Library of the Royal Irish Academy, 23 № 10; the same library, 23 p. 3.* Опубликован английский перевод: *Hennessy and O Looney in the Irish Ecclesiastical Record 8 (1871 г.) 178-180, and Joseph O Neill in Eriu (1807) 92-115.* На русский язык перевод сделан Ю. Варзониным, под редакцией А. Шабанова, по монографии: *The celtik monk. Rules and writings of early irish monks. Uinseann o Maidin. Kalamazoo, Michigan. 1996.*

- 3 п. Пусть он твёрдо стоит на земле. Пусть в нём не будет и тени слабости. Пусть принимает на себя ответственность за грехи каждого из братьев.
- 4 п. Улыбка его должна быть радостной, но он не должен громко смеяться. Ему нельзя быть мстительным, грубым и пафосным.
- 5 п. Ноги его должны быть всегда обуты, а одежда не должна иметь украшений, и пусть в ней не будет красных и синих цветов.
- 6 п. Пусть он никогда не вскармливает в себе ненависть к тем, кто его не любит.
- 9 п. Если ему случится унаследовать имение в миру, то пусть не любит своих мирских богатств... Питается от плодов возделываемой земли. Он не должен быть жёстким и жестоким. Это ему помешает оказаться на светлых небесах (Так в оригинале. – *Авт.*).
- 12 п. Он не должен укорять и говорить со злостью в голосе. Нельзя раздражать своей речью другого человека. Он не должен вступать в беседу с мятущимся, гневающимся, и речь его должна оставаться смиренной.
- 13 п. Монах, который кроток и мягок, противен самому сатане. С пункта 18-го наклонение обращения меняется. Следуют уже не пожелания, а предписания как личного, так и общежительного (киновийского) характера.
- 21 п. Будь молчалив и миролюбив для того, чтобы вера принесла тебе плоды.
- 23 п. Никому из монахов, кроме как епископу или назначенному лицу, до 3-его часа нельзя ничего произносить вслух, покуда нарушивший устав непослушанием не принесёт покаяния. (Т.е. пока не разрешится от наказания один из братьев обители, все остальные молчат.)
- 30 п. Пусть монахи, когда идут на трапезу, сами приносят себе воду из реки. Также хлеб, вино и сотовый мёд для старейших.
- 31 а п. Пусть каждому даётся хлеб весом 30 унций (около 900 грамм). Съесть его следует в 9-й час (16.00), пока не утолится голод.
- 34 п. Повар в монастыре должен быть человеком добродушным, справедливым и сильным. Он должен молиться и при этом не забывать солить пищу. Есть можно свежее мясо, угря (не вообще рыбу, а именно морского угря. – *Авт.*) или свежее молоко.
- 35 п. Слабые монахи пусть получают за трапезой сухой хлеб и морскую капусту.
- 36 п. Пусть всё распределяется согласно старшинству, но и непослушных монахов нельзя обделять пищей.

*Пилигрим, плачущий о грехах Ирландии
Деревянная статуя в Клонмакнойзе
(Фото автора)*

- 37 а п. В монастыре нельзя жить ни солдатам, ни женщинам, поскольку образ их жизни отнимает излишнее внимание монашествующих.
- 38 п. С терпением и смирением должно принимать добрых, злых и богатых. Две трети источника благочестия заключено в молчании.
- 40 п. Монах никого не должен ни унижать, ни отвергать.
- 41 п. Пусть гостевой дом монастыря будет безупречно чист. Внутри должен быть хороший очаг. Гости должны иметь возможность омыть ноги, умыться лицом. У них пусть будет удобное ложе.
- 42 п. (Авт.: Это повтор, но тем не менее) Пусть в каждом монастыре будет приветливый повар.
- 43 п. Монастырь должен иметь набожного, искусного в монашеской жизни, настойчивого, сострадательного наставника, который искусен в делах благочестивого жития.
- 44 п. Пусть монастырь имеет приветливого, мягкого в речи посланника, который не будет «носителем злых приливов» (то есть сдержанного, деликатного проповедника за стенами обители. – Авт.).
Для Ирландии и её островных монастырей эта метафора удивительно точна. «Злые приливы» рокочущего океана разрушают дома, губят людей. Гневливость христиан, особенно монахов, размывает фундамент Церкви.
В 48-м пункте появляется местоимение «я». За ним скрывается собственно автор Устава.
- 50 п. Я имею для вас предписание от Аилбе: Не просите милостыни! Это сатанинское искушение. Прося её, вы закрываете себе дорогу на небеса... Прошение милостыни мешает молитве.
- 52 п. Покуда вы в этой жизни, не покидайте монастырь, даже ради какого-либо дела.
- 56 п. Читайте и переписывайте эти заветы.

В нашем церковном этикете принято задавать вежливый, но уже вполне формальный, то есть не требующий ответа вопрос: «Как спасаетесь?» – «Вашиими молитвами», – можно услышать от собеседника. Благочестиво, скромно, но, увы, малосодержательно. Во времена кельтов и бенедиктинцев христианам было о чём поговорить более предметно.

Тема уставов любопытна ещё и тем, что представления святого Аилбе о монашеском служении миру и Церкви, вплоть до XIII века, были известны на Руси – благодаря кельтской миссии в Киеве – и на русском Северо-Западе.

Оказавшийся в «предвкушении небес» – паломник едва ли тратит время на пустые разговоры. Обет молчания сохраняют иноки обоих текстов. Молчание не просто послушание-ограничение, но своеобразное свидетельство духовных побед, гарантия душевного мира внутри общины.

В «Плавании» имеется указание на то, что и жесты при общении были под запретом. Если какой-то монах собирался задать вопрос настоятелю, то должен был это делать «внутрисердечно». Молчание напрямую связано с литургической жизнью островного монастыря, оно – залог молитв и чудесной помощи свыше.

Если читатель знаком с тишиной православных скитов и различных «пустынек», то он отчасти может представить жизнь ирландских анахоретов Средневековья. Наиболее яркие впечатления ему посчастливится собрать, окажись он во французских Альпах, около Гренобля, во всемирно известной Шартрезе. Там располагается самый закрытый монашеский орден Римо-католической Церкви – Картезианский. Это братство («Великая Шартреза») было основано Бруно Кёльнским в 1084-м году. Современные картезианцы тоже «не знают, откуда берётся пища». Её приносит специально подготовленный брат-послушник, передаёт в келии через устроенные окошечки и забирает записки с «заказами» на книги и продукты. Затворники практически не общаются. В «Правилах» и монастырском уставе есть такие параграфы: «Удалённые от всех, но в связи со всеми пребывающие, мы стоим от имени всех перед Богом Живым. ...Отказавшись от всего, что не связано с верой, картезианец способен совершенным образом постичь её глубину и свет, наполняющий его сердце». Насельники Шартрезы дали обеты нестяжания, целомудрия; их сутки сопряжены с литургическими часами. Но не они всё это создали.

В житии Бруно можно прочесть следующее: «Святой Бруно и шесть его спутников в поисках отшельничества шли за светом духовным, идущим с Востока. Они двигались по следам монахов-отшельников первых веков христианства, всю жизнь посвящавших безмолвному уединению и духу бедности». Они шли «по стопам» Исаака Сирина (IV в.), шли за афонским отшельником Исихией (VI в.) и братией основанного им скита Безмолвников Святой Горы, за Иоанном Молчальником из обители Саввы Освященного (V в.), и, что немаловажно для читателей «Плавания», они могли быть знакомы с историей и аскетическими практиками египетских монахов, бежавших в VII веке из своих лавр и затворов в Ирландию от меча сарацинов. (На Изумрудном Острове сохранились их захоронения.) Так что традиции «обитателей Востока» упомянуты в текстах не случайно.

Вот что ещё важно. Первое летописное свидетельство о Чуде Благодатного Огня относится к IX веку. Оно зафиксировано в латинском, западном «Итинерарии» Бернарда Монаха. Параллели между Иерусалимским Храмом, Огнём Великой Субботы и церковью Аилбе, в которой «огненная стрела зажигает лампы», – очевидны. В некотором смысле убранство островного Дома Молитвы: его литургические сосуды, интерьер – отражение Небесного Храма. Учитывая же старания авторов Бренданианы подчеркнуть максимальную приближенность peregrinov к «дверям Рая», появление такой впечатляющей детали в рассказе вполне объяснимо. По крайней мере, Бенедикт, написавший «Путешествие», мог быть знаком с рассказами паломников и текстом Бернарда, а человек, чьё перо выводило строки «Плавания», возможно, пересказывал личные впечатления от встречи в Вечном Городе.

В число всех островов, на которые святой Брендан будет ежегодно возвращаться, земля Аилбе не входит. На его берег, даже вопреки предсказанию, ирландские peregrini более не сойдут. Верно, потому, что им предначертана дорога, возвращение, и пока суждено «ведать птиц пути, черты созвездий».

Плавание

Эпизод 7

Плавание продолжалось до наступления дней Великого Поста. Ветер упорно гнал коракл в западном направлении. На вёсла садиться не приходилось, управлялись одним парусом. Но вот однажды, во время ночного перехода, судно замедлило скорость и замерло, словно океан превратился в болото. Ничего нельзя было различить, пока не взошло солнце и монахи не обнаружили вокруг себя, сколько видел глаз, пространство, покрытое водорослями. Вёсла оказались бесполезны, коракл еле продвигался через зелёную трясику. От солнечного тепла водоросли стали издавать удушливое испарение, и некоторые из братии почувствовали себя плохо. Хотелось пить, а запасы воды и провизии и так были на исходе. Святой Брендан встал на молитву. Спустя некоторое время Господь пришёл на помощь путешественникам. Свежий ветер разорвал марево; медленно, но верно повёл судно из плена и пригнал его к какому-то острову в удобную гавань. Преподобный благословил эту землю.

КОРАБЛИК

7

*Ветер гонит
в океане судёнышко
из другого тысячелетия, с прямым парусом,
на котором алеет Кельтский крест,
и с командой из пяти насквозь промокших
отчаянных моряков.*

Тим Северин
«Путешествие на “Брендане”»

История о святом Мореплавателе была известна многим европейским христианам, а жителям Британских островов – в особенности, так что пропустить её просто не мог Даниэль Дефо – англичанин, чуть было не ставший англиканским священником. «Робинзон Крузо» – псевдодокументальное художественное повествование Дефо – одно из самых удачных достижений жанра морских приключений. Любопытно, что его главным героем оказывается не только сам Робинзон, но и вещи, с помощью которых он живёт, точнее, выживает. Главу, что была посвящена подробнейшему перечислению найденных на потерпевшем бедствие корабле предметов, Честертон считал лучшей главой книги, – возможно, иронизировал, но она действительно замечательно живая, хотя и посвящена предметам неодушевлённым⁵⁹. Можно предположить, что, сочиняя её, Даниэль Дефо «компенсировал» своё детское любопытство в отношении средневековых имрамов.

Авторы «Плавания» и «Путешествия» житейским нюансам, деталям особого внимания не уделяют. Скупое упоминание касательно конструкции коракла, паруса, якоря, всяческих верёвок, котла для готовки пищи, запасов воды – вот, пожалуй, и всё, что их интересовало. Средневековая аудитория, более или менее, все эти реалии представляла, но её интриговала духовная сторона повествования: могут – не могут, дойти – доплыть, а как это произойдёт – не столь важно.

Важнее – кого встретят и что увидят. Мир для читателя «Бренданианы» по-своему широк: Туле, земля антиподов, вход в

⁵⁹ Об этом см. у Честертон в «Ортодоксии», в книге: Честертон Г. К. Вечный Человек. /Пер. с англ. Н. Л. Трауберг. – М.: Политиздат, 1991.

Преисподнюю, дорога среди льдов – занимают внимание более, чем еда или отсутствие компаса. Герой Дефо – моряк XVIII века, и его переживания более прозаичны. Современного читателя, особенно сухопутного, занимает в не меньшей степени «житейская сторона». Где и как спали, что было на обед или ужин, во что переодевались, как справлялись с морской болезнью, чем лечились и многое другое – находится в поле любопытства. За неимением возможности отправиться «по стопам святого Брендана» лично, ответы на некоторые вопросы можно отыскать в книге Тима Северина⁶⁰.

Доверяя собственному опыту, автор «Путешествия на «Брендане»», реконструировав быт плавания клонфертских монахов, пришёл к следующим предположениям.

Для приготовления пищи перегрины использовали лист железа, на котором разводился огонь, поддерживаемый припасённым торфом или собранными дровами. Лист мог находиться на коракле (или карре), котлы для варки годились к использованию при островных ночлегах. Небогатый рацион включал в себя запасы сушёного мяса: говядина, баранина, свинина, – конину в пищу ирландцы не употребляли. Также использовалась овсяная мука, корнеплоды (все, кроме картошки, ещё не открытой Колумбом), масло льняное и китовый жир (с Фарерских островов). Вода хранилась в кожаных флягах, её резервы были ограничены, но, учитывая, что Плавание проходило частично во влажных субтропических широтах, всегда оставалась возможность их пополнения собираемой дождевой.

Команда Северина питалась куда разнообразнее. На первом этапе ели, в основном, консервы, сухие смеси, на втором (после зимовки в Исландии) – «сделали упор на более средневековую пищу. Концентраты остались в продуктовых лавках, а на борт «Брендана» подняли приличные запасы копчёной рыбы, вяленого мяса, солонины, орехи и головку превосходного чеддера». Виски сопровождали команду Тима и в первой, и во второй части навигации, не столько для «исторической правдоподобности» (ирландцы откроют виски к VII веку), как в сугубо медицинских целях, поскольку после серьёзной штормовой переделки все «вымокли» и пришлось даже «выпить горячий кофе с заслуженной добавкой виски». Ну и, покидая Ирландию в феврале 1976-го года, «Брендан» окроплялся не шампанским, а «опять же виски». Мелочи фиксировались следующие: «На обед съели огромную порцию бобов с копчёными колбасками», с которых предварительно

60 Северин Тим. Путешествие на «Брендане». – М.: Эксмо. – 2008.

Книга Тима Северина
«Путешествие на «Брендане»»

гласно рассказу Северина, «в штормовую погоду двадцати минут на руле было довольно, чтобы совсем окоченеть», так что, «заступая на вахту, следовало сперва натянуть хлопчатобумажное бельё, затем фарерское шерстяное, две пары носков, брюки, рубашку и два свитера. И только потом, выбравшись из укрытия, надевали дождевик». «Ступенчатый» маршрут Тима уводил «Брендана» всё севернее. За Фарерами их ждала Исландия и поля гренландских айсбергов: «По мере того как становилось холоднее, мы меняли синтетику на старомодную шерсть, от которой разило естественным животным воском... привыкли жить с мокрыми волосами, рукавами... наши каюты пропитались острым запахом дублённых кож (из овечьих – Северин устроил подстилки под спальные мешки. – *Авт.*), непросыхающей шерсти, влажных невымытых тел... никто не хворал (как на острове святого Аилбе! – *Авт.*), не было даже ни порезов, ни растяжений... Быть может, мы выглядели некрасиво и от нас неприятно пахло, но пропитавшиеся воском свитера, длинные шерстяные носки и похожие на клубок шерстяные шлемы, по материалу, не отличались от одежды времён святого Брендана».

Предпочтения изменялись не только относительно одежды. Северин восклицает: «Современное снаряжение служило лучше до той поры, пока не ломалось, тогда как сделанное по старинке, каким бы неуклюжим и малопроизводительным оно ни было,

«соскребли зелёный пушок плесени... дважды почтили память святого ирландским виски: сначала перед обедом, затем перед ужином». Иногда им перепадали «грнландские креветки», «ирландские крабы», на куски китового жира ловили морскую птицу, и, безусловно, их обильно кормило море. (О гальюне распространяться не стану: Тим Северин всё доходчиво описал.)

В деталях, касающихся одежды перегринов, их экипировки, и «Плавание», и «Путешествие» – довольно скупы. Плащи, рясы, сумки, обувь, посохи – вот практически всё, что упоминается в текстах. Со-

ухитрялось работать в самых неблагоприятных условиях – а это было важнее всего!» Похоже, что историкам невдомёк, как хорошо были оснащены для своих плаваний средневековые мореходы, располагавшие бронзовой арматурой, отборными сортами леса, кож и льна, а современные мореплаватели «забывают про замечательную гибкость и прочность современных материалов».

В начале своей увлекательной книги Тим Северин определил главный принцип, которым руководствовался, принимаясь за «бренданову одиссею»: проверить «возможность совершения трансокеанского плавания на кожаной лодке», в котором «чистота эксперимента требует, чтобы конструкция судна и материалы были теми же, что во времена Брендана». Это ему удалось. Более того, к сведению скептикам, его путешествие – серьёзный материал для развенчания этого самого скепсиса. К примеру, сомневающиеся относительно вместимости коракла читают: «С экипажем 4-5 человек «Брендан» был постоянно недоукомплектован. Надо думать, команда святого в 14 человек (эта цифра явно свободна от символики, выглядит вполне реально) лучше нас могла идти на вёслах». То есть «Плавание» более документально, чем «Путешествия», где число монахов достигает символического числа 80, что явный перебор, так сказать, благочестивый вымысел. Или, для тех, кто в принципе не верит в возможность пересечения Атлантики на кожаном судёнышке: «Когда «Брендан» – неказистое соединение тросов и льняного полотна, дерева и кож – ткнулся носом в остров Пекфорд (около Ньюфаундлена), он походил, скорее, на плавучее гнездо, чем на океанское судно. Но лодка была крепкой и исправной». Судно дошло, а на нём пришли люди.

Каково было монахам, известно Богу. От Северина кое-что узнать можем мы.

Я намеренно привожу лишь самые лаконичные заметки. В своей книге Тим вообще немногословен, хотя местами весьма

Исследователь Тим Северин и его супруга Дороти рядом с образцом парусной лодки, которую ирландские монахи VI века могли использовать для вояжа в Америку

лиричен. Путешественник рассказывает про технические детали, перечисляет имена, события, иногда фантазирует, но о душевном состоянии команды представление у читателя несколько размыто. Очень непросто было пережить XX столетия, но, в отличие от ирландских иноков, они общались с жителями островов, моряками, у них работало радио, два автомобильных аккумулятора, солнечные батареи, была связь и, в конце концов, большая передышка во время зимовки, когда судно стояло в Исландском доке, а они разъехались по домам. И тем не менее, проблемы появлялись и требовали решений: «Вахты регламентировали всю нашу жизнь, они служили необходимым каркасом повседневного бытия... обязательный для малых судов лад: сам живи и другим не мешай». Во время дежурства моряков ожидали не только штормовые ветры с дождями, но и «хиллин гары» – арктические миражи, имеющие определённого рода влияние на психику: «Лодка вела себя словно животное, что-нибудь вроде кита, и я лежал между рёбрами, наподобие Ионы, чувствуя, как судёнышко изгибается, борясь с чудовищным напором морской стихии... Новый враг – скука... Праздные разговоры на борту были редкостью. Зная, что впереди уйма досужего времени, мы обращались с мыслями и словами так же экономно, как с сухой одеждой... Остудяющий труд – непрерывное откачивание воды из трюма (были такие опасные моменты) – истощал мышцы и душу... Управлять «Бренданом» было чрезвычайно трудно... при такой малочисленной команде это было всё равно, что лететь на

Юрий Сенкевич и Тим Северин

Полуостров
Дингл,
Крест-Распятие
на Западном
берегу.
(Фото автора)

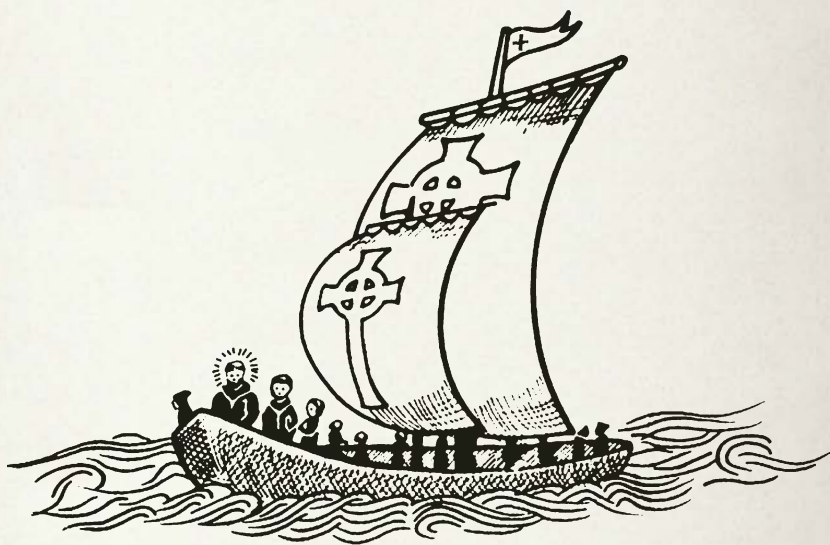
воздушном шаре... Возможность влиять на курс была очень мала, и при встречном ветре оставалось только держаться и ждать перемены к лучшему».

Возможно, в английском варианте текста Тима Северина были фразы о Божьей помощи, Промысле, но их в советское издание не допустили. Хотя цензоры снисходительно отнеслись к следующему сообщению ученого: «17 мая при отплытии из Ирландии мне дали бутылочку со святой водой, я поместил её на судно... на самой даже маленькой динглской карре (коракле. – Авт.) хранится такая бутылочка... Кельтский крест на парусах расправился, и мы стали набирать скорость...».

«Плавание святого Брендана» («Плавание») не совсем «жизнь» или эпос. Тим воспринимал его как художественную повесть, опирающуюся на факты и наблюдения, «смесь географии и литературы». Он хотел отделить одно от другого, причём «сама смесь», как жанр, его в тупик не ставила.

Поскольку в Средневековье географическое пространство отражалось в «ментальных (воображаемых) картах», итинерариях и литературных памятниках, Северину было необходимо, как Шлиману с Троей, рискнуть и довериться им, что он блестяще и сделал.

Повторить экспедицию Тима Северина ещё никто не пытался.

*Фрагмент карты-маршрута святого Брендана
Полуостров Дингл, Ирландия
(Фото автора)*

Плавание

Эпизод 8

ноки поспешили на берег. Они быстро обнаружили прозрачную речку, заболоченные берега которой были полны множеством съедобных корней. Одни из peregrinov принялись их собирать, другие отправились ловить рыбу.

Когда всего было принесено вдоволь и уже развели костры, игумен предупредил спутников: «Братия, будьте осторожны. Мы сильно голодали, и следует остеречься от излишеств в еде и питии». Но монахов эти слова не вразумили. Приготовив рыбу, они стали запивать трапезу большим количеством воды. О чём пришлось пожалеть, ибо все они рухнули на землю, где и проспали: кто день, кто два, а кто и три. Преподобный молился за одураченных своей неосмотрительностью иноков, а когда последний из них проснулся и всем стало стыдно, Брендан сказал: «Оставим поскорее это место, пока вы окончательно не лишились рассудка. Лучше честно голодать, нежели забыть о Боге и о всём том, чем мы обязаны Ему. Запаситесь водой, кореньями, рыбой из расчёта: одна рыба, одно коренье и одна чаша воды в день на брата, так, чтобы хватило до Великого Четверга». Остров покинули после необходимых приготовлений, и коракл взял курс на юг.

КОРАБЛИК

8

*Немало див, что я узнал, угасли навсегда,
Ясны лишь три – мне вновь видны:
Дым, древо и звезда.
Мы год и день по лону вод,
вдали от берегов,
Всё шли,
Не встретив ни земли,
Ни птиц, ни челноков.
Закат, восход – не видел взгляд,
Мир тусклый дым застлал,
Гул рос во мне, как рокот гроз,
И алый свет мерцал...*

Дж. Толкиен
«Смерть святого Брендана»
(Перевод Светлана Лихачёва)

Если вы окажетесь на Тенерифе, то, возможно, узнаете от местных жителей или гидов, что ваш корабль подошёл (или самолёт прибыл) к берегам «Земли Блаженств». Так иногда называют Канары из-за восьмого (как «чудо света») острова-призрака: Сан Борона (испанский вариант: St. Brendan). Красивое место в океане о своём происхождении имеет различные легенды и локальные истории – предания. Племена Гуанчи, обитавшие здесь, были бесписьменными, а встретившиеся с ними в XII веке арабы оказались нелюбопытны. Но за точку отсчёта долгот арабами, по традиции, унаследованной ими от греков, принимались Канарские острова, которые назывались «Островами блаженных». Загадка островов скрыта где-то в лабиринтах пирамид Гуимар, напоминающих индейские постройки Южной Америки и, отчасти, египетские сооружения. «Островами Блаженств» канарский архипелаг называл ещё Птолемей (II в). Ему было известно о том, что, кроме семи «настоящих» островов, существует некий Aprositus Nesos, «недостижимый, невидимый». Скрывающийся в тумане, погружённый в облака остров-фантом. Источники автора «Географии» (см. Птолемей «География» IV – 6 – 34) неизвестны, но Птолемей не фантаст, а один из наиболее аккуратных учёных

античности, так что возможность обычной «выдумки» невелика.

После него Сан Борон упоминается Гонорием Августодунским, он отмечен на карте Герсфорда (1276 г.), в карте Сан Северио (XI в.), о нём говорит арабский путешественник Аль-Бакри в «Книге дороги и царств» (1068 г.). Остров святого Брендана как часть канарской группы найдёт своё обозначение на «Карте мира» Жака Витри (XIII в.) в «Изображении мира» Робера де Осера (1265 г.), а на немецкой планисфере Эстторга (конец XIII в.) надпись будет следующая: «Потерянный остров. Святой Брендан

Саргассы

открыл его, но никто с тех пор его не видел». Интерес к этому загадочному месту возрастёт после высадки французов на «собачьи острова» (Прямой перевод названия «Канары» – canis – собака (исп.). Плиний Старший (I в.) упоминает мавританского короля Юба II, который в 40-м году до н.э. путешествовал по Атлантике и привёз к себе в Марокко две собаки с островов, где эти животные в изобилии водились. Отсюда и наименование «собачьи».)

Остров Сан Борон вспомнит Колумб в дневниках (второе плавание к берегам Америки). О том, что сам Христофор Колумб отправился к неведомым берегам не только в поисках дорогих пряностей (как обычно сообщают школьникам), а будучи вдохновлён религиозным стремлением открытия удивительных земель, на которых, логично, всё должно быть чудесным, в том числе и пряности, – свидетельствует его письмо Фердинанду II, Католику, 1491-го года: «Я явился к Вашему Величеству как посланник Святой Троицы... для содействия к распространению святой веры; ибо Бог говорит ясно об этих странах устами пророка Исайи»⁶¹.

61 Цит. по: Анучин Д. О судьбе Колумба. Землеведение. – 1891. – Кн. 1. – С. 210.

Канарские острова

Об острове Сан Борон говорится в историях, имеющих отношение к Энрике Навигатору (он же Генрих Мореплаватель (XV в.)). Остров усиленно разыскивают в XVI веке. Португальцы, владевшие Канарами, 4 июля 1519-го года уступили его испанской короне. В XVII – XVIII веках поиски продолжились, и до сих пор знающий об ирландском святом путешественнике христианин надеется увидеть «Землю Обетованную Святым», о которой рассказывало «Плавание».

Питает такую надежду и другая причина «чудесности» островов: климат. Вечное, полное солнечных дней и сочных фруктов лето, прибрежные воды с той самой «брэндановской» рыбой, реки, сады, птицы. Закаты, восходы, туманы и безбрежный океан – всё, что нужно для рождения того, что культурологи называют «островным сознанием» (антитеза «континентальному»). А следуя кельтской традиции почитания «тонких мест», Канары – та самая точка встречи неба и земли, запечатлённая линией горизонта, «Чистилище святого Патрика» среди атлантических волн, только лишённая какой-либо аскезы. Жители Эль Йеро и Ла Пальмы рассказывают о найденных после шторма на берегу необычных плодах, ветках и даже деревьях. Как в Шотландии есть очевидцы всплывавшего из озера Лохнесс «чудовища» Несси, так и на Канарах находятся свидетели неожиданного появления и такого же внезапного исчезновения не меняющего ни очертаний, ни размеров Сан Борона. Поскольку архипелаг лишён своего литературного и историографического прошлого, он представляет

интерес для любителей «New Age», и страницы туристических путеводителей испещрены различными историями в этом духе. Если святой Брендан в один из семи годов Плавания и приставал к канарским берегам, то, возможно, именно их «спешно покинул», хотя отправились монахи «на юг». В любом случае переприкры каждый раз оставляют сушу, чтобы отправиться туда, «где дует вечности сквозняк и Бога раздаётся шаг» (У.Б. Йейтс).

Так или иначе, после того, как клонфертские монахи встречались с Якобиусом, разговаривали с птицами-душами, вкушали невесть откуда берущуюся пищу молчальников, видели огненную стрелу и проч., их не должно испугать и удивить место, в котором оказывается выскользнувший из тумана и темноты корабль. Они останавливаются в «застывшем море». Можно представить, что речь идёт о пережитой своего рода духовной дезориентации. В латинском тексте «Плавания» говорится, что море «quasi coagulatum», – буквально: «словно бы застыло». Цветан Тодоров считает использование выражения «словно бы» подчёркиванием «разделённости реальности», а Ян Шорт называет его «тёмным пазлом переписчиков»⁶².

Корабль очутился в новой, ещё более странной реальности, или же в одно из семилетних путешествий кельтов «прибило» к Саргассову морю.

Прозрачное, глубокое, солёное, оно, кажется, «застыло», его неподвижные воды будто безжизненны. Но впечатление это обманчиво. Там действительно практически не дует ветер. Под жгучим солнцем вода прогревается до 26-ти градусов летом и «остывает» к зиме до 18-ти.

62 Short I., Merrilees B. Benedeit: Le voyage de saint Brendan. – Paris., 2006.

Буйно разросшиеся водоросли (sargassum) скрывают разнообразную подводную жизнь: угри собираются со всего света сюда на нерест, множество рыб, в т.ч. «летучие», крабы, морские черепахи, бесчисленное количество моллюсков – всё живёт в этом огромном зелёном аквариуме Атлантики. Его упоминал Теофраст, а Аристотель называл «лугом океана». «Зелёное море» – одно из наименований северной части Атлантического океана в средневековой мусульманской географии.

Ирландская агиография, как никакая иная щедрая на яркие метафоры, сохранила рассказ про одного безымянного святого. Он плывёт на лодке, наблюдая подводную жизнь озера, и ловит руками рыбу. В это время навстречу ему по волнам скачет всадник – также безымянный святой. Гребец опускает руку в воду, достаёт и бросает всаднику, в знак приветствия и расположения, форель. Тот, в свою очередь, нагнувшись, срывает цветок и подаёт преподобному как символ красоты и гармонии. Для первого эта видимая реальность – вода озера, для второго – весенний луг. И то, и другое – неразделённые части Творения Единого Бога, открытого, прежде всего, святым⁶³.

«Мы видим красоту морских вод, собранных в просторы, и сухую землю, то голую, то видимую и устроенную, мать трав и деревьев. Видим светила, сверкающие вверху: Солнце, без которого не будет дня, Луну и звёзды, которыми утешена ночь... Мы видим, что влажная стихия населена рыбами, чудищами и крылатыми существами, ибо плотность воздуха, поддерживающая полёт птиц, создаётся водными испарениями... Мы видим, что каждое создание хорошо, а всё взятое вместе – очень хорошо» (Блаж. Августин. «Исповедь». Кн. XIII, гл. 47).

Справедливость предположений о факте пребывания святого Брендана в Саргассовом море подтверждает не «Плавание», но «Путешествие», в котором Бенедикт подробно описывает

---

63 Кельты глубоко почитали лошадей. Их военизированный образ жизни был тесно связан с этими животными и дал пищу для мифологических представлений о том, что души умерших уходили в потусторонний мир на лошадях. «Плавание святого Брендана» о последних ничего не сообщает, но в Житии святого Давида Уэльского есть интересный эпизод: после долгого путешествия в Святую Землю святой Финдбарр спешил домой в Корк (Ирландия). Его кораблю никак не удавалось отчалить из Британии, и тогда святой Финдбарр попросил у святого Давида его любимого коня. С верой в Бога он поскакал по волнам, словно это было поле, и ему удалось добраться до того места, где святой Брендан праздновал Пасху на спине огромной рыбы. Увидев всадника, преподобный воскликнул: «Велик Господь в чудесах Своих». Они благословили друг друга, и святой Брендан, узнав, в чём дело, высказал желание встретиться со святым Давидом.

пышную растительность, обилие рыбы и тёплый климат. Под солнцем Тропика Рака или на Бермудах ирландцы всё это обнаружили бы в изобилии. («Классические» литературные описания Саргассова моря можно найти у Ж. Верна в романе «2000 лье под водой» и в «Тайне двух океанов» Григория Адамова.) Но «сквозняк вечности» дул, похоже, с северо-запада Атлантики.

Представление о «застывшем море» на севере Земли имеет давнюю историю. Ещё римский поэт второй половины IV в. Постумий Руф Фест Авиен (лат. Postumius Festus Avienus) в поэме «Морские берега» (в которой использованы материалы карфагенских плаваний к Британским островам около 525 г. до н.э.) говорит, что на севере обитаемой земли лежит «неподвижное» море.

У римского историка II века Корнелия Гаунта в сочинении о плавании Юлия Агриколы в 84-м году к северу от Британии сообщается о «малоподвижном море», в котором очень трудно грести вёслами. Все эти сведения были хорошо знакомы в средневековой Европе.

В 320-м году до Рождества Христова знаменитый навигатор античности Пифей из Массалии отправился на поиски загадочной и легендарной земли гипербореев – острова Туле. Шесть дней он плыл от берегов Бретани в северном направлении, прежде чем достиг самого края обитаемой ойкумены; видимо, это была Исландия. Климат в IV веке до н. э. был более мягким, чем во времена святого Брендана, и гораздо теплее, чем сейчас. Эта земля называлась *Ultima Thule*. Корабль Пифея оказался в «застывшем море».

Для Исидора Севильского (ум. 363) Туле – крайний остров океана на северо-западе; летний день здесь самый длинный, окружающее его море спокойное и застывшее.

Для Прокопия Кесарийского (ок. 500-560 гг.) остров Туле лежит далеко на север от Британии; земля на нём пустынна, солнце не заходит около летнего солнцестояния в течение приблизительно сорока дней и около зимнего солнцестояния в течение 40 дней: он «*Terra incognita*».

Для святого Беды (†735) остров Туле (Тиле) лежит к северу от Британии на расстоянии шести дней плавания; в одном дне плавания от Тиле море оказывается замёрзшим; здесь самая длинная ночь и самый длинный день тянутся одинаково – целые сутки.

С Туле Пифея в своей «Хронике» Адам Бременский отождествляет Исландию. Там он упоминается со слов посетившего город Бремен в 1056-м году исландца Ислейфура, который был первым христианским епископом на острове. Адам уверен, что Исландия и есть Туле⁶⁴.

64 Дитмар А.Б. От Птолемея до Колумба. – М.: Мысль, 1989.

Со времён Адама Бременского под «застывшим морем» подразумевали незадолго до этого ставший известным район Северного Ледовитого океана, а также северные области Атлантики.

*Руками ветер шевелит
И землю всю обнять хлопочет...
А где-то ближе к краю ночи
Туле таинственный лежит.
Он обрамлён грядою скал,
Как будто каменной ливреей...
«Там, там живут Гипербореи», –
Скальд седовласый мне сказал.
Туда-туда, где всё прошло,
Где неподвижно спит планета,
Где ночи нет, но с краю света
Немного солнышко взошло.*

Станислав Красовицкий

Несложно предположить, что прекрасно образованные ирландцы-пегреины из Клонферта, где располагалась крупная библиотека и скрипторий, знали из корпуса греко-латинских мифов историю про Аполлона. Каждое жаркое лето он, на воздушной колеснице, запряжённой лебедями, отправлялся в Гиперборею к своей матери, богине Леде, переждать зной Средиземноморья. Греческая легенда, оказавшись на севере Европы, могла претерпеть и некую поэтическую трансформацию. Так или иначе, когда викинги совершали первые набеги на Исландию (VIII в.), то воевать им было не с кем: кроме кельтов-отшельников никто на этом острове не жил. Жажда «скитаний ради Христа», сочетавшаяся со

Паковые льды

специфической осведомлённостью, наложилась на «кельтскость» – и в результате:

Вкус горечи и океанской пены,

Подмешанный к преданьям старины (Йейтс),

вдохновлял этих людей строить кожаные корабли.

Тим Северин посвятил этому вопросу целую главу своей книги. Он считал, что коракл святого Брендана вошёл в зону скопления пакового льда, то есть он буквально понимал выражение «застывшее море», не придавая значения ремарке «словно бы». Его точку зрения разделяют некоторые медиевисты (например, Вудинг. См.: Wooding «Monastic Voyaging»). Некоторые исследователи окончательно запутывают дело, когда в качестве пояснений обращаются к тексту «Энеиды». Для Вергилия крайним севером эллинского мира была Фракия, где «во фракийском краю по застывшим волнам Термадонта» (область обитания амазонок), вода малоазийской реки, впадающей в Чёрное море, по неизвестной причине, замерзает.

Водоросли Саргассова моря, темнота южной ночи, торосы пакового льда северной Атлантики – не так важно, что именно встретит странник; гораздо интереснее, особенно современному читателю, какие перемены произойдут в сознании и мировоззрении самого путешественника, особенно если его ожидает встреча с... морским чудовищем.

Плавание

Эпизод 9

орок дней при хорошем восточным ветре они плыли, пока не попали в абсолютный штиль. Море казалось сонным и безжизненным. Ни рыб, ни птиц не было видно. Беспричинный страх закрался в сердца монахов. Им вдруг показалось, что какая-то страшная опасность притаилась совсем рядом. Предчувствия вскоре оправдались. Команда увидела гигантское чудовище с головой змея, неуклонно преследовавшее коракл. Оно было ещё далеко, но двигалось с невероятной скоростью, оставляя за собой пенистые буруны и выбрасывая фонтаны воды из ноздрей. Жуткая тварь собиралась напасть и погубить мореплавателей. «Боже, спаси нас!» – в ужасе закричали иноки. – Не дай зверю проглотить Твоих детей!» Существо между тем приближалось. Уже виднелись его зубы, способные обратить в панику тысячу человек. Оно ревело, как пятнадцать буйволов. Волны стали штормовыми. Видя, что команда в панике, святой Брендан воскликнул: «Братья, да не поколеблет сомнение вашу душу, иначе Господь накажет за это. Остерегайтесь, чтобы из-за глупого страха перед чудовищем вы не потеряли Самого Бога и не лишились Его помощи. Помните: тот, кого ведёт Спаситель, не должен ничего и ничего бояться». Сказав так, преподобный воздел руки к небесам и стал молиться: «Боже, избави рабов Твоих, как Ты избавил Давида от Голиафа; спаси нас, как Ты спас пророка Иону из чрева кита».

Не успел он закончить, все увидели другое чудовище, приближающееся с Запада. Изрыгая огонь из пасти, оно

мчалось за судном. Первый зверь, обнаружив соперника, развернулся, и между ними началась схватка. Головы на змеиных шеях сплелись. Зубами и шипами жуткие существа терзали друг друга. Плавники и хвосты превратились в щиты. Вода окрасилась кровью. Наконец, второй зверь победил и, разорвав соперника на три части, уплыл в ту сторону, из которой появился. Ещё раз монахи убедились, как заботится Господь о тех, кто уповает на Него. «Чтобы служить такому милосердному Богу, – сказал Брендан, – можно оставить всё суетное и земное».

На следующий день путешественники подплыли к лесистому острову. Корабль вытащили на берег, среди деревьев поставили палатку, причём очень вовремя. Сильный дождь обрушился на палатку. Штормовой ветер задул с севера. Пришлось остаться в этом глухом месте. Провизия заканчивалась, но Провидение заботилось о них. Обходя остров, монахи нашли на берегу заднюю часть разорванного чудовища. «Подумайте только! – удивился преподобный. – Зверь собирался поглотить нас, а теперь мы съедим его сами. Нарубите и засолите как можно больше мяса. Остатки с костями оттащите подальше в лес. Дикие звери ночью обглодают их». Так и случилось. Иноки заготовили мясо на три месяца вперёд. Из-за плохой погоды тридцать дней остров не удавалось покинуть, но провизии теперь было много, а воду брали из чистого ручья.

КОРАБЛИК

9

*Вокруг меня пучина вод.
Я слышал от людей,
Что чудеса увидит тот,
Кто взглянет в очи ей.
Над этой бездной будь ко мне,
Отец Небесный, благ!
Я чую, в зыбкой глубине
Таится грозный враг...*

Джон Уитьер
«На море»

(Перевод Осипа Румера)

Верить – не верить в существование драконов, грифонов, гигантских водных змей – к области религиозных размышлений отношения практически никакого не имеет. С Богом эти мысли не соотносятся и не связывают, от Бога не отдалают. Драконы – своего рода «адиафора» (др.-греч. ἀδιάφορος, «неразличимый, безразличный») – поступок, в данном случае «размышление», к делу человеческого спасения напрямую не относящееся.

Блаженный Августин упоминал этих тварей в своей духовной «Автобиографии» преимущественно в нравственном контексте, хотя само их существование сомнению не предавал: «И я скажу

*Деталь
крепостной
стены
норманнского
монастыря XII в.,
Ирландия.
(Фото автора)*

то, что истинно в очах Твоих, Господи. Когда люди, незнающие и неверующие, которые если когда и приобщаются вере, то лишь с помощью знамений и великих чудес (обозначенных, как мы думаем, именем рыб и морских чудовищ), берутся поддерживать и помогать в какой-нибудь житейской нужде детям Твоим (то есть слугам), не зная, зачем это надо делать и с какой целью, то одни не дают настоящей пищи, а другие её не получают: одни не поступают по святому и правильному намерению, другие не радуются их даянию, не видя ещё «плода». А душу питает только то, что доставляет ей радость. Поэтому рыбы и морские чудовища и не едят пищу, которую могла вырастить только земля, отделённая и отличная от горьких морских вод» (*«Исповедь», 27-ая глава XIII книги*).

Г.К. Честертон рассуждал про «драконову бабушку», но поводом для построения «парадоксов» Честертон были не тексты «Плавания» и «Путешествия».

В эпоху создания Бренданианы доверять буквально рассказам про змея, Левиафана, бегемота – было обыкновенным, общепринятым делом. И тот же Честертон замечает: «Мы называем средние века веками веры; точнее было бы назвать их веками недоверия, полусомнения-полунасмешки» («Гамлет и психоаналитики»). Эпизод с чудовищами это вполне подтверждает. Он уникален тем, что читатель становится свидетелем того, как «чудесное» полностью оттесняет все элементы «правдоподобного». У читателя-слушателя должна максимально проявиться вся ранее накопленная «библейская закалка», то есть опыт узнавания чудес, самых невероятных, с той детской искренностью и доверчивостью, что со временем поглощается занудной практичностью взрослого. Те, кто Священное Писание не изучал, то есть немалое число христиан северо-западной Европы, тем не менее, знали о событиях Книги Иова, её поражающей воображение 41-й главы. Знали из устных церковных проповедей, из хранившихся в монастырях святоотеческих сборников, а начиная с X века всех этих «монстров» Иова могли разглядывать на храмовых витражах. (В средневековом искусстве врата, ведущие в ад, часто изображали пастью Левиафана.)

Слышавшие предание о святом Брендане на море могли и не бывать, но истории моряков, байки, кеннинги скальдов, рассказы перегринов об удивительных встречах с загадочными животными им были хорошо знакомы.

Для христиан кельтской ойкумены средневековой Британии присутствие реальных драконов было, похоже, обычным делом. Эти существа населяли не только «мифоэтическое пространство» народных историй, но и довольно оригинальным образом

Святой
Иоанн Златоуст

обнаруживались в богословских текстах Святых Отцов. Так, святой Беда Достопочтенный, комментируя Книгу Деяний Апостолов (9.18), эпизод прозрения Савла-Павла, пишет: «Говорят, что у дракона всё тело покрыто чешуёй. Вследствие того, что иудеи названы змеями и порождениями ехидниными, всякий, кто шёл вослед их вероломству, как бы покрывал очи сердца своего змеиной кожей...». То есть для Беды дракон не менее «натурален», чем ветхозаветный иудей.

Германцы, много веков изустно передававшие то, что в XI веке запишут под названием «Беовульф», знали из этого великого эпоса о морских тварях, нападавших на героя. Ирландцы, из «Жития святого Коламбы Айонского», составленного в VIII веке Адамнаном, слышали об истории атаки океанских чудовищ на корабль святого Кормака, о монстре из озера Лох-Несс.

Про гигантское чудовище, обитавшее в озере Слайв-Мис (графство Керри), сообщается в «Книге серого тюленя» (XII в.). Оно нападало на крупный рогатый скот и людей, которые спасались только за стенами замка. Святой Колман из Драмора успел спасти от нападения девушку, полоскавшую бельё. Святые Кевин и Сеннан сражались с чудовищами из Скаттери и Глендалоха. Один из

самых почитаемых и авторитетных ирландских источников, «Книга Лисмора» (The Book of Lismore), сообщает о каких-то подводных монстрах, в связи со святым Бренданом. Скандинавы «имели представление» о морском змее Ёрмунганде (упоминается в «Младшей Эдде») и драконе Фафнире (исландская «Сага о Вольсунгах»).

Дж. Р. Толкин в работе «Профессор и чудовища» спрашивает: «Каким представлялся дракон средневековому человеку? Наиболее полный ответ на этот вопрос можно найти в сочинении «О природе вещей» Фомы из Кантимирэ (I половина XIII века). Фома суммировал сведения Плиния Старшего (I в.), блаженного Августина (IV в.), а также привлёк информацию из «Книги о зверях и чудовищах» (VIII – IX вв.). Дракон выглядел существом жутким, но уязвимым. (Восточная – Китайская, Японская, Корейская – «драконология» в круг наших интересов не входит.)

Святые Отцы любили комментировать Книгу Иова, и комментарии эти были как нравственного, так и символического характера. Святой Иоанн Златоуст пишет: «Для того Бог сотворил этих двух зверей (имеются в виду крокодил и бегемот) огромными, чтобы ты узнал, что Он может всё сделать таким, но не делает, потому что всё сотворил для твоей, человек, пользы. Посмотри, как этот зверь соблюдает собственные законы: он обитает в той части моря, которая несудоходна. (Именно там и оказались перегрины Брендана. – *Авт.*) Какая от них (чудовищ) польза? Спросит кто-нибудь. Мы точно не знаем тайную пользу этих зверей, но если нужно что-то ответить, мы скажем, что они ведут нас к богопознанию»⁶⁵.

Действительно, этот эпизод «Плавания» – так сказать, «поворотный». После него монахи начинают уже «что-то понимать», серьёзно осмыслять происходящее, волю Божию, Промысел. Используя августиновскую метафору, они «видят мир, потому что Бог видит их самих».

Полупелагианец IV века Юлиан Экланский размышлял так: «Созданием сего ненавистного и огромного чудовища (Левиафана) для людей открыто три пути мудрого наставления. Во-первых, люди могут признать могущество Творца, Который создал живых тварей не только им в услужение, но произвёл таких, которые способны наводить ужас. Во-вторых, человек может понять дар Провидения, которое удалило сих смертоносных тварей из мест населённых и переместило в дикие и удалённые (оказавшиеся опять-таки на брэндановском маршруте к Обетованной Земле. – *Авт.*).

65 Иоанн Златоуст. Комментарий на Книгу Иова. – «Commentarius in Iob». Eds. U. Hagedorn, D. Hagedorn. PTS 35 (1990): 1 – 200. TLG 2062.505.

В-третьих, они могут узнать, сколь беспощаден к пороку Тот, Кто держит в суровом подчинении сих тварей, столь мучительных по своим свойствам и повадкам для людей».

Толкуя же выражение из Книги Иова о Левиафане – «круг зубов его ужас» (41. 6-9), – диакон Олимпиадор Александрийский (VI в.) поучает: «Это не страх Божий, но страх перед кругом зубов Левиафана. Но если ты имеешь в себе Христа, не помышляй об этом страхе, ибо тебе подобает страшиться Господа Бога твоего, а кроме Него никого другого не бойся». Святые Отцы говорили иногда туманно, но чаще ярко и сочно. Святоотеческий синтаксис на 80% пропитан поэзией высшего качества. Юлиан Экланский восклицал: «И да постигнет ненавистные ночь и день безмерный ужас, достойный исходящего из моря на землю чудовища..., способного учинить жестокую бойню людям и животным, посеять гибель и опустошение!... Справедливо то, что Левиафан призывает на себя всеобщее проклятие» («Толкование на Книгу Иова»).

Описываемые в «Плавании» и «Путешествии» события морской битвы монстров любопытны, поскольку в них причудливо перемешались различные библейские мотивы. Здесь, например, фиксируется своего рода отсылка к сражению Давида с Голиафом (1-я Кн. Царств, 17). Самое малое из Творений (Давид) способно поразить грозного (сотворённого, но отпавшего от Бога) врага. Святой Брендан молится, вспоминая не только Иону, что логично, так как речь идёт о морских чудовищах, но и этих библейских персонажей: «Ты избавил Давида от Голиафа», – произносит святой. Его монахи «стоят в вере» и получают Небесную защиту. Хотя, если внимательно присмотреться, чудовищ, собственно, клонфертские перегрины совершенно и не интересуют. Не лёгкая добыча – лодка с живыми людьми, – а какие-то таинственные мотивы заставляют их бросаться друг другу в пасти. Более того, «Путешествие» подчёркивает, что второй монстр, который одерживает победу, появляется с Запада (как Христос, «пришедый на Запад Солнца»), и, таким образом, он выполняет роль защитника.

В «Путешествии» угрозой для перегринов является морской змей (это условная копия Левиафана), и здесь можно разглядеть «ирландские мотивы». А именно легендарную историю изгнания из Ирландии змей святым Патриком, описанную Джеральдом Валлийским. То есть морской змей – истинный враг кельтов, святого Патрика, и, следовательно, Господь спасает своих

Флаг Уэльса

христиан-мореплавателей, благодаря молитвам святого Брендана и с помощью другой твари. В дальнейших приключениях чувство страха-отчаяния будет неуклонно заменяться укреплением доверия к Божией Любви и действию Промысла.

Восхищаться и удивляться кельты станут чаще, чем впадать в ужас и оцепенение. Эта специфическая черта «кельтскости» Северо-Запада: восхищённое замирание (не оцепенение) перед открывающейся тайной (например, «Чистилище святого Патрика», гора Бен-Балбен, Авалон) войдёт во все «артурианские» книги, от Мэлори до Уайта.

В «Путешествии» ситуация усложняется. Напомним, что его текст появился спустя 150-200 лет после «Плавания». За время европейских «блужданий» в пересказах истории о поисках Земли Обетованной Святым образный и «драматургический» мир Средневековья усложнился: морские твари полетели! Валлийский дракон выбрался из пещеры на подмогу «своим» кельтам. В «Путешествии» сражаются уже две летающие твари: грифон и дракон. Первый описан довольно подробно. Это чудовище дышит огнём, когтями способно превратить коракл монахов в обломки, а крыльями – просто перевернуть и утопить судно. И здесь прочитывается не столько угроза сбить peregrinos с духовного пути, сколько прямая опасность их физического уничтожения. Дракон же – символ Уэльса – выступает в качестве спасителя.

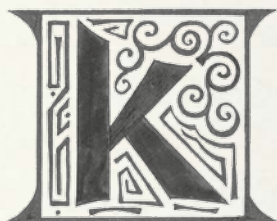
Но так как никакой текст Бренданианы не существует сам по себе, в абсолютной изоляции, что-то общее, обязательное должно обнаруживаться. Этим «общим» является разразившаяся в результате схватки буря. Она хоть и страшная, но реальной опасности не представляет. Монахи укрываются от разбушевавшейся стихии на острове, специально приготовленном для них Богом. Мало того (и здесь уместно вспомнить вышеприведённое замечание Честертона о «полусомнении-полунасмешке»), клонфертским peregrinam достаётся огромный окорок убитого монстра, который они засаливают впрок, пренебрегая возможным уставным ограничением в пище (то есть конину, согласно ирландским правилам, есть было запрещено, а мясо чудовища – нет. Впрочем, они «были в дороге»).

В эпизоде с Ясконием (Якониусом) мореплаватели получали определённое разумное объяснение: под их ногами не чудесно оживший остров, а огромная, живая, специально сотворённая Богом рыба. «Битва монстров» – это «перевёрнутый» Ясконий. Подготовка, так сказать, к ещё более невероятным чудесам – хрустальной колонне с серебряной сетью, одинокой скале, Острову Кузнецов...

Плавание

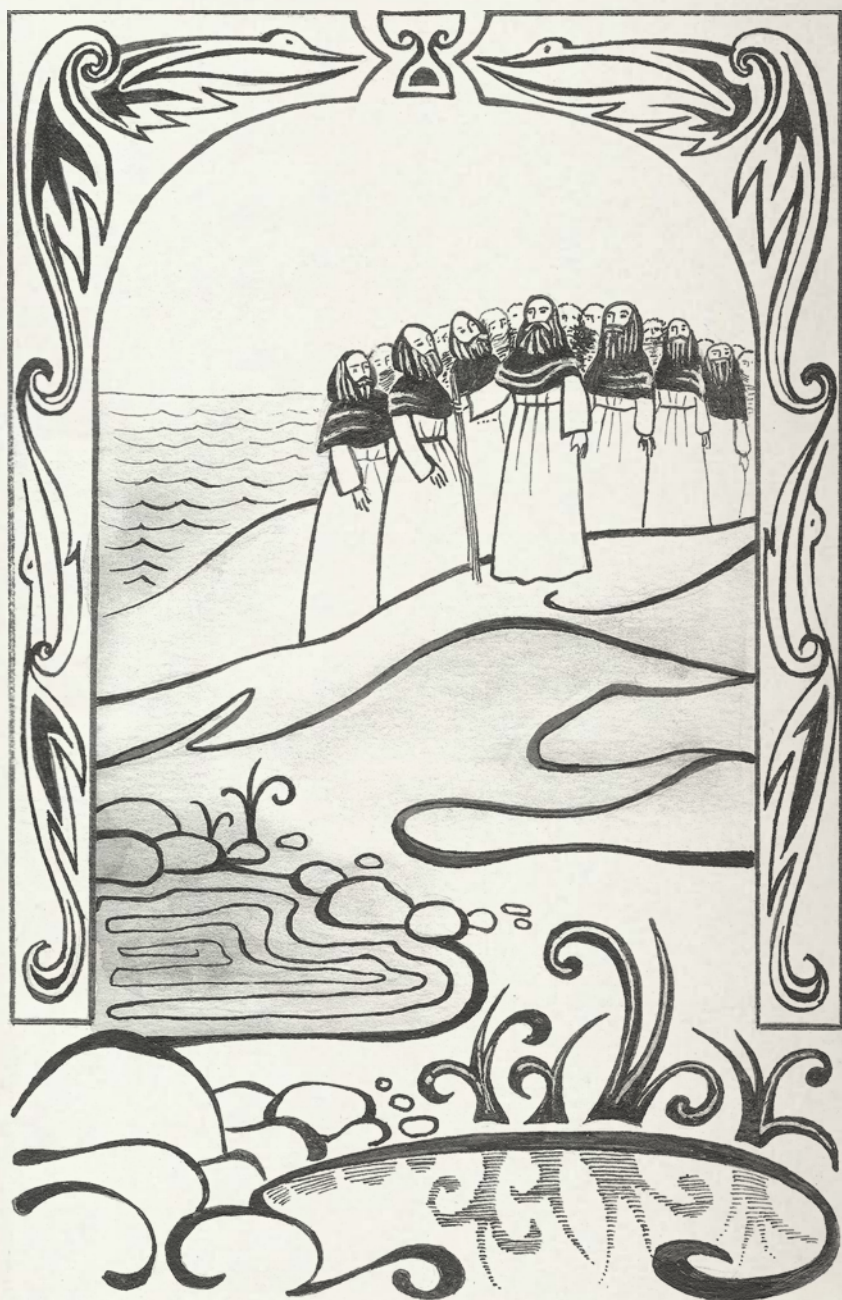
Эпизод 10

огда погода наконец-то установилась, коракл спустили на воду, погрузили оставшиеся запасы мяса, наполнили фляги, и Плавание продолжилось. Новая земля появилась неожиданно.

Её заметили буквально за милю, хотя океан оставался спокойным и ни тумана, ни дождя не ожидалось. Остров, к которому преподобный решил направить судно, оказался совершенно плоским и почти лишённым растительности. Было удивительно, как море вообще не поглотило, а штормы не развеяли его. Монахи решили, что перед ними пустынная страна, и только приуныли, как вдруг, неизвестно откуда, к берегу вышли, встав друг от друга на расстоянии брошенного камня, три группы людей. Первую составляли мальчики, во второй находились взрослые сильные мужчины, а в третьей иноки разглядели седых стариков. «Приветствуем вас, братья! – воскликнул святой Брендан. – Мир и Божие благословение да пребудут с вами». В следующее мгновение на остров опустилась лёгкая дымка, сокрывшая пришедших людей, и паломники услышали, как три хора голосов запели Божественный гимн; затем поющие отправились по дороге следом друг за другом, не пересекаясь и не смешиваясь. Когда пелена развеялась, преподобный сказал команде: «Дивны дела Творца, везде, даже среди пустыни, есть люди, готовые воздать Ему хвалу. Сойдёмте на берег и совершим бескровную жертву». За Литургией святой причастил всех жителей острова Тела и Крови Христовой, после чего благословил одного из тех иноков, что прибежал в

последнюю минуту перед отплытием из Ирландии, остаться в этом месте. Более не задерживаясь, путешественники взяли курс на юг.

КОРАБЛИК

10

*Алтарь я воздвигаю на лугу,
И небо станет куполом собора,
И дикие цветы поберегу,
Чтоб воскурить их ладаном... Опора
Единственная! Вышняя! Меня
Не оттолкни, жреца святого дня!*

С.Т. Кольридж
(Перевод Виктора Топорова)

Объём «чудесного» любого агиографического рассказа, даже такого необычного, как «Плавание», рано или поздно сокращается. Точнее, прерывается каскад диковинных чудес, снижается динамика головокружительных приключений. Участникам, читателям – всем необходима небольшая передышка. Вырваться из «мира чудесного» невозможно, да и не хочется, но океан затихает штилем, чудовища уходят в его глубины, и новый остров, которого достигают ирландцы, – своего рода награда за мужество мореходов, веру и монашескую стойкость, ведь «Плавание» («*Navigatio sancti Brendani*») – прежде всего, паломничество, главная цель которого – обнаружение заповедной *Terra repromissionis sanctorum*, а не просто подборка фантастических эпизодов.

Корабль заходит в тихую гавань острова, напоминающего выше описанный Сейбл (см. *Кораблик 5*), и, на первый взгляд, всё, что будет происходить во время этой остановки, довольно благочестиво, просто, а современному читателю может показаться даже скучноватым. Важны детали, на которых мы внимание не задерживаем, но которые средневековому христианину сообщали информацию специфического порядка, поскольку и сам мир он видел несколько иначе.

Для иро-кельтской традиции прошлое не отсекалось ни новой религией, ни литературным латинским. Оно фиксировалось, но не застывало, а, как говорит Десмонд Иган, «прорастало» в текстах, лишь отдалённо напоминающих о существовании древнего первоисточника. Уильям Йейтс в предисловии к несостоявшемуся изданию «Полного собрания стихотворений» на эту тему

Один из сотен
разрушенных
Кромвелем
храмов,
Ирландия
(Фото
автора)

делает замечание: «Вся ирландская история свершается на фоне огромного таинственного гобелена; даже христианству пришлось принять это и найти себе место на той же картине... Клановый порядок не допускал наложения на него церковной власти, он мог принять монахов, но не епископов».

Монах, который записывал один из вариантов самого знаменитого ирландского эпоса «Похищение Быка из Куальнге», помечает на полях рукописи: «Я же, который сохранил эту повесть, или, вернее, вымысел, не беру на веру рассказанных тут историй. Ибо многое здесь наушение лукавого, иное причуда поэзии. Одно возможно, другое нет. Иное назначено быть развлечением глупцам». Работа писца ему была дороже эмоций, и он, как и сотни других, трудился в скриптории. Важно, что эти переписчики не портили древние тексты, не «христианизировали» легенды искусственно и насильно. Про эту кельтскую «тактичность» навер-

няка знал святой папа Григорий Великий, отправляя Августина Кентерберийского на проповедь в соседнюю Британию (VI в.) с просьбой сохранить как можно больше языческих построек и церемоний, придав им христианский смысл, чтобы люди «не были слишком удивлены и оскорблены»⁶⁶. В Ирландии был сохранён богатейший запас древних традиций; «на душу населения приходилось больше сказок и легенд, чем где бы то ни было в Западной Европе», не исключая Исландию. Только грекам и римлянам кельтская литература уступила, по крайней мере, количественно.

Ирландская мифология рассказывает о сверхъестественном мире океана, где скрыта «Земля Юных», «Земля Обетованная» и «Прекрасная долина», где обитают боги «Племени Богини Дану». Если вспомнить «Плавание Майл-Дуйна», то можно попробовать разместить «Остров смеющихся людей» именно в тех краях. В этом тексте остров является местом радости, то есть отчасти связан с идеей блаженства. На нём остаётся один из молочных братьев Майл-Дуйна. В истории святого Брендана нечто подобное происходит с одним из «опоздавших» монахов. О «Земле Юных» известно, что в ней нет «ничего кроме правды, она без смерти, печали и разрушения, без зависти, ревности, тьмы, гордости... страна вечной молодости (то есть «нестарения», по причине застывшего потока времени? – *Авт.*), цветов и плодов»⁶⁷.

Практически всё, что касается «Острова Трёх Возрастов», или, вариант, «Трёх хоров», подходит под внешнее описание «Земли Юных», кроме разве что «цветов и плодов». Автор «Плавания» приберёт последние к финалу своего рассказа по совершенно понятным причинам: они украшение самого долгожданного острова, до которого ещё предстоит дойти. Ему же принадлежит великолепная идея: собрать в одном месте эпических жителей волшебной «страны за морем», разделить их на три условные группы, вложить им в уста христианские гимны и отправить в бесконечное круговое движение – своеобразный крестный ход по пустынному острову. Поющие не получают высшей награды, но и не испытывают ни в чём ущерба. «Остров Трёх хоров» – это прежде всего знак, свидетельство: коракл клонфертских монахов движется в правильном направлении, а перед читателем «воцерковлённый» осколок одной из тех историй, что посвящены Островам Блаженных; как говорит Нора Чедвиг, «фрагмент из не-написанной рукописи древнего кельтского мира»⁶⁸.

66 Церковная История англоv. – Т. 30. IX век.

67 Чедвиг Н., Диллон М. Кельтские королевства. – СПб., 2002. – С. 186.

68 Там же.

За этим эпизодом скрыта какая-то древняя, имеющая исключительно ирландские корни, культурная реальность. Вполне возможно, что автор «Плавания» иносказательно сообщает про судьбу одной из трёх частей, составлявших общество «Зелёного острова» в допатриковый век, то есть говорит о филидах. К моменту создания Бренданианы низшая ступень в иерархии – барды превратились в королевских поэтов, воспевавших подвиги своих милордов и обретавшихся при дворах. Высшая ступень этой триады – друиды, языческие жрецы, – к VIII веку на Британских островах и в континентальной Галлии исчезли окончательно. А вот промежуточное звено, прежние хранители сакральных знаний, традиций и, самое главное, поэзии, – филиды – остались. Первые столетия после миссии святого Патрика (IV в.) они не только мирно уживались с миссионерами кельтской Церкви, но многие из них даже приняли монашество, стали затворниками, организовали скриптории, библиотеки и школы для детей. Филиды завершат своё служение в годы норманнского нашествия XI века, их труды и судьбы надёжно будут скрыты тем, что Нора Чедвиг подразумевает под «фактором умолчания» ирландской культуры. Это, пожалуй, является объяснением того, что «Остров трёх хоров» даже косвенно не упоминается в «Путешествии». Бенедикт не стал утруждать себя объяснением относительно специфики дохристианских жреческих практик и общего устройства ирландского общества. Плюс сама по себе такая «перебивка» в напряжённом повествовании не входила в его планы.

В «Плавании», напротив, христианская символика острова подчёркнуто изящно выверена. Облако света, дымка, что на глазах ирландцев опускается на поющих, символизирует тайну. Оно – сияние веры, свидетельство наличия у хоров мистического опыта и отличается от мрака заброшенного замка (см. *Кораблик 3*). Тот воплощал духовную слепоту и воздействовал на мореплавателей удручающим образом. Облако – это ещё и некая точка, в которой поющие достигли границ своих человеческих возможностей. Их духовный рост завершён. «Когда Бог сотворил время, Он сотворил его много», – говорит одна древнеирландская поговорка. Речь, применительно к этому эпизоду «Плавания», идёт не только об относительной бесконечности времени, но и о том, что оно само по себе может для различных «возрастов» протекать по-разному. Это тоже отголоски давних друидических представлений, в которых сосуществовали идеи перерождения различных миров, населённых антиподами всяческих загадочных мест и подземелий. Странный остров. Было в нём что-то настораживающее, таинственное, но и там святой Брендан

совершает Литургию. Правда, покидает его довольно быстро, если не сказать – спешно.

Описание «Острова Трёх Возрастов», с его подчёркнутой иерархической уставной сложностью и внутренним распорядком, даёт нам возможность предположить, что, помещая этот эпизод в текст «Плавания», его автор пытался сообщить о неких известных ему ещё сохранившихся осколках общин *Céili Dei* («кулди», Калдеи), которые не существовали во времена «исторического Брендана», но считались особым явлением кельтского христианства к столетиям составления Бренданианы.

Устав Céli Dei: Христианская аскеза северной Атлантики

*На наши берега, забытые во мраке,
Где волны Запада имеют свой предел,
С любовью пастырской
Ты посылал приливы
И Знамя Крестное, спасающее нас.
Святые и герои подвиг веры
Здесь совершали...*

.....
Мы же имён тех славу понесём.

Тимоти Риз,
епископ Лландафа,
(Уэльс, 1940-е гг.)

Начиная с XVI века вокруг наследия этих кельтских общин, населявших Север Ирландии, Внешние Гебриды, Шотландию, Оркнейские острова, велась горячая дискуссия среди англиканских реформаторов, пытавшихся разглядеть в кулди протопротестантские объединения и использовать авторитет «слуг Божьих» для антикатолических исследований и заявлений. Проблема в том, что набеги датчан-викингов, достигшие своего победного пика в IX веке, привели большое количество иро-скоттов кельтской церкви к глухой самоизоляции, которую англикане-историки поспешили посчитать своеобразной внутренней реформой этих кельтских осколков Северо-Запада. Логичней всего было приписать им антиримские настроения и противостояние англо-саксонскому миссионерству Британии, но, повторю, слишком туманной представляется вся эта история.

Письменных литургических духовных памятников практически не сохранилось. Высокие каменные кресты, обнаруженные на территориях, где подвизались кулди, могли принадлежать как Коламбовскому влиянию Айоны, так и Кутбертовскому Линдисфарна. Рим ничего относительно «слуг Божьих» не заявлял: или не замечал их, или раздражённо отмалчивался. А они жили без малого 200-250 лет, и строили свои школы, и молились как в общинах, в основном монашеских, так и в различных «затворах». Море – тоже пустыня, с оазисами островов. Некоторое представление о жизни этих кельтов-христиан можно попробовать составить, изучая

сохранившиеся документы, прежде всего те, что, опираясь на Священное Писание, Предание и кельтские национальные традиции, управляли жизнью этих общин и выстраивали сложный аскетический быт средневековых иноков северо-запада Европы.

Один из сохранившихся «Уставов» общин кулди находится в Королевской Академии Ирландии (The Royal Irish Academy) в так называемом манускрипте Лебор Брекк (Lebor Brecc, ff. 9 - 12). Его перевод на английский опубликован в 24-м томе (С. 202 – 215) Королевской Академии Ирландии в 1837-м году. Он является прозаической версией древнего метрического (стихотворного) оригинала устава Картага (Cartage). Одни исследователи (William Reeves) датируют его XII веком, другие (John Strachan) считают, что составление устава слуг Божьих можно отнести к IX веку.

Сам по себе документ производит удивительное впечатление из-за мозаичности суждений, предписаний, нравственных и житейских поучений, духовных и практических рекомендаций, пищевых, гигиенических уложений, время от времени снабжаемых поэтическими восклицаниями и вероучительными отступлениями. Это яркий и чрезвычайно живой средневековый документ ирландского христианства, который, воссоздай его в первоначальной метрике, пропевался бы как баллада, декламировался словно сага.

Перевод текста выполнен профессором Ю.Н. Варзониным (в литературной обработке Автора), по книге Uinseann O'Maidin «The Celtic monk, Rules and writings of Early Irish monks». — Cistercian Publication, Kalamazoo, Michigan – Spencer, Massachusetts, 1996. — P. 81 – 95. The Rule of the Céli Dé.

Вот его сокращённый вариант, так сказать, «избранное» – то, что представляет живой интерес для истории Церкви и будет любопытно исследователю кельтского христианства.

- В праздничные дни монахи кулди не получают добавочной порции хлеба, но количество воды, трав и приправ можно увеличить (*Авт.*: Далее в тексте неоднократно используется термин «селанн» (selann) – ирландская мера объёма, равная весу 4-х яиц, то есть 210 граммам).

- В дни Великого Поста, даже если нет специального запрета, монах не должен вкушать больше 8-ми селаннов (1,7 кг.) пищи в день. Это же касается и будней, кроме дня святого Патрика, если он выпадает на вторник или пятницу.

- Свежее молоко следует смешивать обязательно с мёдом.

- Травы из огорода используются в качестве приправы, и их количество не имеет отношения к порции хлеба. Они подаются отдельно. Но к маслу это правило не относится.

- Количество хлеба не должно сокращаться, если на трапезу

даётся кусок рыбы или малое количество творога, сыра, сваренное вкрутую яйцо или яблоки.

- Нельзя всё перечисленное предлагать сразу и вместе. Если, например, яблоки крупного размера, то достаточно их будет 5-6 плодов с хлебом. Мелких можно принести и 12. Лук-порей предлагается в количестве 3-4 головок, но с ним нельзя есть творог и сыворотку, которые вообще лучше хранить для приготовления сыра.

- Творог для монахов готовить следует без сычужного фермента и его количество на трапезе приравнивается к позволенному количеству хлеба.

- Сладкая, чистая сычужная сыворотка никогда не выпивается сама по себе. Её следует разбавлять грутином (grutin – «лёгкая» фракция творожной массы, остающаяся после сцеживания плотной).

- В День Святой Пасхи разрешается есть яйца, сало с мясом дикого оленя или кабана.

- При великой скудности и бедности стола дозволено употребление мяса и Великим Постом, но если жизнь монаха не подвергается опасности, то лучше воздержаться.

- Если к трапезе не нашлось свежего молока, то можно подать братии по чашке сыворотки или пива.

- Готовится на трапезу для всех жидкая овсяная каша. Она подаётся в общем большом котле, монахи же должны брать из него сами, понемногу, лучше $\frac{1}{4}$ порции.

- Свежее молоко, если нет ничего другого, подаётся на стол, но $\frac{1}{4}$ часть воды следует добавлять в каждую порцию.

- Селанн нельзя готовить в Четверг, но у монахов на этот день должен быть сделан запас свежего молока, небольшого количества пива и медовых сот. Пиво не следует пить большими глотками, даже если мучает жажда. Большие глотки лишь возбуждают её. Пейте пиво маленькими глотками из небольших чашек.

Богослужebные установления, литургические и молитвенные практики общин кулди, ввиду скудности реальной информации, а не историографических фантазий англиканских исследователей, комментировать сложно и порой возможным не представляется вовсе. Населявшие глухие, дальние земли «слуги Божьи» сталкивались с языческим укладом жизни пиктов, ранее проживавших на островах, и других кельтов, принадлежащих, к тому же, различным, как правило, враждующим кланам, были вынуждены выстраивать собственные церковные традиции, впитывая местный колорит, нивелируя культурные и юридические предпочтения дальнезападных островитян. Христианские центры Европы располагались от них очень далеко, так что кулди обходились без всяческой редакции своих практик.

- Если монах не причастился в воскресный день, он должен сделать это в четверг, не ожидая следующего воскресенья, поскольку для привыкших к еженедельному причащению такой интервал слишком велик.

- Крестным Знаменем необходимо осенять четыре стороны света, небо и землю под ногами, когда покидаешь келью.

- При пении псалмов следует поочерёдно сидеть и стоять, поскольку если только сидишь, то можешь впасть в сон, а если стоишь – упасть от усталости.

- Когда в праздник за кого-то возносятся молитвы или прошение, то необходимо использовать его крестальное имя (*Авт.*: ирландская традиция сохранения двух имён – кланового, древнего, и христианского – жива до сих пор).

- Человек, который никогда не вкушает мяса, в Пасху должен непременно съесть кусочек чего-нибудь вкусного, дабы избежать голода или нищеты в течение целого года, до следующей Пасхи (*Авт.*: это положение, как и два нижеследующих, можно считать отзвуком преодоления местных суеверных представлений).

- Вся пища, которая остаётся в доме после смерти его хозяина, должна быть освящена и разделена между бедными. Её нельзя вкушать там, даже если умерший будет прославляем как святой человек.

- Продукты, собранные до воскресного дня, нельзя употреблять в пищу, их следует разделить между бедными.

- В Святой Четверг совершается омовение ног...

- Монахи не должны спать в храме. Они разделяются. Одни поют ночью псалмы, другие в это время отдыхают в келиях. После чего положено им меняться местами.

- Запрещается пить что-либо после вечерней службы.

- Тот, кто исповедовался своему духовному отцу, не должен каяться перед другим священником.

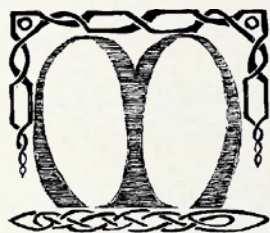
- Если монах злится на своего брата-послушника, оскорбляет его, то к вечеру этого дня он должен получить сто ударов палки по ладони и остаться без хлеба и воды.

На острове Трёх возрастов нет церковных построек, но существует духовное «движение», своего рода крестный ход вне времени, которое течёт каким-то особым образом. О дальних морских монастырях в Ирландии прекрасно знали, и, без сомнения, вокруг них слагались поэтические истории, фиксировавшиеся как в житиях, так и других литературных памятниках Средневековья. «Плавание» – тому подтверждение.

Плавание

Эпизод 11

ногие дни пути прошли с того времени, и вот однажды пeregрины оказались в промозглом, диком месте. Дождь лил беспрестанно, холодало, но потом небо очистилось, туман сошёл, и перед путешественниками появилась огромная колонна из чистого кристалла, что казался твёрже мрамора. Колонна блистала, и можно было разглядеть, как её основание уходит глубоко под воду. «Давайте осмотрим это Божие творение, – обратился Брендан к братии, – будем плыть вокруг, пока не вернёмся на прежнее место». Плыли они три дня. Коракл осторожно обходил ледяное чудо, когда иноки разглядели на одном из выступов два каких-то предмета. Святой Брендан решил приблизиться и взял в руки то, что оказалось литургическими Чашей и Дискосом, сделанными из того же материала, что и колонна. «Как много в мире уготовано Господом для молитвы и служения, – сказал святой, – даже здесь, где и жизни-то нет, мы находим священные сосуды Евхаристии». Бережно он поставил Чашу с Дискосом на прежнее место и повелел инокам плыть дальше.

Ещё долго серебристая громада возвышалась позади коракла.

КОРАБЛИК

11

*А глава Его и волосы белы,
Как белая волна,
Как снег...*

Откр. 1:14

У моря есть свой основной цвет: голубой. С различными оттенками и нюансами – от иссиня-свинцового до, к удивлению, розового – он радует, настораживает и вдохновляет на рассвете, при закате и даже ночью. Море изменчиво, и его разноликость оправдывается отсутствием чётких границ, поскольку береговая линия – канва относительная. Чудо – величина, как ни странно, более постоянная, совершенная, поскольку происходит всегда на стыке двух миров, при встрече двух реальностей, – и цвет у него белый. Без излишних вторичных спектров. Это цвет Преображения, Крещения и Айсберга святого Брендана.

О «хрустальных» или «будто из чистого серебра» колоннах, что дрейфуют в северных широтах холодного океана, европейцы знали благодаря другому знаменитому ирландскому монаху – географу Дикуилу. Взыскательная средневековая аудитория была очарована его книгой «Измерение круга земного». В этом первом франкском руководстве для путешественников, появившемся около 825-го года, описывались различные земли, природные явления, в том числе упоминались айсберги.

В 13-й главе великой книги Ненния «История бриттов» (*Historia Brittonum*, IX в.) повествуется о встрече племён кельтских переселенцев с айсбергом, когда они, миновав Испанский полуостров (век не указан) и переплыв тёплое Средиземное море, достигли Ирландии. Спустя же год со дней своей остановки на Изумрудном острове они увидели, как пишет Ненний, «стеклянную башню на воде», то есть айсберг у ирландского берега. Кельты решили осадить «башню», но их суда разбились о лёд, а тех, кто сумел высадиться на её уступы, смыло в море, и смельчаки утонули.

Читатель Бренданианы был знаком с историями об Эйрике Рыжем и его сыне Лейве. Первый открыл Гренландию, второй – к 1003-му году Северную Америку. Сага, посвящённая Эйрику,

сообщает о том, что скандинавы, переселявшиеся из Исландии, видели около гренландских берегов огромные льды причудливой формы. Возможно, им повстречались не сами айсберги, а оторвавшиеся от глетчеров сверкающие ледяные фрагменты. Подобного рода феномены упомянуты также в «Хронике» Адама Бременского (1056 г.)

В «Плавании Майль-Дуйна» описывается серебряная колонна с некоей специально устроенной сетью. Её верхняя часть скрыта от мореплавателя. Один из членов команды Майль-Дуйна отрывает кусок этой серебряной сети, чтобы по возвращении в Ирландию «возложить его на алтарь Армага» (древнеирландской столицы). Серебро – для кельтских преданий дохристианских столетий и послепатрикового времени – материал, имеющий глубокий сакральный смысл. Эпос «Битва Мойтуры» сообщает, что ирландского короля из «другого мира», Нуада, называли «серебряноруким»; в свою очередь, выше упомянутый Аилбе (см. *Кораблик 6*), побывав в легендарном краю, вернулся с ветвью из того же металла. В одной из версий «Плавания» святой Брендан забирает сосуды в Ирландию как вещественное доказательство посещения им Другого Мира.

Реальные и эпические путешественники Средневековья, посещая северное полушарие (имея известные и сокрытые от нас цели), видели айсберги в разное время года. Летняя встреча могла

прибавить сюрпризов, поскольку именно в тёплую погоду «хрустальная колонна» подтаивает быстрее всего на уровне воды и волны вымывают лакуны причудливой формы. Именно с таким явлением столкнулись клонфертские иноки, а обнаруженные ими литургические сосуды ощущение чуда только усиливают.

Цветан Тодоров⁶⁹ отмечал, что средневековые христиане воспринимали «фигуральный смысл буквально», для чего ими использовался большой набор сравнений. Столб, колонна, по этой логике, для них не игра Природы, не случайное нагромождение льда, а «прекрасное сооружение», и её вид напоминает описание Храма у пророка Иезекииля (*Иез. 40-42*). В обеих версиях «хрустальный столб-колонна» появляется без объяснения его значения, из ниоткуда. «Плавание» говорит о том, что это произошло «в один из дней», вдруг, но пришлось ещё потратить три дня, чтобы до него добраться. В «Путешествии» пeregрины «увидели гигантский столб в море и приблизились к нему». «Плавание» рассказывает о вершине колонны, которая недоступна взору игумена, а «Путешествие» сообщает, что «верх столба возвышается до облаков, низ же уходит ко дну морскому». Автор «Плавания» на описание этого чуда скуп, потому как ему вполне достаточно сообщить: колонна природна по материалу, из которого состоит, её дрейф подчиняется физическим законам, но она сверхприродна по происхождению, поскольку сотворена Господом. В «Путешествии» таинственность и двусмысленность достигается тем, что Бенедикт изящно применяет глагольный имперфект, когда пишет: «Казалось ему (Брендану), что уже давно он здесь бывал». Это, вероятно, связано с тем, что автор «Путешествия» не совсем понимал символику столпа, которая была очевидна тем, кто читал «Плавание», то есть ирландцам, подразумевавшим под «хрустальным столбом-колонной» путь, по которому души умерших путешествуют с земли на небеса. Для Бенедикта столб в океане мог даже ассоциироваться с одним из «Геркулесовых», обозначавшим самые дальние пределы обитаемого мира. Точнее, с его «северным» аналогом. Одно из отличий двух вариантов этого эпизода в том, что, согласно англо-норманнской версии, святой «входит» на поверхность «выступа» колонны и совершает там Литургию, а у ирландского анонима он не покидает лодки и Евхаристия происходит «внутри» столба.

Одним из первых комментаторов «Плавания», пришедших к заключению, что речь идёт о тающем айсберге, был Густав Ширмер (G. Schirmer), опубликовавший свои соображения в конце

69 Todorov T. The Fantastic. – 1979

XIX века⁷⁰. Его гипотеза была поддержана другими исследователями Бренданианы. Дж. Райт (J.K. Wright) считал, что «купол» над айсбергом в «Путешествии» не что иное, как «висающий вдоль краёв туман». А известнейший канадский этнограф, полярник Вильямур Стефанссон (†1962) писал: «Такой ледяной массив мог отклоняться от линии воды на добрые сотни футов, и в нём, под воздействием волн, возникали проёмы, через которые легко проходила лодка». Более того, Стефанссон говорит, что «издалека такой ледник мог сливаться с островным льдом и создавать иллюзию, будто он очень высоко уходит в небо, что вполне бы соответствовало приводимым в текстах описаниям»⁷¹. Любопытно, что, рассуждая вполне рационально, автор не списывает всё только на природные факторы и «действие волн». Север восхищает полярника, и «ледяной человек» в 1918 году проговаривает романтические, то есть, отчасти, религиозные сентенции:

Вильямур Стефанссон

«Северный полярный регион, сам по себе, дружелюбен и гостеприимен по отношению к людям и, вопреки всем предвзятым мнениям, не является бесплодным, безжизненным, неприступным, необозримым пространством, угрожающим смертью от невыносимого голода и холода»⁷².

Вопрос о чудесном появлении Литургических сосудов, Чаши и Дискоса, в «гостеприимном» регионе, как правило, решается в христианской символике и библейском Откровении: «Дух Божий дышит, где хочет» (*Иоанн: 3.8.*), – но нельзя исключать и простых объяснений. Найденные в «колонне» предметы говорят лишь об одном: человек здесь уже бывал (каким образом – неважно) и использовал это чудесное место для Богослужения. Следовательно, оно освящено. (Брендан, кстати, здесь не «благословляет землю»). Рассказ о Чаше и Дискосе в галереях айсберга удивителен,

70 Schirmer G. Zur Brendanus-legende. – Leipzig. – 1888.

71 Stefansson V. Friendly Arctic. – 1913 – 1918 (Стефанссон В. Гостеприимная Арктика. ОГИЗ, Государственное издательство географической литературы. – М., 1948).

72 Там же.

символичен и правдив. Необходимо только оживить воображение и под новым «углом зрения» посмотреть на старые источники.

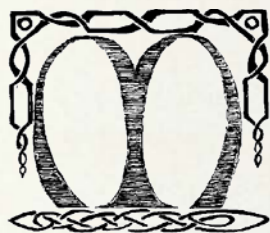
Например, средневековые документы «Ландамабок» и «Сага о Самсоне Прекрасном» (около 1350 г.) сообщают, что в 1194-м году несколько моряков-христиан возвращались из Исландии в Норвегию и были отброшены бурей далеко на Север. В конце концов, после долгих скитаний их судно прибило к какой-то неведомой земле около Гренландии, то есть к берегам «Страны айсбергов». Можно предположить, что среди членов команды находились миссионеры, священники, и Бенедикт об этом и подобного рода происшествиях прекрасно был осведомлён, но не спешил особо расписывать.

Тот, кто является автором «Плавания», будучи кельтом, больше доверял не документам, а интуиции и преданиям; для него «колонна из чистого кристалла» – своего рода преддверие, «прихожая» Другого Мира, свидетелем чудес которого вскоре должен стать святой Брендан, не испытав при этом смерти. Всё, что происходило до их Литургии в айсберге, важно, но это только «чудеса приготовления». Время «пойдёт с нуля», когда клонфертские монахи покинут «колонну». Все они должны будут увидеть жерло вулкана (Остров Кузнецов), услышать рассказ Иуды и, за исключением последнего – «лишнего», встретить отшельника Павла в преддверии Рая – и, наконец, войти в Землю Обетованную Святым. Они поражены и восхищаются вслед за блаженным Августином, писавшим: «Прекрасно всё созданное Тобой и несказанно прекрасен Ты, Создатель всего. Если бы Адам не отпал от Тебя, не излился бы из его чрева этот морской рассол, род человеческий, предельно любопытный, неистово надменный, неустойчивый, шаткий. Тогда не потребовалось бы проповедникам Твоим работать среди моря, сообщая о Твоих таинственных делах и словах телесным, чувственным образом» (*«Исповедь», гл. XII, 28*).

Когда они вернутся домой в Ирландию, то станут проповедниками, несущими Евангельскую весть (как ветвь Аилбе), а Чаша и Дискос (даже если их не забирать с собой) – осязаемое свидетельство милости Божией, необходимое для спасения народа Эйре. Самое важное начинается, когда святой Брендан с братией покидает «белое чудо».

Плавание

Эпизод 12

онахи кутались в плащи, а холодный ветер подгонял судно сквозь тёмные воды. Дни казались короткими, ночи бесконечными, пока не появилась земля. С её приближением команда всё явственнее слышала тяжёлые беспорядочные удары, точно впереди их ожидала огромная кузница. Наконец, можно было рассмотреть унылый каменистый остров. Жалкие кусты пробивались из-под разбросанных плит, плотно утопанные тропинки огибали кучи мусора, а на самом берегу высокие краснолицые люди (а быть может, это были сами демоны) ковали железо. Никаких специальных устройств, наподобие мехов, щипцов, горнила, у них не было. Огонь, казалось, вырывался из-под камней, служивших тут же наковальней. Шум стоял невообразимый. Тяжёлые молоты в мускулистых руках падали на раскалённый металл. Коракл перегринов очень быстро при попутном ветре подошёл к берегу, и преподобный приказал убрать парус. Теперь и краснолицые кузнецы заметили иноков. Они злобно закричали, оставили свои орудия, после чего голыми руками стали хватать куски горячего шлака и бросать их в путешественников. Слава Богу, что судно остановилось на достаточном расстоянии. Шлак падал за несколько десятков шагов от кормы, и море словно начинало вскипать. Горячий пар окутывал коракл. «Беритесь за вёсла! – воскликнул святой Брендан. – Мы оказались у самых адовых врат, нужно спешить». С большим усилием монахи принялись грести, так как течение неумолимо

гнало их к жуткому берегу. Когда удалось вырваться, иноки увидели, что остров озарился багровым пламенем, и услышали, как возобновились тяжёлые удары краснолицых кузнецов. «Хвала Господу, – сказал преподобный. – Он показал место, откуда начинается вход в бездну мучения, и в который раз избавил нас от гибели».

В полном молчании иноки продолжили свою работу. Каждый с ужасом вспоминал обитателей каменистого острова и в сердце благодарил Бога за избавление. Несколько часов кряду они плыли, пока не заметили в море высокую скалу. Она точно выростала из воды. Её крутые склоны были совершенно чёрными, словно ни штормы, ни солнце не могли разбавить этот цвет. Корабль только замедлил свой ход, как вдруг один из иноков поднялся со своего места и, ничего не говоря, бросился за борт. «Стой, вернись, куда ты?» – закричали перегрины, побросав вёсла. Но инок не откликнулся. Он быстро, будто по чужой воле, плыл прочь от корабля. Святой Брендан печально смотрел ему вслед. Монахи пытались развернуть судно и догнать собрата, но течение упорно сносило последнего к чёрной скале, так что все попытки спасти его оказались тщетными. Едва он достиг её склона и выбрался на мрачные камни, перегрины увидели, как огромные демоны, появившиеся из неприемной расщелины, схватили инок. В то же мгновение скала покрылась огнём, дымом, и в воздухе запахло серой. Так закончился путь последнего из тех трёх иноков, что прибежали перед самым отплытием из Ирландии, и сбылись все предсказания святого.

КОРАБЛИК

12

*И мы приплыли на Остров Огня; был виден
издалека
Средь моря высокий огненный столп,
вздымавшийся под облака;
Но, приворожённые чудным огнём,
едва мы стоять могли
На этом дрожащем, как трус в бою,
шатучем клочке земли...*

А. Теннисон
«Плавание Майл-Дуйна»
(Перевод Григория Кружкова)

Одно из первых художественных описаний преисподней принадлежит не Данте, а неизвестному ирландскому монаху XII века. Отцы «Кельтского христианства», одни из самых образованных средневековых европейцев, с традицией локализации ада были знакомы и первыми некоторые её детали облекли в литературную форму.

В 1149-м году некто из иноков-бенедиктинцев Регенсбургского монастыря (Германия), этого важного, в том числе и для России, центра иро-шотландской миссии на континенте, написал книгу

«Видение Тундала» (“Visio Tundali”). Изначальный гэльский список потеряли, но сохранился латинский перевод текста. Возможно, регенсбургский писец располагал не одной кельтской рукописью, а несколькими вариантами; важно, что «документы о посещении загробного мира» по Европе распространялись людьми, владевшими гэликом и латынью в совершенстве. Герой поэмы, воин Тундал, ещё при жизни стал путешественником в адские земли, и если поэт Данте проходит через сужающуюся воронку, продвигаясь всё глубже, то ирландца ожидают «раскалённые горы» – то есть вулканы.

Мнение, согласно которому вулканические жерла связывают мир видимый с преисподней, средневековые церковные авторы поддерживали задолго до «Плавания», «Путешествия» и рассказа о Тундале. Святой Исидор Севильский описывал вулкан Этну как адские врата. Его мнение разделял и святой папа Григорий II (†731). Кельтская языческая традиция ничего напоминающего греческий Аид, семитский Шеол или скандинавский Хель не имеет, но вход в загробный мир допатриковых ирландцев располагается на холме, горе, а посетить это пространство, через особый тоннель, может и простой смертный. Делает он это, прежде всего, из любопытства, замешенного на страхе. Блаженный Августин считал, что язычники прежде кого-либо находятся в плену у любопытства (*curiositas*), так как «не желают поступиться своим правом любопытства и всячески ищут способов объяснить мир по-своему, проникнуть в его тайны с помощью магии»⁷³.

Насколько красив айсберг, настолько неприглядна и отвратительна огненная гора – вулкан, появляющийся во всех вариантах «брэндановских саг». Цвета, симметрия первого восхищают, а забытое Богом нагромождение скал багрово-чёрных тонов пугают читателя. Сам святой не хочет даже приблизиться к острову. Только ветры, течения, по воле Бога, гонят коракл к берегу; и для авторов Брэнданианы вулкан совсем не экзотика, не природный феномен, а своего рода ключевой момент путешествия, поскольку именно перед вулканом преподобный не то чтобы теряет уверенность в Промысле Божиим, но чувствуется его сильная тревога и взволнованность. Читатель понимает и то, что обогнуть огненную гору невозможно и предопределённое «посещение» – некое обязательное условие благополучного достижения главной цели.

Тот, кто проходит духовные испытания в виде сомнений и искушений или, в русской православной традиции, «страхований»,

73 Блаженный Августин. О христианской борьбе. – Центр библейско-патрологических исследований Отдела по делам молодёжи Русской Православной Церкви. – М., 2010.

однажды сталкивается с воплощением зла, так сказать, «в чистом виде». Там, где находится адский кузнечный горн, никаких чудес совершаться не может. Иноки должны ужаснуться, почувствовать абсолютную богооставленность. От «солидарности во зле» косматых звериноподобных существ – полулюдей, полудемонов (своего рода антагонистов обитателей «Птичьего Рая»), под прицелом «огненных снарядов» которых они оказались, – и неизбежности приближения к огненному острову они могут впасть в отчаяние. Но игуменское: «берите вёсла», действуйте, гребите – спасает. Правда, не всех.

Ещё читатель, по-видимому, должен понять, что извержение, свидетелями которого стали peregrины, не спонтанно, огненные куски лавы падают не в хаотическом порядке, а горячий пар поднимается не сам по себе. Остров-вулкан своего рода часть Творения, временно оккупированная адом. Не «тонкое место» встречи неба с землёй, а – проклятое, где преисподняя прорвалась в мир. Кульминация ужаса – сцена, в которой демоны хватают «третьего из опоздавших» на соседнем островке. Они отличаются от кузнецов, поскольку принадлежат уже какому-то иному уровню в этой тёмно-огненной иерархии. Дело здесь, похоже, в кузнецах.

Мифологии известно немало образов кузнецов, связанных с подземным миром. От греческого бога Гефеста до скандинавского Вёланда и кельтского бога-оружейника Гойбну у ирландцев (валлийский Гофаннан). Кузнецы и кузнечное дело в дохристианской Ирландии почитались, поскольку люди, там трудившиеся, имели таинственную связь с друидизмом; их наделяли сверхъестественными дарами и, в сущности, они представляли собой особую жрецкую подкасту. Если на Острове Трёх Хоров (см. *Кораблик 10*) мы обнаруживаем остатки школы филидов-поэтов, их, так сказать, «христианскую транскрипцию», или последователей *Céli Dei*, то на Острове-вулкане помещены, ни много ни мало, поверженные кельтские боги в соседстве с обитателями библейской огненной геенны.

Можно сказать, что отношение к преисподней в кельтском христианстве Средневековья имело свои оригинальные черты. Предание, посвящённое святому Коламбе Айонскому, одному из самых известных и почитаемых иро-шотландских святых (его называли «Голубь Церкви»), рассказывается, что однажды, желая оградить монастырь на острове Айона, преподобный распорядился возвести высокие стены. Целый день работали монахи, и одна стена была готова. Но наутро от постройки ничего не осталось. Святой имел чудесное видение, из которого понял, что закончит задуманное, лишь подчинившись древней традиции: следовало похоронить под фундаментом живого человека. Он вызвал

добровольцев, но только его любимый ученик Оран согласился принести такую жертву. Хотя Коламба очень расстроился, погребение совершилось, и работы продолжились. Спустя три дня, всё еще горя об ушедшем друге, святой повелел открыть лицо Орану для прощального взгляда. Когда лицо открыли, губы покойного произнесли сокрушающие слова: «Небо не такое, каким его описывали, и ад не такой, каким его все считают». Придя в ужас от подобного святотатства, Коламба тотчас повелел: «Землю, землю в рот Орану, чтобы он больше не болтал!»⁷⁴.

«Плавание» можно считать первым литературным документом, имеющим отношение к христианизации Исландии. Историческим – является книга Дидуила, монаха-кельта из монастыря святого Коламбы (о. Айона), «Об измерении земли» («De Mensura Orbis»). В 825-м году Дидуил писал о *raras* – ирландских отшельниках, поселившихся на Фарерах и острове Туле (Thule, Исландия; «лежит к северу от Британии на расстоянии шести дней плавания»⁷⁵), которым пришлось бежать, «побросав имущество», от набегов викингов.

«Книга захватов Исландии», посвящённая миссии норвежцев святого Олафа, – более поздний памятник (XII в.), рассказывает о событиях 1000-го года. В той же «Landamabok» и в «Cage о Сампсоне Прекрасном» (ок. 1350 г.) сообщается, что в 1194-м году судно с несколькими моряками, возвращавшимися из Исландии в Норвегию, было отнесено далеко на север, и после долгих дней

Скала около мыса Дирхолаэй

74 Прот. Александр Шабанов. «Голубь Церкви»: Святой Коламба Айонский, просветитель Шотландии. – Тверь: ФВПК «Миссия», 2004. – С. 183.

75 Джексон Т.Н. Ultima Thule в западноевропейской и исландской традициях // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 2005.

изматывающего шторма их прибило к какой-то неведомой суше, острову, расположенному между Гренландией и Биармией.

Тим Северин обширно цитирует Дикиула и, руководствуясь собственными строго рационалистическими соображениями, эпизод с Островом Кузнецов рассматривает следующим образом.

Курс его экспедиции, проложенный «по следам святого Брендана», вывел судно Северина к южным исландским берегам, где «фиксируется наибольшая вулканическая активность»⁷⁶. Такой расклад вполне возможен, учитывая, что ирландские перегрины вообще всё время «кружили» (шли, напомним, без компаса, по звёздам), а значит, после встречи с айсбергом у Гренландии могли пройти в обратном направлении.

«Морское дно в означенном районе испещрено точками контуров потухших вулканов, и протянувшаяся от Кейфлавика далеко на юго-запад Рейкьянесская гряда почти всецело вулканического происхождения»⁷⁷. Северина чрезвычайно «занимал» новый крохотный островок-вулкан Суртсэй, стремительно возникший из-под атлантических вод в ноябре 1963-го года. Рождение этой «океанской кузни» сопровождалось «вознёсшимся на 10 км облаком пара, взлетающими на высоту 2,5 км, а затем падающими в море вулканическими глыбами под грохот глухих взрывов». За вулканом тогда наблюдал Сигурд Тораринссон, учёный-вулканолог, который и поделился с Северином любопытными размышлениями. Он считал: «Судя по описанию святого Брендана, монахи подошли очень близко к очагу извержения. А это значит, что оно было подводным – ведь на лодке они никак не могли приблизиться к вулкану, расположенному на суше. Описание саги подходит только к «Огненной горе», поднимающейся со дна океана»⁷⁸.

В Исландии 27 вулканов, и на юге находится известный с IX века Гékла (Hekla, 1-ое фиксированное извержение – 874 г.), получивший в Средневековье название «Ворота в ад». Всего Гекла «действовал» 20 раз; последнее извержение произошло в 2000-м году. Памятный многим европейцам по 2010-му году Эйяфьядлайёкюдль расположен восточнее Рейкьявика, практически на побережье. Как прототип Острова Кузнецов они не заинтересовали путешественника, но Тим Северин нашёл оригинальное решение касательно места гибели «третьего опоздавшего». «Третий монах – пишет Северин, – выпрыгнул из коракла и поплыл к высокой скале, выраставшей из воды, где его и схватили демоны». То есть «ир-

76 Северин Т. Плавание на «Святом Брендане».

77 Там же.

78 Там же.

ландские монахи наблюдали вулкан (ещё, видимо, один. – *Авт.*), находившийся на суше недалеко от «Острова кузнецов»... они могли очутиться у подножия отвесных скал мыса Рейкьянесс, расчёрченных трещинами на угольно-чёрные блоки, или же у крутых тёмных скал мыса Дирхолаэй. Последний, достигающий ста метров в высоту, представляет собой броский ориентир на плоском невыразительном берегу. И в наши дни адмиралтейская лоция перекликается с «Плаванием», описывая тёмную скалу Дирхолаэй как «крутой, словно стена, мыс, выступающий к югу на два кабельтовых (370 м.) от прилегающего побережья». Скала осталась, а «остров – кузнечный горн» ушёл под воду. И, доводя рационалистические размышления до логических, как это чаще всего бывает, заблуждений, Северин говорит: «Что же до монаха, схваченного «демонами» и объятого пламенем, то похоже, что какого-то члена команды настиг поток лавы, или же он опрометчиво ступил на тонкую застывшую корку и провалился в раскалённую массу»⁷⁹.

С точки зрения литературоведческой, в эпизоде с Островом Кузнецов произошло слияние двух основных жанров древнеирландской литературы: имрама и эхтрая. Первый посвящался длительным фантастическим путешествиям, второй рассказывал о различных приключениях эпических героев в загадочных землях или «пропастях земных», попасть в которые можно было только через холм (сидх) или могильный курган. Кельтская вера в то, что происхождение человека связано с богом смерти и его подземной страной, упомянута ещё Цезарем в «Записках о галльской войне». По мере христианизации Ирландии древние представления подвергались определённой «редакции». Языческие боги превращались в легендарных царей, чьи имена включались в исторические анналы, а представления о загробном мире наполнялись библейской символикой. Для средневековой аудитории, следующей за маршрутом святого Брендана, все эти тонкости были не очевидны. Читателям вообще не предлагают заглянуть в адские владения, не пугают огнём, вмёрзшим в лёд Люцифером и т.п. Даже концепт «Чистилище» к моменту создания Бренданианы ещё не был детально разработан. Свидетельствовать о близости (в том числе географической) преисподней, её реальности и ужасающей воображение многомерности – было основной задачей. Не запугивать разнообразием наказаний, но сообщить об их существовании планировали авторы «Плавания» и «Путешествия», для чего им казалось недостаточным описать «адские врата», и они выпускают из геенны в «однодневный отпуск» Иуду Искариота.

79 Там же.

Книжная миниатюра из Аугсбургского издания, 1476 г.

Плавание

Эпизод 13

Прошла ещё неделя Плавания в неприветливых водах, пока воскресным утром, после молитвы, пилигримы не обнаружили совсем крохотный островок, даже, скорее, просто камень, поднимавшийся из моря. На нём, скрючившись, сидел человек. С большим трудом ему приходилось удерживаться на этом клочке суши. Волны и ветер нещадно хлестали измождённое тело, а когда небо очищалось и устанавливался штиль, начинало нещадно припекать солнце. Корабль приблизился так, чтобы можно было слышать голос незнакомца. «Кто ты и почему оказался здесь? – спросил его святой Брендан. – Верно, тебе нужна помощь?» Человек отрицательно покачал головой: «Нет, благодарю за ваше сочувствие, но для меня такое положение – уже большое счастье». «Чему можно радоваться, сидя на этой голой скале без пищи и воды?» – удивился преподобный. «Знайте, странники, – вздохнул человек, – меня зовут Иуда Искариотский. Я тот самый предатель Христа и здесь нахожусь только по великой милости Господа. Для облегчения адских страданий мне позволено в праздничные седмицы Пасхи и Троицы, а также каждый раз с вечера субботы и по вечер воскресения, покидать преисподнюю и проводить время на этой скале. Помолитесь обо мне Господу. Пусть он запретит бесам меня мучить, прежде чем закончится вечер воскресного дня. В своей жизни я сделал только два добрых дела. Однажды пожалел нищего и отдал ему свою одежду, отчего сейчас и сам одет. В другой раз мне удалось построить мост через бурный поток, поэтому морские волны не могут поглотить меня, великого грешника. Плывите с миром, здесь вам не место». Жестом преподобный приказал команде трогаться, и они оставили Иуду.

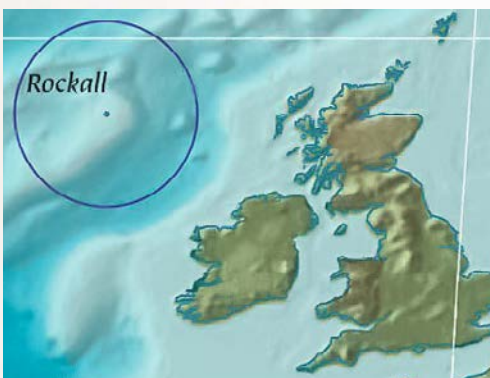
КОРАБЛИК

13

Ни одна из латинских и национальных европейских версий-переводов, ни один из поэтических или прозаических вариантов Бренданианы встречу святого Мореплавателя, произошедшую в акватории Ада с Иудой Искаротским, не изъяли и даже не завуалировали её детали. Описанная в «Плавании» и «Путешествии», она продолжает вызывать пристальный интерес, связанный, конечно, с попытками переоценить фигуру главного предателя Нового Завета и если не реабилитировать, то как можно более убедительней оправдать Иуду. От секты II века каианитов до наших Леонида Андреева, С.Я. Надсона и различных постмодернистов эти попытки время от времени осуществляются. Если в ближайшие десятилетия от берегов Великобритании, Дании или Исландии начнутся «паломничества» к «месту наказания Иуды», на остров-скалу Рокколл (Rockall) в Атлантике, удивятся лишь те, кто о святом Брендане не слышал совсем ничего.

Расположенный в 300-х милях западнее Англии, в океане, этот обломок суши, вероятно, вулканического происхождения, площадью 570 м², диаметром 30 м, возвышается над водой на 23 метра. Скалистый со всех сторон, исхлётанный ледяными волнами, лишённый растительности и источника пресной воды, он иногда посещаем перелётными птицами, но постоянной колонии живых существ на нём нет. Тим Северин к Рокколлу не подплывал, поскольку описанный в «Плавании» Остров Иуды никакими особыми отличительными характеристиками не обладал, да и находился далеко от маршрута Северина. Безо всякой «привязки» к Иуде в XX веке христианские государства затеяли тяжбу о праве владения Рокколлом. Пока она не завершена.

В «Житии святого Брендана» (Vita Brendani) встреча с Иудой упоминается, но вопрос, который задаёт святой предателю,

Остров-скала Рокколл

Скала Роккол

несколько странный. Он спрашивает его о погоде в Аду. «Настолько же она отвратительна?» Брендан видит, как «жестокие и холодные волны» терзают прикованного к скале, и проявляет любопытство, свойственное всем жителям островов Северо-Запада, с их прохладным и дождливым климатом, лишь только разговор заходит о капризном небе. С точки зрения обитателей малоа-

зийских и ближневосточных земель, уместнее было бы говорить про огонь и «адскую жару», но «Житие», будучи более «строгим» нарративом, детали наказания не сообщает, ограничиваясь упоминанием невыносимо холодного климата. В нём вообще отсутствуют и «добрые дела Иуды», и заступничество Брендана. Авторы «Бренданианы» располагали другими текстами и использовали иные предания.

В IV веке появился так называемый «Апокалипсис Павла» – апокриф, имеющий прямую связь с отрывком из Павлова послания Коринфянам, где идёт речь о человеке, восхищенном «до третьего неба» (2 Кор., 12). Этот апокрифический текст сообщает про «видения» самого апостола, в которых ему, сопровождаемому архангелом Михаилом, показаны райские наслаждения праведников и мучения грешников преисподней. В аду текут огненные и ледяные реки. Павел «Апокалипсиса», преисполненный сострадания к несчастным, просит архангела умолить Христа о даровании им воскресного отдыха от тяжких наказаний, на что получает согласие Спасителя. Происходит это «ради самого Павла». Текст апокрифа имел сирийские, эфиопские, коптские и латинские копии. Автор «Церковной истории», грек Созомен (†450), сообщает, что «Апокалипсис Павла», хотя и не признается древним, но всё ещё ценится большинством монахов, то есть, используя современную терминологию, этот апокриф входил в корпус «душеполезных книг». Блаженный Августин относился

к рукописному преданию недоверчиво и иначе как «пустыми сказками» его не называл⁸⁰. Сомневался относительно «Апокалипсиса Павла» и Геласий I, папа Римский (†496), не включивший книгу в свои «Декреталии» (латинский канон Библейских текстов (V век) – *Gelasian Decree*).

Ле Гофф считал⁸¹, что этот апокриф IV века, который, без сомнения, лишь только зафиксировал широко распространённые и кочующие с античных времён идеи, имея огромное влияние на средневековую литературу, разработавшую вопросы «жизни после жизни» вообще и особенно Чистилища.

Авторы «Плаванья» и «Путешествия» вполне могли быть осведомлены и о существовании двух других, уже ирландских, текстов IX – X веков. Особенно это касается кельта-составителя «Плаванья», наверняка читавшего по-ирландски и с литературой Зелёного Острова знакомого без сомнения. В изолированных Шотландии и Ирландии распространялось немало апокрифов, осуждённых на континенте. Среди них особой популярностью пользовался текст «Видение Адамнана» (*Fis Adamnain*), в котором рассказывалось, как душа Адамнана (подразумевается, что это преемник святого Коламбы Айонского и автор его жития) выходит из тела, и Ангел-хранитель показывает ей Ад и Рай. Когда же она, восхищённая светлыми обителями неба, просит оставить её в местах блаженств, сопровождающий повелевает душе вернуться обратно в телесную оболочку, для того чтобы про всё увиденное сообщить живым христианам.

Второй текст представляет ещё больший интерес. Это так называемое «Трёхчастное житие святого Патрика» (*Tripartite life of st. Patrick*), написанное по-ирландски, как и «Видение Адамнана», датируется 855-901-м годами. С V по VIII века кельтские монахи как поэтические, так и прозаические свои записи, глоссы, делали на знаменитых Вюрцбургских, Миланских и Сент-Галленских кодексах. Наиболее известен, кроме «Видения», текст «Книги Армы» (конец XII в.). После Собора в Уитби 664-го года, англо-саксонских завоеваний и кризиса, вызванного внутренними проблемами, ирландские христиане, те из них, что не отправились с миссией в Европу, использовавшие прежде исключительно латынь, обратились к родным наречиям (это коснулось и кельтов острова Мэн, Уэльса, Бретони, Шотландии), что, естественно, наложило отпечаток на содержательную часть новых, не романизированных текстов.

80 *Tractatus in Joannem*. G.8.8.

81 См.: *The Birth of Purgatory*.

В том, что «отдых» Иуды происходит именно с «вечера субботы до вечера воскресного дня», ничего удивительного нет. Для христианской кельтской традиции суббота была особенным днём. Строгое следование в исполнении 4-й заповеди Декалога и вообще очень серьёзное, благоговейное отношение к Ветхозаветным историям, уложениям, практикам, вплоть до XI века оставалось характерной иро-шотландской чертой. В одном из самых важных текстов Кельтской церкви – «Житии святого Коламбы Айонского» Адамнана (VII век) – приводится диалог святого игумена с келейником Диормидом накануне кончины преподобного. «В книгах, – говорит Коламба, – сегодняшней день называется суббота, то есть покой. И для меня он действительно суббота, поскольку последний день моей теперешней насыщенной жизни. После тяжёлых многолетних трудов я храню покой, а в полночь наступающего благословенного воскресенья мне, выражаясь языком Писаний, предстоит совершить путь к праотцам. Господь уже ждёт, и я отойду в эту полночь»⁸². Собственной смертью святой Коламба не хочет нарушить Ветхозаветного шаббата – дня особого поклонения Богу.

Кельтское богословие воскресного дня и субботы больше тяготеет к восточному. Римляне подчёркивали неспражничный характер субботы, совершая пост. Многие предпринимая (счисление Пасхи, тонзура, литургические практики и т.д.) для сохранения собственной анти-римской независимости, ирландцы отказывались от идеи замещения субботнего дня воскресным, предпочитали восточные положения. К примеру, они могли руководствоваться 55-м правилом Трульского собора (691-692 гг.), отменившим практику субботних постов. Или поддерживать позицию Константинопольского Патриарха Фотия, который в своём знаменитом «Окружном послании» 867-го года говорил: «Первая их (римлян) неправда – субботний пост, что не только в малом отвергает Предание, но и обнаруживает пренебрежение учением в целом». В XIII веке утверждение о том, что воскресенье «замещает субботу», оформилось благодаря святому Фоме Аквинату (хотя он говорил больше о «духовной субботе»), а канонически его запретил Тридентский Собор в 1563-м году.

Можно предположить, что «отдых» Иуды приходился на субботний день не в связи с Ветхозаветными аллюзиями автора «Плавания», а имел отношение к воспоминанию событий Великой Субботы, когда Церковь вспоминает сошествие во Ад Христа.

82 См.: Прот. Александр Шабанов. «Голубь Церкви» святой Коламбы Айонский, Просветитель Шотландии. – Тверь: ФВПК «Миссия», 2004. – 364 с.

Тем более что коракл святого Брендана всё ближе и ближе к Земле Обетованной Святым.

Видимо, эпизод встречи с Иудой имел свою привлекательность, поскольку давал не просто повод к разговорам и фантазиям на всегда деликатную тему «Божьего наказания грешникам», но рождал и некую надежду у вконец отчаявшихся христиан. Иуда Бренданианы не выглядит закореневшим предателем: он самый несчастный из грешников, который смиренно принимает наказание и благодарен Богу за «передышку». Он не освобождается из ада, не принимается на небо, а находится в некоем срединном месте. Иуда, и «Плавания», и «Путешествия», не совпадает с евангельским предателем и отличен от средневековых образов. Он не лжёт Брендану, раскаивается в своих прошлых преступлениях и, так сказать, по человеческой своей страдающей природе (хотя он по ней и должен быть мёртв), просит спасти его от последующего дня мучений. И Брендан молится за Иуду Искарриота, прося не о помиловании, а о смягчении наказания.

Определённый духовный смысл скрыт в этом эпизоде. Скорее всего, речь здесь идёт не столько об Иуде, сколько о том, на что должен быть готов отправляющийся к Земле Обетованной Святым путешественник. К лишениям, опасностям, ужасам, встречам с чудовищами и бесами – да. Но этого оказывается недостаточно. Пилигрим, белый мученик, должен найти в себе силы и милосердие для молитвы, не за Иуду лично – это было бы безумием, но за облегчение его страданий. Бывшего, но человека. Преодолев внешние, реальные опасности, для того чтобы сойти на заветный берег, святой Брендан проходит одно из самых суровых испытаний на милосердие.

К тому же аудитория обоих нарративов, как и клонфертские монахи, понимает, что привязанный к скале «отдыхает» от самого наказания не просто так, а за добрые дела, совершённые им ещё при жизни. Значит, возникает дополнительная надежда на то, что Господь принимает во внимание всё совершённое человеком в жизни. Но никакой особой симпатии к предателю у знакомящихся даже с этими деталями не возникает. Более их могло бы заинтересовать сравнение скалы Иуды с островом-вулканом. Добро и зло в том эпизоде довольно чётко разведены. Никаких симпатий к тому самому «третьему опоздавшему» проявить нельзя, хотя за что он так жестоко пострадал – так и остаётся загадкой. В данном случае, хотя перед читателем и самый что ни на есть последний грешник, что-то в его положении специфичное, указывающее, намекающее на «нейтральную территорию» между добром и злом. (Такой кельтский намёк на Чистилище.)

Следует отметить, что в отношении к Иуде «Путешествие» более строго. Двенадцатикратное причитание предателя вызывает у Брендана слёзы, но при этом сами его пытки описаны не вскользь, как в «Плавании», а детально. Шесть дней адских мучений – некое отражение ситуаций, в которых Иуда является свидетелем страданий Христа, и каждый такой эпизод начинается словами: «когда я видел». Но то, чему очевидцем становится в океане святой Брендан, для самого преступника не наказание, а часы отдыха от ужаса, о котором и думать невыносимо.

В трёх рукописных копиях «Путешествия» можно обнаружить и своеобразные графические украшения – заглавные буквы. Каждый день мучений Иуды украшен таким титлом, что, конечно, вносило разнообразие в зрительное восприятие манускрипта и позволяло читающему его вслух производить специфические тональные, голосовые ремарки. (Кстати, эту «голосовую» традицию мы сохраняем в церковном Богослужении до сих пор.) Самое поразительное, что здесь святой не просто «просит» за Иуду, но «запрещает» бесам наказывать его больше, чем должно.

Впрочем, автор «Плавания» не принадлежал к числу тех, кто был уверен в невозможности искупления иудинного греха.

Складывается такое впечатление, что во время разговора святого Брендана с Иудой остальные монахи не просто молчат, но вообще куда-то прячутся. Нет ни обращения их к своему кормчему, ни каких-либо комментариев. В тексте «Путешествия» они даже не упомянуты, словно преподобный находится в некой пограничной области и беседует с предателем один на один. Клонфертская братия остаётся всего лишь фоном, литературной деталью, необходимой условностью. Более важным является духовный аспект: прошлое встречается с настоящим, которому предначертано заглянуть в будущее. Святой Брендан – современная ему Кельтская Церковь – беседует с древнейшим врагом истории, получает недвусмысленный урок относительно воздаяния и загробной участи грешников, для того чтобы иметь возможность ступить на Землю Обетованную Святым, и как последнее испытание – просьба Иуды. Её выполнение не условие, не искушение, тем более, не цена, но – для читателя Бренданианы – отклик святого на просьбу предателя, не о прощении, а всего лишь о послаблении мучений, определённое значение, безусловно, имел.

«Субботный отдых» Иуды – эпизод, оригинально придуманный автором «Плавания», усложнённый, так сказать, расцветченный в «Путешествии», – предпоследний урок Океана и необходимое назидание.

Плавание

Эпизод 14

а другом острове пилигримов ожидала иная встреча.

Прошло несколько дней, пока достигли каменистого клочка земли и высадились на берег. Осмотревшись, решили сперва попробовать разыскать пресную воду и наполнить дорожные меха. Но не успели отправиться в путь, как навстречу им вышел высокий человек, почти без одежды на необычайно белом теле. Лицо пришельца сияло, словно ангельским светом. Человек поклонился и просил благословления у святого Брендана. «Как зовут тебя, незнакомец? – спросил преподобный. – За годы странствия мы видели множество островов, но сюда добрались впервые. Расскажи о своей жизни и делах».

«В крещении меня нарекли Павлом, – начал свой рассказ пришелец. – Вот уже девяносто лет я живу на этом острове, по воле Божией, и дни мои полны молитв и созерцаний. Кроме мха да сорной травы, здесь ничего не растёт. Первые тридцать лет, так устроил Господь, одна выдра приносила мне каждые три дня рыбу, которую я пёк в золе костра. Потом, однажды, из расщелины в скале пробился источник удивительно вкусной воды. Я стал её пить и вот уже шестьдесят лет не нуждаюсь ни в какой другой пище. Мне не холодно зимой, а летом скалы отбрасывают тень, в которой можно переждать полуденный зной; от дождя и шторма укрываюсь в пещере. Мы с вами соплеменники. Давным-давно в Ирландии я принял монашество и подвизался в монастыре святого Патрика. Нелёгкое послушание

выпало на мою долю. Я был могильщиком и провожал в последний путь своих братьев. В один из дней, когда умер кто-то из иноков, я отправился на кладбище копать могилу в указанном месте. Работа продвигалась; уже половина склепа была готова, как вдруг меня окликнули по имени. Обернувшись, я увидел благообразного старца, стоявшего за холмиком свежей земли. «Павел, – сказал он, – оставь это место, оно предназначено для другого монаха, а сам ступай и рой усыпальницу там, где я тебе укажу». Это был совершенно незнакомый человек, но его голос, в котором чувствовались уверенность и сила, заставили меня выбраться из недовырытой могилы. «Кто ты?» – спросил я старца. «Как? – удивился он. – Ты не узнаёшь своего игумена?» «Мой игумен – святой Патрик», – был мой ответ. «Его ты и видишь, – сказал старец, – вчера наступила моя кончина, и здесь меня похоронят. Ты же иди на берег моря, там найдёшь лодку. Садись в неё, доверься волнам, и они доставят тебя в то место, где будешь жить до дня своей смерти». Так я и сделал. Не помню, сколько времени судёнышко носило по океану, пока волны не прибили меня к этому острову, где теперь оказались вы».

Выслушав удивительный рассказ отшельника Павла, преподобный с братией поклонились, и святой сказал: «Отче, прости, если наше появление помешало тебе. Никогда прежде мы не встречали пустынников, совершающих такой подвиг. Ты великий анахорет. Благослови своих соотечественников. Пусть будут мирными твои оставшиеся дни, а нам следует плыть дальше». Отшельник Павел благословил всех и простился с каждым из peregrinov, называя их при этом по именам.

КОРАБЛИК

14

*На Запад ветер гнал корабль, спасая
Бегущих от костров и моря.
И здесь они сошли на брег, в изнеможены,
И застолбили кряжистую землю...*

Дерек Махун
(Перевод Григория Стариковского)

В том, что последним из живых людей кельты-пегрины встречают ирландца, ничего удивительного нет. Трудно вообще представить, кто бы мог оказаться у входа в Землю Обетованную Святым, кроме монаха из монастыря святого Патрика. Принявший на себя подвиг «белого мученичества» – странствия ради Христа – отшельник Павел к эремитам Египта и Сирии прямого отношения не имеет, но его имя не случайно созвучно другому Павлу – подвижнику Фивейской Пустыни. Ирландец мог быть, как уже замечалось выше, вдохновлён аскетикой восточных пустынь. Но уже сам по себе его рассказ о «кладбище», могилах, явлении святого Патрика, утлой лодке, подгоняемой хлёткими волнами холодного моря, – неотделим от загадочных историй – сумерек

Донегал (Donegal), западное побережье Ирландии. (Фото автора)

и дождевых пейзажей Ирландии. Таинственность повествования возрастает, когда читатель понимает: скитания, продолжительная, исполненная благодатного Божьего присутствия жизнь дана была Павлу-отшельнику именно ради этой встречи со святым Бренданом, который о ней-то и рассказал по своём возвращении другим христианам-ирландцам. И «Плавание» и «Путешествие» подчёркивают, что по завершении пути святой приплывает не просто в мир людей, а на Родину, на Эйре. В «Путешествии» Павел сообщает о том, что, прежде чем уединиться в океанском затворе, он 50 лет жил «в миру» (таким образом, к моменту встречи ему 130 лет) и, «желая послужить Богу», однажды нашёл лодку для своего путешествия-исхода. Ещё автор континентального нарратива рассказывает, как отшельник приветствует братьев «мирным лобзанием», причём называя каждого по имени, открывшемуся ему свыше.

В этой встрече обычная для ирландской христианской литературы парадоксальность: прибывшего встречает прежний странник, который, вдобавок к тому, является посланником из другого времени, другого мира. Первое «обращение» Павла адресовано непосредственно святому Брендану и его спутникам. Они должны знать, что путешествие завершено. Предел обитаемой ойкумены достигнут. Про дальнейшие встречи, опасности и чудеса peregrины ничего не услышат от аскета. Тайны Океана завершаются. За Островом Обетованным Святым нет земель или об их существовании именно сейчас знать не обязательно. Второе – касается уже аудитории «Плавания» и «Путешествия»: для того чтобы оказаться хотя бы только около заветного острова, человеку в этой жизни необходимо с помощью аскезы, молитвы и послушания (в данном случае это выполнение благословения святого Патрика) приблизиться духовно и «географически» к Богу. В Святом Причастии отшельник уже не нуждается, и ни в одном из нарративов Литургия на его острове не совершена.

Из всех эпизодов «Плавания» – этот наиболее реалистичный, хотя наполнен различными сугубо церковными и библейскими аллюзиями. Читатель, внимательно отслеживающий ход событий, запоминая детали, непременно отметит, что эта встреча происходит перед самой Пасхой и для святого Брендана Павел-отшельник – последний человек земного бытия. Лучший христианин, монах, что, в отличие от клонфертского игумена, уже не нуждается ни в пище, ни в одежде. Из источника бьёт вода, которая утоляет жажду и продлевает годы жизни. Обе версии Бренданианы описывают северо-западного эремита обнажённым и покрытым волосами, словно он изъят из историй египетских

пустынножителей. Источник на его острове, как и все ключи, колодцы, родники «Плавания», «Жития святого Брендана», нынешней Ирландии – не только знак Божьего присутствия в Творении, но символ евангельской «живой воды» и необходимое условие продвижения к Земле Обетованной.

Альфред Теннисон, «самый печальный из английских поэтов» (Т.С. Элиот), в «Плавании Майль-Дуйна», рискуя окончательно запутать своего читателя, перемешал христианское «Плавание» с народными поэтическими версиями истории Майль-Дуйна. У него получилась замечательная по тональности и содержанию поэтическая картина:

*Пришли мы к Острову Старика, что плавал
С Бренданом святым:*

*Он жил безотлучно на том берегу, и было ему
триста зим.*

*Он так смотрел и так говорил, как ангелы лишь говорят,
Его борода доросла до земли, седые власы – до пят...*

(Перевод Григория Кружкова)

И дальше старик будет говорить о смерти отца героя, необходимости покаяния и возвращения. Ирландский же текст сообщает про встречу на острове Майл-Дуйна с ветхозаветными пророками Енохом, Илиёй, которые там ожидают дня схватки с воцарившимся на земле Антихристом.

После пространных наставлений:

*Святой старик отпустил нам грехи,
И мы молитвы прочли
И, край бороды его поцеловав,
Уплыли от той земли.*

Существует принципиальное различие между водами источников, упомянутых в нарративах. На «Острове Аилбе» (см. *Кораблик 6*) паломники находят два колодца. Вода первого тёплая и пригодна для омовений. Вторую можно пить, но преподобный, понимая причины жажды братии, предостерегает своих спутников от немедленного её утоления. И делает это не из-за угрозы нанесения вреда здоровью (после долгого морского перехода паломники просто обезвожены), но по причине нравственного порядка. Взятая без разрешения монашеской островной общины, она может считаться украденной. Путешественники пьют воду, только уже получив благословение святого. На острове «Птичий Рай» (см. *Кораблик 5*)

источник доступен без всяких оговорок и, отправляясь в дальнейший путь, ирландцы просто «наполняют свои флаги».

Между «застывшим миром» (см. *Кораблик 8*) и «Острове Овец» упоминается остановка на некой полоске суши, где находился источник с пьянящей водой. Ни живого, ни ангельского существа перегрины на нём не встретили. Едят братья пойманную рыбу, собранные по болотистым берегам реки коренья и «запивают всё большим количеством воды». Отчего буквально все они, кроме святого, вскоре «рухнули на землю». Сам по себе этот остров напоминает землю, которую описывал в своём рассказе Баринд. Он своего рода временная передышка. Ничего чудесного, важного с перегринами не происходит, но, сохраняемые от внешних напастей, монахи попадают в искушения духовного характера. И читатель понимает: даже если вода источника чиста, пища и травы хороши, но христианин не соблюдает послушания (в этом случае пренебрегает предостережением игумена), то дело кончится печально – он «оцепенеет» и станет бессилён в своей недвижимости. Кстати, это практически единственный момент «Плавания», где искушению подвергаются все иноки, а не только те трое «прибежавших в последний момент». Своей молитвой их спасает преподобный Брендан.

Но самое важное наблюдение авторов Бренданианы заключается в том, что все источники «Плавания» и «Путешествия» природного происхождения, и доступны любым странникам, страдающим жаждой. Вода в них – Дар Божий, ею можно умыться, её можно пить. На острове Павла всё иначе: монахи не прикасаются к этой воде, не набирают с собой в дорогу. Вода «однажды пробилась из расселины», то есть и остров был особый, и ключ в скале (ещё один библейский мотив) Господь устроил специально для своего анахорета.

Обе версии рассказывают про выдру, что в нону (то есть 9-й час, от 16.00 до 18.00) приходит на задних лапах и приносит отшельнику рыбу, которой он питается долгое время, черпая воду из островного источника. В ирландском фольклоре выдра ассоциировалась со всезнанием, поскольку кельты считали, что она спит с открытыми глазами и ничто не минует её незамеченным. К моменту встречи двух кельтских святых пища Павлу уже не требуется, но текст повествования про морского зверька, с такими важными подробностями, сохранился. В Священном Писании упомянуты вороны, приносившие хлеб пророку Илии (*3 Царств. 17.2-6*), что имеет отношение к символике Хлеба Небесного, посылаемого праведнику в пустыню Господом. Северо-Западные пространства Европы «вписывались» в общехристианскую ойкумену, накладывая свои неповторимые поэтические штрихи на «текстуальную карту» северных земель. То,

что указан час смиренного появления выдры (она ведь приносит рыбу «на задних лапах»), можно расценивать как намёк на соблюдение отшельником монашеского богослужебного устава, делившего время суток даже на пустынном острове. Чудесным образом пропитание получали и монахи «Общины Аилбе» (см. *Кораблик 6*), не голодали обитатели «Острова Трёх Хоров» (см. *Кораблик 10*), но если говорить о «мере благочестия» и последующей за ней наградой, то именно здесь, у порога Земли святых, она вознаграждается в избытке.

Святой Кутберт

Кельтская агиография знает ещё одного святого, в чьём житии выдра появляется как символ Божьей заботы и милости за аскетические подвиги. Это святой Кутберт Линдисфарнский, покровитель Нортумбрии (иногда его, по ошибке, называют «англо-саксонским»). Он скончался в 687-м году (память 20 марта), а до того как стал известнейшим миссионером на северо-востоке Британии, подвизался в затворе на острове Фарн. Там святой Кутберт выдолбил себе две келии в скале, спал одну «ночь из трёх или четырёх», для чего, погружаясь в ледяную воду океана, пел Псалмы. А утром к нему приходили выдры и одеревеневшее от мороза тело отшельника вылизывали, согревая своим теплом. Выдр много в Ирландии, как речных, так и морских. Кельтская мифология сохранила историю о сказочном превращении Тайлесина в этого зверька и о Короле Выдр. Легенды Скандинавии имеют свои рассказы про выдр. Везде это животное почитается как обладающее свойствами «защитника, даже – целителя». Водятся выдры и на островах Атлантики. Пилигримы «Зелёного острова» могли встретить их как на Фарерах, так и на берегах Ньюфаундлена, то есть северо-восточной Америки, правда, в последнем случае это была бы не морская, а речная канадская выдра.

Отшельник Павел и предатель Иуда – не что иное, как символическое отражение двух крайностей человеческой природы. Они словно два зеркала, которые предлагаются святому Брендану, его спутникам и, конечно, читателям. В этих зеркалах мы рассматриваем своё собственное отражение и даже делаем выбор. Они показывают предположительное будущее неофиту, испытывают веру воцерковлённого, его способность к милосердию – Иуда – и уровень возможной и необходимой святости – Павел.

Плавание

Эпизод 15

обытия последующих месяцев большой разнообразностью не отличались. Пасху иноки встретили на спине кита Якониуса, повидались с хозяином Острова Овец, посетили Птичий Рай и, по окончании Троицкой седмицы, вышли в море. Наступил седьмой год Плавания. Коракл, как ни старались переплыть вовремя его подлатывать, уже не казался столь крепким и надёжным, но, ведомые Богом, они с надеждой смотрели в океанские просторы. Через несколько недель, ясным солнечным днём, преподобный увидел нечто напоминающее остров. Точнее так: сначала показалось, что над морем сгустился туман и на волны опустилось лёгкое белое облако огромных размеров, но по мере приближения коракла стали различимы береговая линия, зеленые холмы, а потом уже и деревья. Ветерок, спешивший навстречу, донёс запах свежести и фруктов. Преподобный распорядился убрать парус; медленно, на вёслах, переплыть подошли к неизвестной земле.

Солнце стояло в зените, но его лучи не казались палящими. Мягкий свет изливался на остров, и множество камней, видневшихся среди травы, сверкали, словно слитки золота или хрусталя. Монахи осторожно сошли на твёрдую почву. Что-то удивительное происходило в их сердцах. Покой и радость наполнили души переплыть, и ни усталости, ни жажды они более не чувствовали. Прозрачный, наполненный тонкими ароматами воздух, подобно целебному бальзаму, вливал новые силы и очищал разум от

тревожных мыслей. «Братья, – сказал святой, – перед нами страна, которая так напоминает ту, о которой в Ирландии нам рассказывал Баринтус. Оставьте на берегу вещи, инструменты и следуйте за мной». Иноки опустили мешки и отправились за своим настоятелем. Чем дальше пeregрины продвигались вглубь острова, тем прекрасней и разнообразней открывалась его природа. Высокие деревья, увешанные крупными спелыми плодами, расступались; на полянах среди травы виднелись яркие ягоды, ореховые кустарники сменялись виноградниками, а камни под ногами путешественников и точно были драгоценными. Услышав какой-то шум, пeregрины обогнули поросший яркими цветами холм и вышли к небольшому ручью. Крупные серебристые лососи выпрыгивали из его вод, сверкая на солнце своей чешуёй. Иноки залюбовались этой картиной, напомнившей ирландские лесные реки, полные рыбой. Время летело незаметно, пока, передвигаясь по загадочной стране, клонфертская братия со своим капитаном не дошла до широкой реки с быстрым течением. Ни лодки, ни плота не было видно.

«Как же переправиться на другой берег?» – спросили иноки преподобного. Тот ничего не ответил, а мелодичный голос неизвестно откуда появившегося юноши заставил всех обернуться. «Служители Божии, – сказал юноша, – вам посчастливилось попасть в Землю Обетованную Святым. Редко кто из живых удостоивается этой милости. За вашу стойкость в вере, терпение и любовь Господь позволил увидеть место вечного блаженства, где солнце никогда не заходит и нет ни жары, ни холода, ни несчастий. Но далее реки, что пополам разделяет остров, идти нельзя. Ты, святой отче, – обратился юноша к Брендану, – благополучно, со всеми спутниками вернешься домой, хотя дней твоих осталось совсем немного. Скоро придёшь сюда вновь, но не в теле, как теперь, а только бессмертной своею душой. Прощайте». Так сказал чудесный посланник и исчез. Монахи вернулись на коракл, подняли парус, а попутный ветер дул всю дорогу, пока не показался зелёный ирландский берег.

КОРАБЛИК

15

*Обутые ноги не могут взойти
на высоту, с которой можно
увидеть свет истинный, пока
поступь нашей души не освободится
от мёртвой и земной оболочки.*

Святитель Григорий Нисский
(Толков. на Деян. 7.31.)

Границы, отделяющие «эту землю» от реального Северо-Запада, Церковь Небесную от её «земной тени – Церкви исторической» (Августин), «Остров Обетованный Святым» от Ирландии – «острова святых», – не из вулканического камня, льда или лавин. Его воды текучи, подвижны и прозрачны. Как туман над Чистилищем святого Патрика на озере Лох-Дерг или дымка, накатывающая из океана и зависающая поверх скал Айоны, острова святого Коламбы, – они запечатывают тайну. Проходя сквозь туман, клонфертские монахи преодолевают не барьер – привычную для кельтской мифологии преграду, – но предел этой тайны. Совершается же всё это без обетов, инициаций и жертв. По Благодати.

Оба нарратива сообщают о загадочном прокураторе (*procurator* – лат., «управляющий именем господина»),

Ангел на
фасаде собора
святого
Брендана в
Клонферте.
(Фото автора)

посланнике, не охраняющем, но сопровождающем паломников. Это не «ангел острова», не вестник, а какой-то особенный посредник, юноша, чей возраст свидетельствует, скорее, о вечности, чем просто указывает на молодость или чистоту. Семь лет путешествий, полных испытаний и искушений, оказываются недостаточным сроком для осуществления надежд всех поисков. Пределы человеческого познания ограничены и река, разделяющая Обетованную Землю, не запрещает, но отдаляет раскрытие всех тайн, до завершения собственно самой жизни человека. Это должен понять и с этим смириться слушатель текстов.

К финалу Бренданианы становится всё более очевидно, что «Остров Обетованный Святым» не совпадает ни с ирландским «Другим Миром» дохристианской древности, ни с «Островами блаженных» Гомера и Гесиода. Он не населён обязательными для первого сверхъестественными духовными существами. Географически «ирландский Другой Мир» не локализуется. Он существует в неопределённом пространственном положении по отношению к миру смертных. То есть надёжно скрыт и недостижим. Не представляет из себя «западное» место обитания мёртвых. Это уникальное, по количеству смысловых, аллегорических, богословских и поэтических наслоений откровение – изобретение кельтского христианства. Тот самый «котёл Мерлина» или «волшебный мешок», о котором говорил Дж. Р. Толкин.

Блаженный Августин считал, что только «через понимание сотворённого можно увидеть и познать вечность» (*«Исповедь», XIII, 30*). Святой Брендан, приплыв к Обетованной Земле, оказывается в «области вечности» – другой реальности, открывшейся ему среди необитаемой части сотворённого мира. Здесь он не встречает даже своих соплеменников, добравшихся, как отшельник Павел или монахи общины святого Аилбе. Но это и не загробный мир ирландских сидов⁸³.

Вслед за блаженным Августином (см. *«О порядке», Гл. X*) ирландцы довольно чётко отличали «рай Адама и Евы» от всех других представлений, выраженных этим словом. Они следовали за географическими взглядами уже не единожды упоминавшегося августиновского единомышленника Павла Орозия. В книге I «Истории против язычников» (Гл. 2; 1-3), Орозий, который, с большой долей вероятности, был не испанцем, а бриттом, излагает свои соображения, касающиеся устройства обитаемого про-

---

83 К представлению о пересечении мира рекой-барьером неоднократно будут обращаться средневековые авторы. Данте будет пить воду из водного потока в Чистилище (XXXII) – финальная сцена его очищения. Река помещает герою «Жемчужины» («Perl») встретиться со своей дочерью.

*Остров в Атлантике, вид с западного побережья Ирландии
(Фото автора)*

странства и снабжает их соответствующими картами, ссылаясь на знаменитые и загадочные «*mapae mundi*» – «мировые карты». Запад у него помещён в верхнюю северную часть обитаемого пространства. Точки зрения относительно северо-западного положения Рая придерживался и святой Беда Достопочтенный. Во всяком случае, христиане британских островов совмещали различные античные и средневековые идеи о местонахождении «*Terra incognita*», уделяя им должное внимание, без какого-либо ущерба для духовной стороны историй.

Удивительна и погода на этом острове. Она действительно напоминает климат Канарских и множества других атлантических земель южного расположения – и Туле Пифея одновременно. Никаких ирландских мотивов здесь не звучит. Плодоносящие круглый год фруктовые деревья, отсутствие дождей, ветер, а главное, снега – восхищают и умиротворяют монахов, которые, к тому же, понимают, что достигли той части видимого Творения, где отсутствует главный враг их мира – голод. Здесь невозможно замерять или считать время. Этот остров посещали Баринд и Мернок, причём последний жил там совсем немного дней, а в Ирландии летели годы. Время не «подгоняет», не гнетёт, не раздражает своей неумолимостью человека. В области чудесного оно существует и движется иначе. Так устроено в нарративах, что не чудо попадает в наш мир, а мы из него, земного, осязаемого,

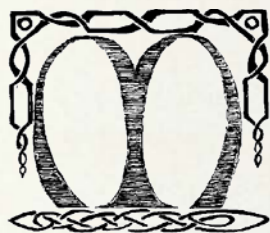
выходим на океанские широты, погрузившись в простой, обтянутый кожей корабль, и оказываемся в чудесном.

Глаза и уши средневекового христианина открыты. Но его ощущение времени совершенно не похоже на наше, и в иной мир он попадает не «вдруг» (не через зеркало, шкаф, колодец или при помощи специального устройства), а преодолев некий барьер испытаний – своеобразный залог достижения Обетованных Земель. При этом «Плавание», в отличие от иммрамов, – история реального человека, «обросшая» чудесами, мифологическими элементами, с помощью которых читатель буквально пробивается к истине, сквозь собственное «замёрзшее» море, то есть не просто развлекается, но получает различные уроки: нравственные, богословские и эстетические. Исторически Бренданиана подлинна; воображение средневековых авторов (поэтов, по преимуществу) её только украсили, добавили эпичности.

Современный читатель этих текстов наилучшим образом рифмуется со своим средневековым предшественником, когда добирается до последнего эпизода. Эпоха Просвещения, Новое Время, капитализм, Великие войны волю ко встрече с чудесным убивали, но не уничтожили. Святой Брендан ступил на Землю Блаженных, достиг края обитаемого мира, проник за границы ойкумены. В «Путешествии» ему удалось даже увидеть через толщу океанских вод антиподов – жителей не подводного пространства, а людей – и храмы, существующие в другом мире. Святой Беда Достопочтенный саму мысль о заселённости южного полушария отрицал. В Ирландии же она прижилась. Под «антиподами» (не вполне удачное определение) подразумевались иногда просто материализовавшиеся сверхъестественные существа древней кельтской традиции, которые обитали *intra orbem*, то есть были невидимы в обычном мире. Ирландский Мореплавателю «реализовался» не через символическое посвящение, не аллегорически, а по-настоящему. Но он христианин, миссионер и поэтому возвращается обратно, чтобы умереть на родине. Ирландия – это то место, откуда должно начинаться его последнее путешествие. А то, что он расскажет своим соотечественникам, должно их укрепить в надежде на спасение, вдохновить к святой жизни. Возвращение домой – миссия надежды.

Плавание

Эпизод 16

онахи вернулись на коракл, подняли парус, и попутный ветер дул всю дорогу, пока не показался зелёный ирландский берег. Ступив на родную землю, преподобный решил сначала посетить монастырь, где настоятельницей была его сестра, Брига. В воскресный день, причастившись Святых Христовых Тайн, святой Брендан обратился к своей братии и любимой сестре такими словами: «Господь зовёт меня сегодня в Царство Вечное, и вам надлежит отвезти моё тело в Клонферт, к месту Грядущего Воскресения. Постройте небольшую колесницу, и пусть только один из вас сопровождает останки, иначе люди, увидев целую толпу, узнают, в чём дело, и станут спорить о моём теле».

Когда он закончил это говорить, то благословил иноков, сестру, а дойдя до порога храма, произнёс: «In manus tuas Domine» («В руки Твои, Господи...»), – и испустил дух. Тело девяностотррёхлетнего игумена, как он и просил, перевезли в Клонферт, где с великими почестями оно было предано земле.

*Собор в Клонферте:
арка Западного Входа, XII век.
(Фото автора)*

КОРАБЛИК

16

*В Ирландии среди полян,
Над башней крепостной,
Звон Клóнферта, печальный звон
Будил Голоуэй лесной.
Святой Брендан свой путь земной окончил.
И ответ. Уплыл туда, где для ветрил
Назад дороги нет.*

Дж. Р. Толкин
«Смерть святого Брендана»
(Перевод Светлана Лихачёва)

Итак, святой возвращается вместе с братией домой, на берег родной Ирландии, в свой монастырь, к месту будущего упокоения. Сегодня там всё по-северо-западному скромно, негромко. В осеннем Клонферте «странники встречают странников» (Десмонд Иган). Тишина этого места срединной Ирландии нарушена только голосами птиц и шелестом подъезжающих к церковной ограде автомобилей. Могила святого Мореплавателя незаметна и очень проста. Нет византийских «сеней», пьедестала, приступочков, холмиков с «благословлённой земелькой», клумб, оградок. Так, чьи-то оставленные на серой плите чётки, сухой букетик и подновлённая недавняя надпись на вертикально стоящей табличке: «Saint Brendan».

Средневековый монастырь был огромным, как многие кельтские обитатели, и располагался на водных торговых путях острова. Здесь молились, жили, учились сотни будущих христианских миссионеров, те, что относятся к числу «факелоносцев Средневековья» (Ле Гофф). Потом Клонферт жестоко жгли и грабили, сначала викинги-датчане в 1016-м году, а после норманны-плантагенеты в 1164-м и 1179-м годах. Из Лимерика по Шеннону те и другие приплывали сюда за лёгкой добычей, и к XII веку практически всё, кроме Кафедрального Собора, было уничтожено. Трудно определить, сколько рукописей клонфертского скриптория погибло и сколько убитых лежит в голуэйских лесах подле монастыря. Собственно, нынешняя деревушка была некогда городом, в котором процветал колледж имени святого Мореплавателя, и три тысячи школяров учились именно здесь, «у преподобного», в центральной

части острова. Елизаветинское решение относительно основания Тринити-колледжа в Дублине и кровавый набег войск Кромвеля в 1541-м году окончательно подорвали наследие Клонферта. Чудесным образом уцелела выстроенная ещё в 1161 – 1171 годах романская церковь с её всемирно известным западным входом. Когда к ней приближаешься и поднимаешь голову вверх на арку свода, то встречаешь взгляд из пустых глазниц, скорее, скандинавов, чем кельтов, или, быть может, на тебя смотрят и вовсе обитатели островов «Плавания-Путешествия», что посещали клонфертские peregrины. Их лики словно позаимствованы со страниц не дошедших до нас копий иллюминированных изданий Бренданианы оттоновских или каролинговских времён. И ещё можно представить столетия, когда Клонферт был оживлённым студенческим городом. Его улицы были разбужены голосами молодых филологов, теологов и историков. В классных комнатах читали Павла Орозия, святого Иеронима и Златоуста. А по тысячелетней тисовой аллее, от Собора к Дворцу епископа, прогуливались монахи, спорящие, скажем, о Пелагии, Августине и свободной воле человека.

В 1954-м году Дворец, к несчастью, сторел, а Собор, хотя и не в запустении, поскольку включён в число туристических мест, не более чем просто «исторический объект» и принадлежит Ирландской Церкви, то есть протестантам, которые вообще скептически относятся к кельтскому наследию своей страны.

По-видимому, существует таинственный призыв из прошлого, из мест, что с ним связаны, где оно «прорастает в настоящее», из книг, стихов, как говорил Шеймас Хини:

*... Я ныне верю только
В усердье пишущей руки, в упорство
Строк, высиженных в тишине, и книг,
Которые хранят нас от безумья.*

*На могиле
святого Брендана
(Фото прот. Павла Сорочинского)*

*Книги из Келлса, Армага, Лисмора.
«Воительницы», вестницы, святыни.
Дублёная, просоленная кожа.
Надёжные, испытанные перья.*

(Перевод Григория Кружкова)

Перья обмакивали в чернила, из ягод остролиста в несохранившихся скрипториях Клонферта и Артферта, и писали ими в келиях, имевших форму перевернутой лодки, наподобие Галларуса с полуострова Дингл, откуда и начиналось «Плавание». Дыхание перехватывает, когда оказываешься один на один с этими книгами в полусумраке хранилища-библиотеки дублинского Тринити-колледжа. Их изготавливали, украшали, прятали от английских варваров те, кто сохранял в памяти истории святого Мореплавателя.

Дело в том, что многие из нас имеют опыт собственного «плавания», своих скитаний. А есть и те, кто не прочь в этой жизни заглянуть за край видимой ойкумены, отправиться на поиски Земли Обетованной Святым, испытать благодать чудесного и, что важно, вернуться, как возвратился святой Брендан.

*Я пришелец и странник,
я пепел и прах,
я оставил свой берег
на зелёных холмах.*

*Кто оставил свой берег –
оставил свой страх.*

*Воли паруса мера
на пустынных волнах,
ветер моря оставил
соли вкус на губах.*

*То ли ветер в ладонях,
то ли снег в волосах.*

*Парус неба на рее,
воля неба в волнах,
я пришелец и странник
оставил свой страх.*

*Ветер воли в ладонях,
соль земли в кораблях.*

Прот. Георгий Иоффе

Всё это запечатлено в книгах и на каменных крестах. Они настойчиво влекут, будоража воображение. Понятно: следует плыть именно к дальним землям, а не лететь в пространство. Средневековый христианин знал про огромные расстояния, разделяющие небесные сферы. Но он был лишён «ужаса» перед ними: Господь неведомо-далеко; звёзды сверкают, по ним удобно прокладывать путь, но Сам их Создатель не «где-то там», а рядом, пусть «за морем», но морем реальным, откуда, при особом Его плане, можно вернуться домой.

В Ирландию после семи лет странствий приплывает другой – исторически прежний, но духовно иной Брендан.

Если бы не последние эпизоды: Остров Кузнецов, Иуда, Павел-отшельник и сама Благословенная Земля, то «Плавание» и «Путешествие» оставались бы исключительно приключенческими историями (не случайно их сравнивают с текстами о Синдбаде Мореходе), но авторы, используя увлекательный сюжет, создают своего рода авантюрно-богословский трактат.

Герои Бренданианы, и прежде всего сам святой, становятся свидетелями того, что проходит душа умершего человека к 40-му дню со дня кончины. Усопшему показывается то, что находится на Небе и в Преисподней; он познаёт величие милости Божией, строгости наказания. Душа «обретает лицо» – узнаёт саму себя. Иногда ей предначертано вернуться в тело, для того чтобы сообщить обо всём увиденном живущим. В случае со святым Бренданом такого рода опыт приобретается им в телесной целостности, при жизни, пусть удивительной, но проведённой наяву. Оставаясь в физической оболочке, со свободной волей, преподобный познаёт самого себя, свои слабости (страх), несовершенства (встреча с Павлом), милосердие Божие (эпизод с Иудой) и так далее.

Святой Брендан отправлялся в мир чудес, не связанных с загробным существованием человека. Сама по себе жизнь для него – кольца событий, нанизанных друг на друга в цепи чудес, а «Плавание» – её лучший, золотой фрагмент. Цепь эта начинается и замыкается не где-то, а в Ирландии, у которой особая духовная история и судьба. Размышления про Изумрудный остров – прекрасная «школа воображения», тем более что о веках святого Брендана, Коламбы и Кевина мы знаем гораздо меньше, чем про XVI – XVII столетия и даже раннехристианские времена. Фантазии, одобренные литературой, тем не менее, блёкнут перед «тем самым, настоящим», кельтским, что восхищает не «сумерками» или туманом, но поэтической реальностью.

Той, где завершилось Плавание святого Брендана.

*Залив святого Брендана
Современная скульптура
(Фото автора)*

Глава 4

Остановка на Северо-Западе

Достиг блаженные земли
Святой монах Брендан.
И Ты мне душу укрепи,
Христос – Мой Капитан.
Где птицы райские поют –
Направь нас к той земле –
Туда, где люди узнают
Таинственный Туле.
Иль лучше на спине –

кита

Дай справить Пасху нам,
Ты Сам Христос –
Ты наш Туле,
Господь, мой Капитан!

Стефан Красовицкий

В брошюре «Святой Патрик, епископ и просветитель Ирландии» (Тверь, 1999) буквально штрихами я высказал гипотезу распространения кельтской миссии в России. Она основывалась на ставрографических наблюдениях и некоторых литературных свидетельствах. Самым ненадёжным местом этого построения была ссылка на рукопись князя Сулукадзева (†1830). Репутация человека склонного к эпатажу, мистификации (его считают автором «Велесовой книги») убедительности изложенному никак не придавали. Сулукадзева называли «русским Жюль Верном». Вполне справедливо, хотя подобное сравнение можно расценивать как комплимент, если вспомнить, что многое из «сочинённого» французским фантастом впоследствии было открыто или сконструировано. Оспаривалось также наличие именно кельтских крестов в церковном зодчестве Северо-Запада, и ставилась под сомнение сама возможность ирландского присутствия в России.

Элиас Канетти писал: «Тяга в даль, к путешествиям у человека неистребима, и он ненасытно копошится в минувших эпохах и чужих

культурах. Застылость собственного существования усиливается, а это занятие – самое неисчерпаемое средство для внутренних духовных перемен».

Сначала о «Плавании». Из дошедших до нас повествований о святом Брендане – это самая яркая история, получившая свою самостоятельную судьбу и значение. При чтении нетрудно заметить, что монахи-мореплаватели оказываются людьми весьма осведомлёнными и подготовленными для путешествий. У них прекрасно получается корабельная работа; они знакомы с основами навигации, судового строительства, ремонта; управляют с прямым парусом, гребут на вёслах, маневрируют в сложных ситуациях.

Их пожилой игумен (Master of God – «первый после Бога») – не только духовный наставник, но и опытный капитан. Море для пегринов, живущих в 150-ти километрах от побережья, – стихия, тем не менее, вполне понятная. Отправиться в плавание человеку, далёкому от корабельного труда – дело небезопасное. Так что можно говорить о нескольких навигациях клонфертских иноков, совершённых до того, самого важного, Плавания, и являвшихся частью кельтского миссионерства VI – VIII веков. Агиография ирландской Церкви это вполне подтверждает. Самое раннее документальное упоминание о святом Брендане находится в Житии святого Коламбы (†597). После 563-го года преподобный посетил Шотландию, довольно долго там находился и даже основал собственный монастырь. Его миссия оставила следы в последующих шотландских географических названиях и церковных надписях⁸⁴. Житие святого Давида Уэльского упоминает, что святой Брендан навещал обитель святого Давида, встречался с ним, как и многие другие пегрины тех лет. Корабль должен был идти от восточного побережья Зелёного Острова через штормовое ирландское море, или от западного, огибая Ирландию с севера или же с юга, через пролив святого Георга. В Житии самого преподобного рассказывается о его знакомстве со знаменитым церковным историком тех лет Гильдом (Гилдасом), состоявшемся там же, в Британии.

*Алексеевский Крест в Соборе святой Софии, Великий Новгород.
(Фото автора)*

84 Подробнее: D. Simpson. The Celtic Church in Scotland. – 1935.

Только море помнит маршруты экспедиций кельтских монахов, но на лёгком судне миссионеры святого не только достигли Оркнейских, Шетландских островов, но и, возможно, не создавая обитателей, как делал святой Коламба на Айоне, отправились дальше, на «европейский» Северо-Восток, то есть к нашему русскому Северо-Западу. Вообще ирландцы с давних времён были известны как прекрасные мореплаватели. Их путешествия в разные стороны света к далёким островам в океане на подвижных судах для знакомых с плаваниями Хейердала, Конюхова и Папазовых не должны казаться фантастичными или невыполнимыми, особенно после экспедиции Северина.

Другой важный эпизод связан с самим началом «Плавания», точнее, рассказом Баринтуса. Святой Брендан не столько удивлён, сколько вдохновлён услышанным. Сама возможность существования Земли Обетованной Святым сомнений у него не вызывает. В предыдущие

Высокий крест в Клонмакнойзе, VIII в., Ирландия. (Фото прот. Павла Сорочинского)

путешествия, вероятно, слышавший о Туле преподобный пускался с той же целью (по крайней мере, она могла существовать). Но теперь он узнаёт от Баринтуса совершенно другое направление. Далее уже ангел указывает на Запад, и не случайно. Наш Северо-Запад Европы в VI веке, а тем более к годам создания «Плавания», был частично изучен, и «блаженной земли» там не обнаружилось. Движение в противоположном направлении сулило открытия. Покинув берега Ирландии, пилигримы, если буквально понимать текст «Плавания», в течение семи лет «кружат» по океану. Литургические возвращения связаны с Островом Овец, Птичьим Раем, спиной Якониуса, общиной святого Аилбе и приходятся

на период от Рождества до конца Троицкой седмицы, то есть занимают лишь половину года. Описание климата других островов указывает на их юго-западное положение, кроме двух случаев. Первый, спорный, связан с рассказом про остров, поросший лесом, на котором иноки 30 дней укрываются от дождя, ветра, едят мясо погибшего чудовища, что не портится всё это время, будучи только подсолненным, но не завяленным. В тёплых южных широтах детали истории должны были бы выглядеть иначе. И ещё: про починку коракла «Плавание» сообщает лишь однажды. Тогда монахи перетянули остов судна новыми кожами из прежнего запаса. Если бы паломники большей частью бороздили южные моря, то подобного ремонта явно не хватило бы. В тёплых водах тропиков слой жировой смазки кожаных бортов растворяется быстро, в то время как холод северных широт делает их куда более крепкими и долговечными.

Второй эпизод, описывающий встречу команды в море с «колонной чистого кристалла, что твёрже мрамора», очевидно – айсбергом, подкрепляет версию путешествия святого Брендана не только в одном направлении. Корабль преодолевал огромные пространства мирового океана. За эти годы монахи увидели Саргассово море, вулканические острова, берега Америки, шли через волны Севера, пересекали тропики и ни разу не столкнулись не только с пиратами, бороздившими воды ойкумены, но вообще не видели кораблей. Их дорога лежала далеко от известных морских путей. В самом завершении плавания преподобный с братией находят то, ради чего покинули дом. Текст «Путешествия», точнее, одна из его версий, приведённая Джесси Кросландом,

*Ахенни, Крест, IX век, Ирландия
(Фото прот. Павла Сорочинского)*

указывает на то, что в какой-то момент поисков святой повернул на Восток и судно подошло к острову, окружённому стеной из кристалла. Если под «кристаллом» понимать не только очевидный религиозный символ, но считать, что речь вновь идёт о льдах айсберга, то само место расположения Острова Обетованного Святым окажется севернее варианта, указанного автором «Плаванья».

Предположим, что ирландские peregrины двигались в северо-восточном направлении. Перед ними оказалась Скандинавия, огибая которую они, при благоприятной погоде, могли дойти до Кольского полуострова, но далее пути нет. До конца IX века (время существенного потепления), согласно палеоклиматологическим наблюдениям, в Белое море этим маршрутом проникнуть было нельзя. Возможно, святой Брендан после посещения Шетландских островов отправился в Балтику и далее – до Приладожья.

Он плыл к земле, о которой рассказывали предания античного мира, к земле гипербореев, острову Туле. Или его вдохновил рассказ о святом Андрее Первозванном, который, после проповеди в Киеве и на Севере Руси, путём «из варяг в греки» достиг Валаама. На парусе клонфертских путешественников вышит крест (по крайней мере, иконографическая традиция, от средних веков до наших дней, его туда помещает) – крест в сочетании с кругом, которому, со временем, предстояло стать одним из христианских символов Северо-Западной Руси.

Появление кельтского креста связано со следующим преданием из Жития святого Патрика. Когда просветитель Ирландии вёл спор с друидами и узнал, что они поклоняются Солнцу, то приказал своим ученикам перечеркнуть круги, символизирующие светило, крестом, произнеся при этом: «Мы тоже верим в Солнце – Солнце Правды – Христа». Крест святого Патрика изображался на облачениях святых Ирландии и Британии, им украшали храмы, его возводили на надгробиях; высокие кресты VII-X веков изумляют изяществом работы, их можно обнаружить во многих уголках кельтских островов.

Три первых века христианской истории Распятие открыто и не изображалось. Это объясняется, с одной стороны, радостным, торжественным, пасхальным характером древнехристианского искусства. С другой – позор и бесчестие, связанные с крестом, плюс страх перед преследованиями со стороны языческого государства вынуждали использовать скрытые символы (ХИ-РО (✠), Андреевский крест, якорный крест, пеликан, петух, рыба и проч.).

С середины IV века, после утверждения христианства св. Константином и св. Еленой, скрытые изображения уступают место явным. Н.И. Барсов пишет: «До самой эпохи Константина Великого христиане удерживались от изображения креста Христова в его действительной форме, а тем более, от изображения его вместе с Распятым. На предметах, сохранившихся от трёх первых веков и найденных при раскопках в Риме и Помпеях, встречаются, большей частью, лишь аллегорические изображения Креста и Распятия. В конце IV века крест был повсеместно употребляем в Римской империи. Император Константин возложил золотой крест на гробницу апостола Петра в Риме. Самое древнее из известных изображений Распятия, помещённых на кресте, относится уже к V-VI векам и находится на дверях церкви святой Сабины в Риме. На Христианском Востоке изображения Распятия появляются не ранее VI века.

Необходимо также сказать про миссионерское путешествие дорогой «из варяг в греки» апостола Андрея Первозванного. «Повесть временных лет» летописца Нестора, созданная более тысячи лет спустя после трудов апостола, сообщает, что святой, проповедуя, ставил кресты деревянные и, возможно, каменные. Можно предположить, что апостол Андрей использовал крест в землях язычников для убедительности и наглядности. Стоит ли утверждать, что у него, палестинского рыбака, были навыки монументального зодчества, инструменты, механизмы для транспортировки и т.п. Или практика установки крестов могла быть известна летописцу. Тогда какие каменные кресты видел Нестор?

Само появление высокого каменного креста как идеи «проповеди в камне» связано с ранневековой традицией «воздвигать крест» (святые Константин и Елена) для всеобщего обозрения, или «узнавания».

*Крест в Моон'е, X век, Ирландия
(Фото автора)*

(Так, кстати, варвары Хлодвига узнавали своего правителя при поднятии его над толпой собравшихся.) За узнаванием следовало поклонение Кресту (то есть жест заменял собой текст, библейский текст).

Традиция возведения вертикальных памятников в честь какого-либо события, например, победы в битве, была характерна именно для римских времён, о чём свидетельствует большое количество триумфальных колонн. На кубическое основание устанавливался обелиск или стела. Торжество Христа при этом символизировал венчающий его/ её крест или лавровая гирлянда – «венок победителя».

Высокий кельтский крест представляет собой комплексную работу, тщательно взвешенную и произведённую в трёх измерениях. Для его сооружения обычно использовали песчаник, сине-серый известняк и в редких случаях гранит. Стоящий сам по себе высокий крест редко был надгробным памятником, но его узнаваемая конфигурация в сочетании с кругом выгравирована на множестве ирландских могильных плит. Исследование библейских сцен, исполненных на крестах, дают право предполагать, что кресты занимали особое место в литургической практике ранней Церкви. Ирландские источники считают, что, будучи выточенными из камня, высокие кресты имитируют более ранние – деревянные, которые обивали металлическими пластинами, то есть к началу их создания (VII-VIII вв.) такая форма была общепринятой. И хотя кельтские кресты – явление исключительно западно-европейское, у него находят параллели в восточном христианском мире, в частности, в Армении и Грузии.

О происхождении круга (кольца), кроме приведённой, существуют и другие версии. Согласно одной, круг следует считать нимбом во круг креста, соотносимого со Спасителем. По другой, здесь имеет место эволюционировавшая модификация сочетания монограммы времён Константина Великого - **Ich-R** (Христос) с лавровым венком победителя. Придерживающиеся функциональной точки зрения убеждены, что круг произошёл от деревянного прототипа, где диагональные скрепы усиливали крест, – так вот именно они и были заменены дугами, по эстетическим соображениям. Авторы обзорной работы на эту тему Н. Richardson и J. Scarry признают: «Нельзя отрицать связи вида кельтского креста с доисторическим символом Солнца. В ранней ирландской поэзии ко Христу иногда обращаются как к Солнцу. В качестве примера можно привести стихотворную литанию о Пресвятой Богородице:

*О, Мария, Царские врата избрания,
Через которые вочеловечилось сияющее Солнце
Иисус, Сын Бога Живаго.*

«An Introduction to Irish high crosses».

Dublin 1990. P. 23.

Людогощинский Крест XIV в. в историческом музее, Великий Новгород

Итак, крест наложен на круг. Он не вписан, подобно византийскому или грузинскому, его лучи пересекают окружность. Сочетание круга с крестом в церковной традиции имеет давнее основание. Первый был знаком мира, вселенной, второй – победы Христа над смертью и Боговоплощением: «Се бо прииде крестом радость всему миру». В ситуации с Кельтской Церковью можно принять несколько вариантов толкования, но важным остаётся тот факт, что русское зодчество Северо-Запада использовало этот знак активно в XIII – XV веках.

Деревянное зодчество до нас дошло небольшим числом артефактов⁸⁵, но те, кто строил и украшал каменные храмы на Северо-Западе, навряд ли стали игнорировать прежние символы или заменять их совершенно новыми, скорее, стоит говорить о параллельном использовании различных типов крестов. В экспозиции Новгородского историко-археологического музея выставлены донца глиняных сосудов с клеймами гончаров-ремесленников X – XI веков. На одном из них геометрически чётко проступает «крест на круге», почти идентичный изборскому, но вместо стрел на концах креста различаются элементы левосторонней свастики, которая довольно часто использовалась в декоративных целях. Хотя символ, даже ремесленный, в средние века не

⁸⁵ Исключение представляет т.н. Людогощинский деревянный крест той же формы. Новгород 1359 г.

мог явиться случайно, вне религиозных идей и влияния. Чаще всего наличие кельтских крестов на Северо-Западе России поясняют простым заимствованием русскими зодчими отдельных элементов «из опыта романских мастеров, тем более что в самом Новгороде, – как сообщает автор классического исследования художественных памятников М. Каргер, – издавна существовали две церкви: немецкая – святого Петра и «варяжская божница»⁸⁶. Если бы речь шла исключительно об орнаментах и внешнем украшении, то с идеей простого копирования можно было бы рискнуть согласиться, но «крест на круге» помещался отдельно, в местах видных издалека (зачем, кстати, декорировать крепостную стену Изборска?) или, наоборот, на алтарных частях храма. Он имел все свойства сакрального знака, хотя к XIV веку про кельтские корни вряд ли кто помнил.

Сейчас в Изборске собрано (хранится) около 200 каменных крестов XIV – XV веков. Часть из них выставлена в экспозиции изборского историко-археологического музея.

Выточенные из камня кресты часто имитировали деревянные, обитые металлическими пластинами, и даже ювелирные изделия. Много умения и усилий тратилось на довольно странную задачу – воссоздать работу по металлу в другой сфере. На то была, верно, веская причина. Каменные кресты, высотой 3,5 – 4 метра, начинают изготавливать на Британских островах. Византия их не знает. Восточно-христианские параллели обнаруживаются в Армении и Грузии, и то – только до времён арабских завоеваний Кавказа. Будучи на краю Европы, Ирландия и Британия оказались в относительной изоляции, когда соседние страны обращались в язычество (V–VI века) под натиском варварских нашествий.

Крест на стене крепости Изборска, XIV век. (Фото автора)

86 Новгород. – М., 1980. – С. 28.

Кельтские кресты, которые в нашей литературе именуются преимущественно «новгородскими», важны во всей перспективе христианского искусства средних веков.

В Ирландии сохранилось, в общей сложности, почти 300 крестов или их остатков, причём многие из них – ровные, без колец. Но у 68-ми из них типично открытое кольцо и почти столько же имеют сплошное каменное. Выдвигался ряд различных объяснений его происхождения. Например, кольцо могло символизировать солнце, терновый венец, колесо (в значении вечности) и многое другое. Важно, что на протяжении столетий религиозное мышление творчески основало и расширяло семантическое поле церковного зодчества. Нестор Летописец видел (или знал) практически единственно сложные, стоящие сами по себе памятники эпохи раннего средневековья на всём западном пространстве Европы. Так что в «Повести временных лет» распознаётся определённая правда, несколько искажённая поздними переписчиками. В конце концов, предание, легенда, традиции народа остаются не чем-то фантастическим, а частью (может быть, даже лучшей) истории этого народа.

«Согласно «Повести временных лет», – пишет А. Кузьмин, – варяги создали города от Ладоги, Новгорода до Муром, а сами новгородцы выводились от «рода варяжска». По Кедрину и Скилице, варяги –

Экспозиция каменных крестов, музей Старого Изборска

«по происхождению кельты»⁸⁷. Значительное количество имён в договорах (Кары, Моны, Куци, Стар, Бруни и др.) подтверждают справедливость этого указания. Более того, племенное название венетов (венедов) А. Шахматов производил от кельтского *penos* – «друг», «союзник», а другие историки – от кельтского *vinolos* – «белый», «счастливый». На Руси пёстрые в этническом отношении варяжские дружины, очевидно, говорили по-славянски, причём этот язык они восприняли на южном побережье Балтики»⁸⁸.

Житие преподобного Антония Римлянина (см. *Кораблик 3*) сообщает, что святой перемещался «от Римской страны по Тёплому морю, из него же в реку Неву, из Невы в Нево-озеро, а из Нево-озера (остров Ладога) вверх по реке Волхову, против быстрин неизреченных и даже до места сего», – то есть в Новгород, и приплыл на камне.

Это обстоятельство не вызывает сомнения у современных исследователей: «Нет оснований отказывать Антонию в том, что он был «чужеземным ревнителем православия», которого судьба забросила в Новгород. В агиографическом факте чудесного путешествия просматриваются черты исторической достоверности. Согласно «Житию Антония», будущий новгородский святой «по водам принесен бысть на камне» (на куске скалы) к берегу Волхова, что отражено иконографией святого. Именно этот рассказ воспроизводится со слов Андрея – ученика преподобного, его преемника на игуменство в монастыре и предполагаемого автора древней части «Жития». В Новгороде переселенец поразительно быстро постиг язык здешних жителей. В месте, куда был перенесен на камне Антоний по благословию новгородского епископа Никиты (ок. 1096 – 30.01.1109 гг.) основывается обитель»⁸⁹.

*Крест с острова Кильпола.
VIII в., Ладога.
Хельсинкский музей*

87 Василевский В.Г. Труды. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 322.

88 Кузьмин А.Г. Летописи и хроники. Сборник. – М., 1974.

89 Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. – М.: Кругъ, 2011. – С. 47.

Путь Антония Римлянина, как и дорога ирландских миссионеров, принёсших кельтскую символику на Северо-Запад Руси, – «волховский путь», – начинался в северной части балтико-волжского отрезка, там, где была основана рюриковская Ладога. Его освоили во второй половине VIII века. К X веку волховский водный путь стал частью маршрутов самых крупных сообщений Восточной Европы: «из варяг в греки» и балтико-волжского. Оба они шли от Балтики до озера Ильмень, где разделялись. На юг по Ловати, на Запад по Шелони и по Мсте на восток кельты не отправлялись, уже по причине того, что к XII веку их европейская миссия полностью завершилась.

Можно допустить, что кельтские кресты, точнее, их, условно говоря, лекала, случайно проникли на Русь, и этот процесс просто совпал с христианизацией её Северо-Западных земель. Многие исследователи так и делают. Например, Марк Шахнович сообщает: «По нашему мнению, восточно-христианский символ – «крест в круге с сомкнутыми концами» был перемещён в V веке миссионерами из Византии на Британские острова. На его основе в Ирландии VII века получили широкое распространение знаменитые высокие «круглые кельтские каменные кресты с фигуративными изображениями»⁹⁰. Византийские, точнее, египетские монахи в Ирландии были. Через так называемый «винный путь» (Британия – Испания – Африка). Зелёный Остров контактировал с Востоком, но миссионеров-проповедников именно из Византии Британские острова не знают.

Далее: «С англо-саксонским духовенством традиция их (крестов) возведения проникла в Южную Швецию и позднее (совсем уж загадочная фраза. – *Авт.*) опосредованно от «западных» церковных канонов «прижилась» на Северо-Западной Руси, в первую очередь, как выразительный архитектурный приём» (там же). В пользу этого утверждения только кресты с острова Готланд, но и они могли быть поставлены не только шведами, а возможно, норвежцами. Кстати, кельты и англосаксы всё-таки не стороны одного равнобедренного треугольника, так что не стоит спешить с «удобными», но поверхностными заключениями.

В.Б. Панченко пишет: «Опираясь на выводы британских учёных, изучавших ирландские каменные кресты, мы объясняем стилистические особенности памятников Ижорского плато существованием нескольких мастерских (школ, артелей), вырезавших кресты и орнаменты по определённым шаблонам» («Каменные кресты Ижорского плато. Каталог»). Шаблон, который «прижился» как «архитектурный приём», требует хотя бы какого-то объяснения, поскольку его распространение довольно обширно. О вертикальных высоких крестах речь шла, теперь несколько слов о «кресте в круге».

---

90 Шахнович М.М. Монументальные каменные кресты Карелии. – Кирьяж – СПб., 2008.

На Ладогe можно встретить названия, связанные с почитанием креста: «Ристиниеми» (Крестовый мыс), «Ристимяки» (Крестовая гора), «Ристикаллио» (Крестовая скала), «Ристисаари» (Крестовый остров) и, наконец, «Кивиристи» (Каменный крест). Навигационные кресты стояли именно там (все навигационные кресты Русского Севера – деревянные). То, что кресты нашего Северо-Запада производные от европейских, а не византийских, – очевидно. Кельтская миссия в России требует детализации, и здесь наше летописное наследие, ввиду его поздней политизации, на которую и указывал Шахматов, – подспорье слабое. Возможно, всё происходило следующим образом.

Я говорю «возможно», поскольку в историографической науке всегда существуют совершенно противоположные мнения об одном и том же предмете, событии, и каждая точка зрения имеет собственные доказательства. Наиболее близкими мне показались следующие российские исследования: Шаскольский И.П. Исторические связи Скандинавии и России. – Л., 1970; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. – Л., 1982; Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. – М., 1986; Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. – Петрозаводск, 1990; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. – М., 1996.

В IX веке на землях Приладожья, в Низовьях Волхова, около Ильменя и Чудского озера происходит объединение племён новгородских словен, псковских кривичей, приладожской чуди, мери и финно-угров в так называемый «Северный союз племён».

К этим событиям прямое отношение имеют и поселившиеся ещё в VIII веке на нижнем Поволжье скандинавы. По Вуоксе они двигались в Юго-Западное Приладожье; по рекам Сясь, Свирь и Олонка – в Юго-Восточное Приладожье, где мирно уживались с местными народами. В то же столетие из новгородских земель начинается перемещение славянского населения на Верхнюю Волгу, и вместе с ними сюда попадают незначительные группы скандинавов, имевших ещё свой устойчивый обряд погребения. Информация обо всех этих пространствах своеобразно отразилась в различных произведениях древнескандинавской письменности. И.В. Глазырина замечает: «Топонимика, употреблённая в тексте саги о Хальвдане Эйстейнссоне и саги о Стурлауге Трудолюбивом, очерчивает регион, в котором происходят события в исследуемых сагах, – Юго-Восточное Приладожье с центром в Ладогe, Юго-Западное Приладожье, на что указывает «карельская» топонимика, и Русский Север, обозначенный топонимом «Бьярмаланд».

Под Русским Севером традиционно понимаются северные районы расселения восточных славян в Европейской части России, приблизительно к северу от 57 градуса северной широты. «Русский Север, – про-

должает И.В. Глазырина, – стал одной из составляющих легендарно-эпического пространства. Устойчивый круг сюжетов об этом регионе, несомненно, бытовавших в устной традиции и вошедших в древнескандинавскую литературу, их широкая распространённость и развитие в произведениях XII–XIV веков являются лишним доказательством тесных и долговременных контактов населения Скандинавии и Руси». Бьярмланд, или Бьярмия, которая упоминается с конца IX века («Орозия» Альфреда Великого) и до XVI века («История северных народов» Олая Магнуса), историками помещалась в различные места, но, скорее всего, прав

В.И. Паранин, считавший, что Бьярмия занимала земли Северного Приладожья и Карелии, а её политическим и религиозным центром был остров Рус (Гарда), нынешний Карельский перешеек. Островом он назывался потому, что омывался с севера и юга двумя протоками, соединяющими Финский залив с Ладогой, Вуоксой и Невой соответственно.

Идеи Паранина были развиты священником Стефаном Красовицким в целом ряде газетных и журнальных публикаций (см. «Православная Тверь», №№ 10–11, 1996 г., №№ 3–4, 1997 г., «Ангел Валаама», № 10, 1994 г.) Суть их сводится к следующему: остров получил своё название «Рус» от имени языческого бога Хорса (или Хроса-Роса) – бога солнца

Крест из Старой Ладogi. X в.

– вариант Северного культа Аполлона. Древняя Греция знала жрецов Хорса-Аполлона как «Гипербореев», а место их жизни связывала с островом на краю ойкумены так называемым «Ultima Туле». Именно поэтому святой Андрей Первозванный направился в Приладожье и на Валаам, как в религиозный центр культа Солнца, для проповеди Евангелия и сокрушении солярного языческого поклонения.

Диодор Сицилийский (I в. до Р.Х.) про Аполлона и его культ на Севере замечает: «Из числа писателей, сообщающих древние предания, Гекатей и некоторые другие говорят, что на Океане против страны кельтов находится остров величиною не меньше Сицилии. Этот остров лежит на Севере и населен гиперборейями, названными так потому, что живут они дальше дуновения Борея; остров имеет прекрасную

плодородную почву, отличается благорастворением воздуха и дважды в год приносит плоды... из всех богов наиболее почитаем там Аполлон»⁹¹.

Другим именем Хорса было «Дажь-бог» («даждь-божки внуки» - так называют себя росы в «Слове о Полку Игореве»). В кельтских и англо-саксонских источниках росов (русов) иногда именовали «доги». Народ Бьярмии, как считают Паранин и Красовицкий, получил обозначение «Росов» от названия острова «Рус», а впоследствии оно распространилось и на славянские племена Киевской Руси.

Этнический состав изначальных россов большинство исследователей определяет как конгломерат балтов, финнов, скандинавов и, отчасти, славян. Наиболее активным и многочисленным племенем среди россов, по свидетельству арабского путешественника IX века Масуди, оказалась «Эль-Лудз-Ана». Немецкий академик Фраен (Fraen) расшифровал это слово как «Ладожане» – жители Приладожья. С самой Ладогой тоже не всё так просто. Если перевод Фраена верен, то целое племя обязано озеру своим именем. Слово Ладога могло произойти от финского «альтоказ» – «волнующеся» или шведского «Ладугорд» – усадьба. Штормы на озере – дело обычное, и поселений скандинавов там было устроено немало. Но есть кельтское «Лландога», означающее «монастырь в заливе», и можно вернуться к предположению о кельтском, пусть и единичном, присутствии в этих краях.

А.И. Сулукадзев в своей «Истории Валаамского монастыря» (хранится в Новом Валааме, Финляндия) повествует о монахе Сергии, прибывшем на остров из Ирландии или Британии где-то между VI и VII ве-

ками. Тут Сергей крестил жреца-язычника, по-кельтски звавшегося Мунго в честь святого Кентигерна, имя которого в памяти христиан впоследствии преобразовалось в более привычное – Герман. Святые XIV века Сергей и Герман Валаамские, по этой версии, возродили древнюю обитель, но сам монастырь имеет свое основание не позднее IX века. Круг и «крест на круге» теперь можно объяснить необходимостью борьбы христианства с солярным вариантом язычества, по аналогии с историей столкновения святого Патрика и друидов.

«Варягами» традиционно называли шведов, датчан и норвежцев, то есть не упоминавшихся выше приладожских

Валаамский крест

91 См.: Известия древних писателей греческих и латинских о Скифах и Кавказе. : Собрн. / Под ред. В.В. Латышева. – СПб, 1890. – С. 418.

скандинавов, а наёмников, пришедших на Русь, как в страну, которая не только платила за службу, но в которой жили их соплеменники и духовные связи с которой тогда складывались глубже, чем в последующие столетия. При дворе князя Владимира, до принятия им восточного Православия, жил и командовал княжеской дружиной святой Олаф Трюгвассон. Святой Олаф крестился в Британии и, когда стал норвежским королём, именно оттуда привёз священников для миссии среди соплеменников. О нём А.В. Карташёв пишет: «Нельзя отрицать, что, будучи в Гардарике, то есть на Руси, Олаф мог действительно быть одним из личных миссионеров, повлиявших непосредственно на Владимира, или через какую-то из его жён»⁹². Святой Олаф Трюгвассон исповедовал древнезападное Православие Британских островов, которое погибло в 1066-м году после норманнского нашествия Вильгельма Завоевателя и битвы при Гастингсе. Согласно преданию, святой Олаф Трюгвассон в морском бою со шведами, датчанами и норвежскими изменниками не был убит, но его подобрал корабль венецов, и впоследствии святой конунг стал игуменом православного монастыря в Сирии.

Его потомок, святой Олаф Мученик, продолживший христианизацию Норвегии, подолгу гостил в Новгороде, благодаря своей прежней невесте, а теперь жене Ярослава, Анне (Ингигерд – дочери Кнута Могучего). Олафа причислили к лику святых в 1030-м году, ввиду множества чудес, совершённых от его гроба. Храмы в честь норвежского мученика возвели в Константинополе и Новгороде. «Крест на круге» вполне мог появиться благодаря скандинавам, которые после захвата Ирландии VIII века принимали там христианство или знакомились с ним уже в середине X века, когда Хокон Добрый доставил в Норвегию англо-саксонских священников, использовавших символы кельтской Церкви достаточно широко.

По другому варианту, первые посещения Северо-Запада кельтскими миссионерами происходили в VI-VIII веках. Память о них прочно сохранилась, и в XI веке ирландские и англо-саксонские паломники отправляются в земли, уже более или менее известные, со своей символикой, которая своеобразно «прижилась» на Руси. Маршрут их движения пролегает теперь через Европу и Киев. В 1076-м году (то есть ещё до Синода в Кэшеле 1171 г. и полного подчинения Ирландской Церкви Риму) аббат из Келлса, Домналл мак Робарайг посылает в Регенсбург своего кузена Марианна Скотта, и тот основывает там монастырь святого Петра. Из новой обители миссионеры шли дальше, и появляются ирландские монастыри не только в Вене и Нюрнберге, но и в Киеве. До XIII века (до татаро-монгольского нашествия) просуществовал киевский, и, возможно, в России он был не единственный. А.И. Соболевский пишет: «Духовное

---

92 Очерки истории Русской Церкви. – Т. 1. – С. 31

*Крест на стене церкви Спаса Преображения на Ильине улице, XIV в.,
Великий Новгород*

общение (Русской и Западной Церквей) происходило вне всяких сомнений и недоразумений... Русская Церковь включала в число своих святых и древнего западного мученика Вита, неизвестного византийским святым, но высоко чтимого в Церкви Чешской, и новых чешских мучеников Вячеславу и Людмилу; некоторые её молитвы вспоминали святых

Скандинавии XI века – Олафа и Канута... Западные священники, «варяжские попы», жившие вместе с западными купцами в пределах Руси, беспрепятственно исполняли требы среди русских, несмотря на латинский язык своих молитв и своеобразность богослужебных одежд»⁹³.

Литургическим языком была латынь, но общение между кельтскими миссионерами и местным населением должно было происходить на сформировавшемся, в общих чертах, славянском. Особых проблем у ирландцев не могло появиться, так как язык галлов вышел из «древнеевропейского языка, который около 1000 года до Р.Х. имел распространение от Балтики до Альп, от Британии до Венгрии и распался на отдельные – италийский (предшественник латыни), германский, славянский, балтийский и собственно кельтский» (Ханс Краэ). К тому же ирландцы имели большую практику в освоении чужих наречий.

В 1066-м году тело последнего православного короля Англии Харольда II, убитого в сражении при Гастингсе, было рассечено норманнскими солдатами. Далеко друг от друга бросили эти останки. Гастингс разделил и весь Северо-Запад на части, каждая из которых утратила прежнюю органическую связь с некогда единым историческим и культурным целым. Дочь Харольда, Гита, бежала от Вильгельма Завоевателя не в Рим, а в православный Киев, где стала женой Владимира Мономаха, соединив, таким образом, кровь английских королев с кровью монархов Святой Руси. Зверства норманнов, убивших Харольда, перешли на ту значительную часть британцев, что сопротивлялись новому режиму. Все кафедральные соборы подверглись разрушению, мощи святых сжигались, священников заставляли разводиться, ввели французский язык, начался голод, так как норманнская армия разграбила множество крестьянских хозяйств. Каждый пятый англичанин погиб, каждый сотый – эмигрировал в Константинополь и Россию.

Предшественник Харольда на британском престоле святой король Эдуард Исповедник перед кончиной имел видение, в котором ему было обещано, что британцы могут надеяться: злые силы обратятся в прах. «Когда зелёное древо, срезанное посередине, восстановится, после того как отрубленная часть, брошенная на три фарлонга (1/8 мили) от ствола, вновь к нему присоединится, станет приносить листья и плоды прежней любви своих живительных соков».

Быть может, этим стволом и является Православие, через присоединение к которому всех прежде отсечённых частей чудесным образом произойдёт духовное единение Северо-Запада, по молитвам святого Брендана Мореплавателя и всех святых Кельтской и Русской Церкви.

---

93 Соболевский А.И. Отношение Древней Руси к разделению Церквей. – Прага, 1914.

*Каменное основание с отверстием для установки каменного креста.
Находка на окраине Великого Новгорода близ церкви Петра и Павла
на Синичьей Горе, 2013. (Фото автора)*

СЛОВАРЬ ИМЁН

АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ, Блаженный Августин Аврелий (лат. *Aurelius Augustinus Hipponensis, Augustinus Sanctus*; 354 – †430), — христианский теолог и церковный деятель, главный представитель западной патристики. Епископ г. Гиппон (Северная Африка). Родоначальник христианской философии истории (теологический труд «О граде Божием»); «земному граду» — государству противопоставлял мистически понимаемый «божий град» — Церковь. Глубиной психологического анализа отличается автобиографическая «Исповедь» («*Confessiones*»), изображающая становление личности.

АДАМНАН, Адамнан Айонский (*Adomnán Adamnan – Eunan* является англизацией его имени в Ирландии; 623/624 – †704), — игумен, преподобный. Родился на юго-западе графства Донегал (*Donegal*) в Ирландии. Последние семь лет своей жизни Адамнан провел в Ирландии, а весной 704 года вернулся на остров Айону. По просьбе айонских монахов, святой Адамнан написал житие святого Кольмкилла. Снискал благодарность за свою борьбу с языческим обычаем отправлять женщин и детей участвовать в военных действиях; он также настоял на том, чтобы все клирики освобождались от военных обязанностей. День памяти – 23 сентября.

АИЛБЕ, святой Аилбе (древнеирл. *Ailbe of Emly*, Альбе, Алва, Аилви, Аилвей, *Ailbe* по-ирландски читается как Алва. На современном английском его просто зовут Элвис; ок 470 или 475 года – первая половина VI века) – кельтский средневековый монах, просветитель Имлехский, создатель строгого монастырского устава. Святитель.

АЙДАН, святой Айдан Линдисфарнский, Айдан из Линдисфарна (англ. *Aidan of Lindisfarne*, стар.-ирл. *Aedán*; ок. 600 – † 31.08.651) — христианский святой, миссионер, основатель и первый епископ монастыря на острове Линдисфарн (Шотландия, сейчас территория Англии). Древний святой неразделённой Церкви, просиявший до Великого раскола; почитается в православной, католической, англиканской Церкви и Лютеранстве. Апостол Нортумбрии.

АЛБИН О'МУЛЛОЙ, *Ailbe Ua Mair Mhuaidh* (англ. *Albin O'Molloy*; † 1223) – ирландский епископ города Фернса.

АЛКУИН, Флакк Альбин Алкуин (лат. *Flaccus Albinus Alcuin*; ок. 735 – 804) – англосаксонский ученый, деятель Каролингского возрождения, советник Карла Великого; аббат Турского монастыря; автор популярных в IX - XI веках богословских трактатов, учебников философии, математики, грамматики, риторики. Алкуин организовал ряд школ; главная из них была при Турском монастыре.

АНТОНИЙ РИМЛЯНИН, Преподобный Антоний Римлянин (ок. 1067 –1147) — русский православный святой, основатель новгородского Антониева монастыря. Память совершается (даты по юлианскому календарю) 3 августа в день преставления, 17 января, в день тезоименитства с преподобным Антонием Великим, и в 3-ю неделю по Пятидесятнице вместе с Собором Новгородских святых.

БЕДА, святой Беда Достопочтенный (Достоотимый; лат. *Beda Venerabilis*, англ. *Bede the Venerable*, др.-англ. *Wæda* или *Beda*; ок. 672 или 673 – † ок. 735) – бенедиктинский монах в монастыре святого Петра в Нортумбрии и в монастыре святого Павла в современном Джарроу. Автор одной из первых историй Англии

* Значком † отмечены даты смерти исторических личностей, прославленных в лике святых.

под названием «Церковная история народа англоv» (лат. *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, англ. *Ecclesiastical History of the English People*), которая принесла ему славу «отца английской истории».

БИЦИЛЛИ, Пётр Михайлович Бицилли (1879 — 1953) — русский историк, литературовед и философ, профессор Новороссийского и Софийского университетов.

БЛАТМАК, Блатмак (*Blathmac*; ум. 665) — один из младших сыновей Аэд Слэйна (*Áed Sláine*). Согласно ирландской летописи, был Верховным королём Ирландии, время правления которого считается золотым веком формирования ирландского литературного языка.

БРЕНДАН, святой Брендан Клонфертский (англ. *Bréanainn of Clonfert*; ок. 484 — †ок. 578) — ирландский миссионер и путешественник, причисленный к лику святых. Согласно летописным данным, совершил плавание от берегов Ирландии на запад и достиг берегов Америки за 400 лет до норманнов. Его именем названы мыс, залив, коса, гора и селение на полуострове Дингл в графстве Керри (Ирландия). Кроме того, его имя было присвоено мифическому острову в Атлантическом океане, который в течение нескольких столетий наносили на карты. Один из самых главных ирландских святых, святой-путешественник Брендан, прозванный Мореплавателем, не поучил официального статуса первооткрывателя Америки, возможно, незаслуженно. Но и без этого он является одним из самых отважных путешественников раннего Средневековья.

Умер аббат-путешественник между 570 и 583 гг. и похоронен в Клонферте, в Ирландии, куда часто приходят паломники поклониться его праху. Прославился, главным образом, своими легендарными поисками Очарованной страны. Почитается в католической Церкви, Церкви Англии, Православной Церкви. День памяти — 16 мая.

Описание его путешествия дошло до наших дней примерно в 120 рукописях, многие из которых носят название «Плавания Святого Брендана, Аббата». На их основании американский исследователь Карл Селмер составил компилятивный труд, на подготовку которого ушло 30 лет. Он был опубликован в 1959 г.

БРИГИТТА Ирландская (*Brigita, Brigida, Brigit, Bridget*; 451 или ок. 453 — † 525 или 523) — католическая и православная святая, покровительница Ирландии, игуменья Килдарская, «Гэльская Мария», наставница и основательница монастыря в Килдаре (Ирландия). В православной традиции — преподобная Бригитта, игуменья Кильдарская, царевна Ирландская.

Умерла святая Бригитта в основанной ею обители, но похоронена была в городе Даунпатрик — рядом со святым Патриком. Это первая женщина, прославленная в лике святых Ирландской Церкви. Её житие, написанное иноком Когитосом, стало хронологически первым текстом ирландской агиографии. Память святой Бригитты Ирландской в Католической Церкви — 1 февраля, в Православной Церкви — 23 января по ст.ст.

ВИЛФРИД, святой Вилфрид (Вильфрид) Йоркский (англ. *Wilfrid*, лат. *Wilfridus*; 634—709) — архиепископ Йоркский (664—678 и 686—691), епископ Лестера (692—705), епископ Хексема (705—709), святой Римско-католической церкви. Память 12 (25) октября и 24 (6) мая.

ГАРОЛЬД II Годвинсон (англ. *Harold II*; ок. 1022 — 1066) — последний англосаксонский король Англии (1066 год), погибший в битве при Гастингсе.

ДАВИД, святой Давид (Дейви) Уэльский, Давид Валлийский (лат. *David*, валл. *Dewi*), архиепископ Меневийский; ок. 500 — † по одним данным, 587, по другим

– ок. 601) – чудотворец, просветитель и святой покровитель Уэльса. Почитается как святой в католической, англиканской и православной церквях. День святого Давида – 1 марта.

Согласно одному преданию, его рукоположил в сан епископа Иерусалимский Патриарх, когда Давид совершал паломничество на Святую Землю. Святой Давид много трудился над распространением христианской веры в Уэльсе, особенно в его юго-западной части (ныне графство Пембрукшир). Он основал монастырь в Меневи – теперь город Святого Давида (*St Davids*), – и его почитают как первого епископа этого места. Память 1(14) марта.

ДЖАКСОН, Татьяна Николаевна Джаксон (род. 6 февраля 1951 года) – российский историк-скандинавист, доктор исторических наук.

ИГАН, Десмонд Иган (англ. *Desmond Egan*, род. 1936) – ирландский поэт, автор 20 стихотворных сборников, переводов с греческого. Обладатель нескольких престижных литературных премий; книги его стихов опубликованы не только в Ирландии, но и в США, Франции, Германии, Дании, Швеции, Италии, Чехии, Японии и в других странах мира (на английском с параллельными текстами на языке страны).

ИТА, святая Ита, (*Ita, Deirdre, Dorothy, Ida, Ide, Meda, Mida, Ytha*, Ита, или Деирдр, или Дороти, или Ида, или Ид, или Меда, или Мида, или Йита; † ок. 570) – пустынноница из Лимерика. Наиболее известная ирландская святая после святой Бригитты. Она, как считают, была из королевского рода и родилась в баронстве Десиз (*Decies*) около Драма, что в графстве Уотерфорд. Её называли Деирдр.

Она долгие годы окормляла многих ирландских святых. Её называют «матерью-кормилицей святых Ирландии». Брендан однажды спросил её, какие три вещи особенно любит Господь. Она ответила: «Истинную веру в Бога с чистым сердцем, простую жизнь с религиозным духом и щедрость, вдохновлённую милосердием». Память 15 января.

ЙЕЙТС, Уильям Батлер Йейтс (англ. *William Butler Yeats*, также транслитерируется как Йитс, Йетс, Ейтс; 1865 –1939) – ирландский англоязычный поэт, драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года.

КАЛЛИСТ, Митрополит Каллист, в миру Тимоти Уэр (англ. *Metropolitan Kallistos, Timothy Ware*; род. 1934) – епископ Константинопольской православной церкви с титулом митрополит Диоклийский, викарий Фиатирской архиепископии.

КАНЕТТИ, Элиас Канетти (англ. *Elias Canetti*; 1905 –1994) – австрийский, болгарский, британский писатель, драматург, культуролог, социальный мыслитель. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1981 года.

КАННЕРА, святая Каннера, или Кэндер, или Киннера, (*Cannera, Conaire, Cainer, Kinnera*; † ок. 530 года) – святая дева, отшельница с острова Иниш Катах, *Inis Cathaig* (Ирландия). О ней мало что известно, за исключением истории, связанной со святым Сенаном (*Senan*), который был настоятелем монастыря на реке Шеннон, куда уходили умирать мужчины. Когда она почувствовала, что приходит её смертный час, она без остановок пошла в монастырь святого Сенана (место, запретное для женщин) и перешла туда по воде. По её прибытию настоятель был непреклонен в том, что женщины не должны входить за монастырскую ограду. Мотивируя тем, что Христос был распят также и за женщин, она убедила настоятеля сотворить над ней последнюю молитву на острове и похоронить её на самом дальнем краю. На его аргументы, что волны смоят её могилу, она ответила, что оставляет это на Промысел Божий.

Быть может потому, что святая Каннера прошла по водам, моряки считают её своей покровительницей и салютуют, проходя около места её упокоения на острове Скаттери, отмеченного флагом. Они считают, что камушки с острова защищают от кораблекрушений.

Память — 28 января.

КАРАНТОК, святой преподобный Каранток (почитается в Уэльсе как Караннок, в Ирландии как Каирнех, в Бретани — как Карантек; VI век) — кельтский миссионер, подвижник и игумен, живший в VI или VII веке. Родился в Уэльсе, был сыном Коруна, внука легендарного Кередига, основавшего одно из королевств Уэльса, которое и носило его имя. Святой Каранток по праву рождения должен был стать королём, однако он не желал этого и бежал — сначала в другую часть Уэльса, а потом и в Корнуолл. Известен в Англии как основатель монастыря Кархэмптон. Проповедовал в Ирландии и Бретани.

В житии рассказывается, что во время своих странствий святой, желая развести костёр, настрогал щепок — однако неизвестно откуда взявшийся голубь унёс их. Святой последовал за птицей, и там, где птица, опустившись на землю, положила щепки, построил церковь (в Корнуолле, англ. *Cornwall*). Эта церковь стала центром паломничества, вокруг неё постепенно образовалось поселение, которое ныне носит имя Кранток, однако на корнском имя деревни другое — Лангуррок, что значит — поселение монахов. Церковь была разрушена норманнами, но не до конца. К XIV веку от неё остались не только старый фундамент, заложенный ещё святым Карантоком, но и часть стен, и к XV веку она была восстановлена. В средние века паломники шли к церкви святого в Крантоке по так называемой «дороге монахов», проходившей через несколько населённых пунктов, где воздвигались памятные кресты. Несколько таких крестов сохранились до наших дней. По мнению экспертов, это одна из наиболее красиво убранных церквей Корнуолла!

Святой Каранток преставился в Ирландии. Его мощи долгое время пребывали в Корнуолле. Преподобного Карантока и сегодня почитают на юге Уэльса, в Корнуолле, Сомерсете и Бретани. День памяти — 16 мая.

КАРСАВИН, Лев Платонович Карсавин (1882—1952) — русский религиозный философ, историк-медиевист, поэт.

КАРТАШЁВ, Антон Владимирович Карташёв (1875 — 1960) — российский государственный деятель, последний обер-прокурор Священного синода; министр исповеданий Временного правительства, богослов, историк русской церкви, церковный и общественный деятель. В эмиграции — идеолог непримиримости. Как последний обер-прокурор подготовил самоликвидацию института обер-прокуратуры и передачу полноты церковной власти Поместному собору Православной российской церкви 1917—1918 годов.

КЕВИН, Кевин Глендалохский (ирл. *Caoimhin*, преподобный; 498—618), — ирландский святой, известный как основатель и первый настоятель монастыря в Глендалохе в графстве Уиклоу. Это один из самых «популярных» святых Ирландии, именем которого ирландцы называют своих детей не реже, чем именем Патрик. Считается небесным покровителем древнего Дублина. Почитается Римско-католической и православной церковью 3 июня.

КИАРАН, Киаран, Керан, Кверан Клонмакноссский, Младший (англ. *Ciarán, Kieran, Keeran, Kyran, Keiran, Kieren, Kieron, Keiron, Kiernan*; †556). Уроженец Роскоммона, ставший одним из учеников святого Финниана в монастыре Клонард. Этих учеников позднее назвали «Двенадцатью апостолами Ирландии». Киаран после

многолетних путешествий от одного ирландского монастыря к другому основал обитель на берегу реки Шэннон. Это имя носили несколько ирландских святых.

КОГИТОС, Когитос из Килдара (лат. *Cogitosus*, «мыслящий»; ок. †650) – считается автором гимнов и «Жития святой Бригитты». Память *18 апреля*.

КОЛАМБА, или Колумба, (Кримтан, *Crimthann*, прозванный современниками Колумба, Колум Килле, Кольм Килле, что означает «Голубь Церкви»; 521 — † 597) – ирландский святой монах, проповедник христианства в Шотландии, считается одним из величайших святых древней Ирландской Церкви. Его житие — пример жизни настоящего подвижника, молитвенника и чудотворца. Еще при жизни лицо святого сияло небесным светом — биограф даже пишет, что «он имел лицо ангела». Это фаворское сияние, исходившее от Коламбы, не раз отмечается в его житии и роднит его образ с образом нашего русского святого — Серафима Саровского: «Всех любил, лицо имел счастливое, радуясь в сердце своем радостью Святого Духа». В 563 году святой Коламба основал первый монастырь на острове Айона (территория нынешней Шотландии), который стал колыбелью для множества святых игуменов и святителей древней Церкви на Британских Островах. Святой Коламба считается одним из «двенадцати апостолов Ирландии». Его дядя и племянник также почитаются как святые. Память – *9 июня*.

КОЛМАН, святой Колман Линдисфарнский (†676) – ирландский монах с Айоны, преемник святого Финана в должности игумена Линдисфарна. Святому Колману предстояло стать главным защитником ирландской практики на Соборе в Уитби в 664 году. На том Соборе было принято решение придерживаться римских обрядов. После Собора святой Колман сразу вернулся на Айону вместе с 30 монахами и мощами святого Айдана. Из монастыря Айоны они двинулись в самый западный район Ирландии, где святой Колман основал в 668 году монастырь на острове Инишбофин для ирландских монахов, а позднее обитель для монахов-англичан в Мэйо. Его память совершается *18 февраля*.

КОЛУМБАН (лат. *Columbanus*; франц. *Colomban*; ок. 540 — † 615)— ирландский монах, просветитель, проповедник-миссионер в странах Западной Европы (в Галлии), основатель ряда монастырей, ставших важными центрами христианской учености и подвижничества (Люксей в Галлии, Боббио в Сев. Италии). Память (в Католической церкви) *21 ноября*.

КРУЖКОВ, Григорий Михайлович Кружков (род. 1945) — русский поэт, эссеист, переводчик. Лауреат Государственной премии Российской Федерации по литературе 2003 года.

КУТБЕРТ, святой Кутберт Линдисфарнский (англ. *Saint Cuthbert*; ок. 634 – † 687) – святой, епископ Хексема (684—685) и Линдисфарна (685—687) – англо-саксонский монах и епископ в королевстве Нортумбрия (которое включало в то время северо-восточную Англию и юго-восточную Шотландию до Ферт-оф-Форты), один из главных средневековых святых Англии. Его особо чествуют в тех местностях Шотландии, где он побывал. Является святым покровителем Нортумбрии. Память – *20 марта*.

ЛОЭГАЙРЕ, Лоэгайре, сын Ниалла (др.-ирл. *Lóegaire mac Néill, Loiguire*; ум. ок. 462) — сын Ниалла Девяти Заложников, верховный король Ирландии; наиболее известен, как король, в царствование которого началась миссия святого Патрика. Друиды предсказали Лоэгайре приход Патрика (в «пророчестве» описываются, с точки зрения друидов, тонзура, монашеский плащ Патрика, его посох и церковный

алтарь). По легенде Лоэгайре был похоронен в Таре стоя и в полном вооружении. Один из курганов в Таре, как считается, принадлежит ему. В «завещании» Ниалла Девяти Заложников, которое приводится в одном из генеалогических текстов, говорится, что Ниалл завещал «воинственность и свирепый облик яростно-победоносному Лоэгайре».

ЛУГАЙД, Лугайд, сын Лоэгайре (др.-ирл. *Lugaid mac Lóegairi*; ум. ок. 507) – верховный король Ирландии, сын Лоэгайре, внук Ниалла Девяти Заложников. В отличие от своего отца Лоэгайре, Лугайд редко упоминается в источниках.

МАХУН, Дерек Махун (англ. *Derek Mahon*; род. 1941) – ирландский поэт, переводчик, пишет на английском языке.

МОЛТ, Айлиль Молт (также Айлиль, др.-ирл. *Ailill Molt*; погиб в 482) – Верховный король Ирландии и король Коннахта. Его отец Нат И был сыном Фиахры, брата Ниалла Девяти Заложников, основателя династии Уи Фиахрах, правившей в Коннахте.

МУИРХУ, Муирху из Армы, или Мурху (англ. конец VII века (680-700)) – сын Когитоса, агиографа святой Бригитты; автор «Жития святого Патрика».

НИНИАН, святой Ниниан (англ. *Saint Ninian*; ок. 360 – † 432) – первый прибывший в Шотландию христианский епископ.

ПАТРИК, святой Патрик, Просветитель Ирландии (англ. *St. Patrick, Saint Patrick*, лат. *Sanctus Patricius, Patricus*, ирл. *Naomh Pádraig*, Патрикий; 371/415 – † 460/493) – христианский святой, просветитель и покровитель Ирландии и Нигерии.

ПЕЛАГИЙ, Пелагий (ок. 360 г. – после 431 г.) – знаменитый ересиарх IV в., известен своими взглядами на свободу воли, отрицающими доктрину первородного греха.

РЕНАН, Жозеф Эрнест Ренан (фр. *Joseph Ernest Renan*; 1823 – 1892) – французский писатель, историк и филолог.

РИЛЬКЕ, Райнер Мария Рильке (нем. *Rainer Maria Rilke*, полное имя: *René Karl Wilhelm Johann Josef Maria Rilke* – Рене Карл Вильгельм Иоганн Йозеф Мария Рильке; 1875 – 1926) – австрийский поэт, один из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века. Родился в Праге, имел австрийское гражданство, писал по-немецки. Жил и работал в Триесте, Париже, Швейцарии. Писал также прозу.

САМСОН, или Сампсон Дольский (ок. 490 – † 565) – епископ Дольский, один из семи святых основателей Бретани. Память 28 июля.

СЕДУЛИЙ СКОТТ или СКОТТИГЕНА, Седулий Скотт (*Sedulius Scottus*; IX в.), ирландский поэт и ученый (9 в.), крупный деятель Каролингского возрождения. Блестящий знаток латинского языка и литературы, писал также на греческом. В 848 появился при дворе короля франков Карла Лысого (838–77, император с 875) в составе посольства верховного короля Ирландии Маэля-Шехналя (846–862). При покровительстве епископов Хартгария (840–55) и Франиона (855–901) он основал крупный центр культуры в Льеже, где оставался до 858. Последние сочинения Седулия Скотта датируются около 874.

СЕВЕРИН ТИМ, Северин Тим (англ. *Tim Severin*; род. 1940) – британский путешественник, учёный и писатель. За научные достижения Тим Северин награждён медалью Королевского географического общества (1986) и Золотой медалью

имени Ливингстона Королевского Шотландского географического общества (1988). В 1996 году дублинский Тринити-колледж присвоил ему степень доктора литературы гонорис кауза, а в 2003 году он стал почётным доктором Ирландского национального университета.

СЕНАН, святой Сенан (др.-ирл. *Senán*, или Сенам, *Senames*; ок. 488 – † 560) – игумен из Скаттери (англ.). Святой Католической церкви. Считается, что он основал многочисленные монастыри на островах в устьях рек и в других местах, начиная со Слэни (*Slaney*, то есть Реки Здоровья) в Уэксфорде на побережье Клэра (*Clare*). Память 8 марта.

СТЕФАНССОН, Вильялмур Стефанссон (*Stefansson*, исл. *Vilhjálmur Stefánsson*; 1879 – 1962) – канадский полярный исследователь, этнограф и писатель. Исландец по происхождению. В 1906 – 1912 проводил этнографо-биологические исследования на северо-западном побережье Америки, от мыса Барроу до залива Коронейшен. В 1904 руководитель экспедиции в Исландию, на Аляску, в арктическую Канаду. В 1913 – 1918 исследовал острова Банке и Принс-Патрик, открыл в 1915 к С.-В. от последнего «Землю Борден» (фактически группа из трёх островов), в 1916 у 80° с. ш. – остров Миен и у 77° с. ш. – остров Лохид. В честь Стефанссона назван остров у северо-восточного побережья острова Виктория.

ТОДОРОВ, Цветан Тодоров (фр. *Tzvetan Todorov*; род. 1939) – французский философ, семиотик; болгарского происхождения, теоретик структурализма в литературоведении.

ТОЙНБИ, Арнольд Джозеф Тойнби (англ. *Arnold Joseph Toynbee*; 1889 – 1975) – британский историк, философ истории, культуролог и социолог, автор двенадцатитомного труда по сравнительной истории цивилизаций «Постижение истории», один из разработчиков цивилизационной теории. Удостоен Ордена Кавалеров Почёта.

ФУРСА, святой Фурса, или Фурсей Благочестивый (ирл. *Fursa*, также лат. *Furseus*, *Fursaeus*, *Forseus*, *Fursy*, *Betha Fursa*, *Fhursa*, итал. *Furseo*, в католиц. *Transitus Beati Fursei*, фр. *Fursa of Peronne*, *Furseus of Lagny*, *Furcy*; † умер ок. 650 года) – святой, ирландский монах. Память — 16 января.

ХАМЕЛЬ, Антон Герард ван Хамель (*Anton Gerard van Hamel*; 1886 - 1945) – голландский учёный, известный своим вкладом в кельтские и германские исследования в области лингвистики, литературы, мифологии.

ХИНИ, Шеймас Хини (англ. *Seamus Justin Heaney*; первое имя иногда транскрибируется как Шеймус; 1939 – 2013) – ирландский, точнее, кельтский англоязычный поэт, писатель, драматург, литературовед, переводчик и преподаватель. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1995 года. Католик, посвятивший много стихотворений кельтским святым неразделённой Церкви (православным Запада). Ирландию называет «Островом покаяния».

ЧЕСТЕРТОН, Гилберт Кийт Честертон (англ. *Gilbert Keith Chesterton*; 1874 – 1936) – английский христианский мыслитель, журналист и писатель конца XIX – начала XX веков.

ШИРМЕР, Густав Фредерик Эмиль Ширмер (*Schirmer*; 1829 – 1893) – американский издатель, основатель издательской фирмы «Ширмер». По национальности немец. С 1837 жил в Нью-Йорке. Ширмер был пианистом-любителем, ценителем музыки, образованным человеком с широкими интересами; поддерживал отношения

с видными европейскими композиторами, особенно с принадлежавшими к веймарской школе (был связан с Байрёйтом); Ширмер и его сыновья упоминаются в нью-йоркском дневнике П.И. Чайковского (1891). С 1892 публиковал партитуры классических оперных произведений в изданиях (дешёвая серия) «Библиотека музыкальной классики» (*Library of musical classics*).

ЭУРИГЕНА, Иоанн Скот Эриугена (*Johannes Scot(t)us Eriugena*; ок. 810—877), часто сокращённо Эриугена или Эригена — ирландский философ, богослов, поэт и переводчик, крупнейший мыслитель Каролингского возрождения. Жил и работал при дворе франкского короля Карла Лысого.

ЛИТЕРАТУРА

- Августин Блаженный.** О христианской борьбе. – М., 2010.
- Аверинцев С.С.** Судьбы европейской культурной традиции... // Из истории культуры средних веков. – М., 1976.
- Аверинцев С.С.** Многоценная жемчужина. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тыс. н.э. – М., 1994.
- «Альфа и Омега». – 2000. – № 1.
- Анучин Д.** О судьбе Колумба. Землеведение. – 1891. (Кн. 1)
- Бородин О., Гукова С.** История географической мысли в Византии. – СПб., 2000.
- Василевский В.Г.** Труды. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 322.
- Голан А.** Миф и символ. – М., 1993.
- Гуревич А.** Средневековый мир. – М., 1999.
- Дитмар А.Б.** От Птолемея до Колумба. – М., 1989.
- Известия древних писателей греческих и латинских о Скифах и Кавказе.** Сборн. под ред. В.В. Латышева. – СПб, 1890.
- Иоанн Златоуст.** Комментарий на Книгу Иова. – «Commentarius in Iob». Eds. U. Hagedorn, D. Hagedorn. PTS 35 (1990): 1 – 200. TLG 2062.505.
- Ирландские саги.** – М.-Л., 1961.
- История русской литературы X – XVII вв.** /Под ред. Д.С. Лихачёва. – М., 1980.
- Йейтс У.Б.** Видение. – М., 2000.
- Карсавин Л.П.** История христианского монашества. – М., 1932.
- Кириллин В.М.** Символика чисел в Древней Руси. – СПб., 2000.
- Крачковский И.Ю.** Арабская географическая литература. – М., 2002.
- Кузьмин А.Г.** Летописи и хроники. Сборник. – М., 1974.
- Кэррингтон Р.** Биография моря. – Л., 1964.
- Ле Гофф Ж.** Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
- Мильков В.В., Симонов Р.А.** Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. – М., 2011.
- Морская энциклопедия.** – Ростов-на-Дону, 1996.
- Наследие кельтов:** Сб. – М., 1999.
- Подосинов А.В.** Как древний человек ориентировался в пространстве. Сб. IMAGINES MUNDI. – М., 2013.
- Предания и мифы средневековой Ирландии.** – М., 1991.
- Представления о смерти и локализации иного мира у древних кельтов и германцев.** Сборн. статей. – М., 2002.

- Северин Т.** Путешествие на «Брендане». – М., 2008.
- Соболевский А.И.** Отношение Древней Руси к разделению Церквей. – Прага, 1914.
- Чедвиг Н., Диллон М.** Кельтские королевства. – СПб., 2002.
- Честертон Г. К.** Вечный Человек. /Пер. с англ. Н. Л. Трауберг, комментарии Л. Б. Сумм. – М., 1991.
- Шабанов А.Ю.** Прот. Александр Шабанов. «Голубь Церкви»: Святой Коламба Айонский, просветитель Шотландии. – Тверь: ФВПК «Миссия», 2004.
- Шахнович М.М.** Монументальные каменные кресты Карелии. – Кирьяж – СПб., 2008.
- Широкова Н.С.** Культура кельтов и нордическая традиция античного мира. – СПб., 2000.
- Asche G.** Land to the West. St. Brendan's Voyage to America. – London, 1962.
- Bonebakker E.** Van sente Brandane naar het Comburgsche en het Hulthemsche handschrift, opnieuw uitgegeven. – Amsterdam, 1894.
- Burrell M.** Narrative structures in Le Voyage de St. Brendan // Parergon. – №17. – 1977.
- Draar M.** De reis van Sinte Brandaan. – Amsterdam, 1949.
- Burgess G. S., Strijbosch C.** The Legend of St. Brendan: A Critical Bibliography. – Dublin: Royal Irish Academy, 2000.
- Mackley J.S.** The Legend of St. Brendan. A Comparative Study of the Latin and Anglo-Norman Versions. – Leiden, Boston, 2008.
- Sharpe R.** Medieval Irish Saints' Lives: An Introduction to Vitae Sanctorum Hiberniae. – Oxford: Clarendon Press, 1991.
- Ritchie R.L.G.** The date of the Voyage of St. Brendan // Medium Aevum. – №19. – 1950.
- Schroder C. G. E.** Sanct Brandan: ein lateinischer und drei deutsche Texte. – Verlag von Eduard Besold, 1871.
- Selmer C.** Navigatio Sancti Brendani Abbatis, from Early Latin Manuscripts, Edited with Introduction and Notes // Mediaeval studies. – №16. – Indiana: University of Notre Dame, 1959.
- Strijbosch C.** The saint and the world: the Middle Dutch Voyage of Saint Brendan // Cambridge studies in medieval literature. – №21. – Cambridge, 1994. – С. 191 – 207.
- O'Loughlin T.** Celtic Theology: Humanity, World and God in Early Irish Writings. – London: Continuum, 2000.
- O'Meara J.** The voyage of Saint Brendan : journey to the promised land. – Mountrath, Portaloise [Irlanda] : Dolmen, 1981.
- Orlandi G.** Navigatio Sancti Brendani // Varese-Milano: Istituto editoriale cisalpin. – Vol. I. – 1968.
- Waters E.G.R.** The Anglo-Norman Voyage of Saint Brendan by Benedeit. – Oxford: Clarendon Press, 1928.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. После Святого Патрика. Церковь поэтов и странников	9
Глава 2. В поисках вечного рая среди знаков и символов	33
Глава 3. От «Плавания» к «Путешествию»	46
Кораблики святому Брендану	63
Плавание. Эпизод 1	65
Кораблик 1	68
Плавание. Эпизод 2	75
Кораблик 2	78
Плавание. Эпизод 3	85
Кораблик 3	87
Плавание. Эпизод 4	95
Кораблик 4	98
Плавание. Эпизод 5	103
Кораблик 5	107
Плавание. Эпизод 6	113
Кораблик 6	117
Плавание. Эпизод 7	127
Кораблик 7	128
Плавание. Эпизод 8	135
Кораблик 8	136
Плавание. Эпизод 9	145
Кораблик 9	147
Плавание. Эпизод 10	153
Кораблик 10	155
Устав Céili Dei: Христианская аскеза северной Атлантики	160
Плавание. Эпизод 11	165
Кораблик 11	166
Плавание. Эпизод 12	171
Кораблик 12	174
Плавание. Эпизод 13	181
Кораблик 13	182
Плавание. Эпизод 14	189
Кораблик 14	191
Плавание. Эпизод 15	197
Кораблик 15	199
Плавание. Эпизод 16	203
Кораблик 16	205
Глава 4. Остановка на Северо-Западе	210
Словарь имен	229
Литература	237

